

Из истории отечественной палеоботаники (переписка С.В. Мейена и Н.С. Снигиревской)

...Ощущение бесконечности будущего не уходит даже с годами.

Н.С. Снигиревская
(письмо С.В. Мейену от 17 марта 1987 года)

Так сложилось в век Интернета, что эпистолярный жанр практически исчез, не то что из употребления, а превратился в краткие записки, символы и междометия, которыми заменяется большинство эмоций, мыслей и рассуждений, в том числе саркастических или критических. Теперь письма, как нынче говорят, «на бумажном носителе» вышли из употребления, но не из моды. Вполне «модно» отправить открытку с видом или письмо, в котором будет пара ничего не значащих строчек, из какого-нибудь известного места в мире, где в силу тех или иных причин оказался отправитель. И это уже называется письмом!

Впрочем, у нас имеется возможность обратиться к эпистолярному наследию многих известных людей, состоявших в переписке друг с другом задолго до появления Интернета. Это реальные письма, оставшиеся в многочисленных личных и исторических архивах. Они были написаны до эпохи становления компьютерного мира.

Здесь, правда, возникает этический вопрос. Имеем ли мы моральное право касаться личных дел ушедших из жизни людей? Известный писатель Александр Иванович Гончаров, например, просил своих корреспондентов уничтожать его письма, поскольку очень не хотел, чтобы они когда-нибудь были опубликованы [9, с. 522]. Это не помешало, однако, в собраниях его сочинений опубликовать многие из дошедших до нас 1200 писем А.И. Гончарова.

Думается, что письма, содержащие исключительно личную, интимную информацию не должны находить место на страницах публикаций. Но есть письма совершенно иной категории. В них отражены события прошлого, иначе во многом остающиеся неизвестными.

Моя мать, Наталия Сергеевна Снигиревская (1932–2015), известный палеоботаник, состояла в обширной переписке с большим числом отечественных и зарубежных нео- и палеоботаников. В основном это было обусловлено тем, что в течение ряда лет она занималась подготовкой крупнейшего международного события в нашей стране – Международного ботанического конгресса 1975 года в Ленинграде [75]. Однако был еще целый ряд отечественных специалистов, с которыми Н.С. вела оживленную переписку. На особом месте стоит ее переписка с Сергеем Викторовичем Мейеном (1935–1987), крупнейшим ученым-энциклопедистом, с которым Наталию Сергеевну связывали давние дружеские отношения. Эти отношения, как будет видно из приводимых писем, были разными – от восторженных и светлых до грустных и содержащих некоторые намеки на упреки или недопонимание.

Предлагаемая вниманию читателей переписка в основном не отвечает понятию классического эпистолярного жанра. Главная часть писем С.В. Мейена – о науке, об ученых, о той обстановке, в которой пришлось жить и работать Сергею Викторовичу. Огромное место уделено мнению С.В. Мейена по тем или иным палеоботаническим вопросам. По сути дела, перед нами – большая научная работа Сергея Викторовича. В ней он поясняет простым языком и, зачастую не особенно стесняясь в выражениях, основные этапы своей научной деятельности, свои взгляды на ту или иную группу ископаемых растений, важные вопросы систематики, номенклатуры. Эта переписка дает возможность проследить эволюцию отношений Сергея Викторовича с окружающим его миром. На-

пример, в одном из первых писем он, немного стесняясь и при этом боясь навлечь на себя гнев своего учителя – Марии Фридриховны Нейбург, отправляет Н.С. художественную фотографию («Старые сваи в Абрамцево»), сделанную «тайком» в свободное время. Чуть позже он начинает активно противодействовать методам и результатам работы ленинградского палеоботаника Г.П. Радченко, конфликт с которым вырос до разрушительных размеров и наверняка намного сократил жизни обоих. Однако в 1981 году Сергей Викторович пишет, что «среди окружения Нейбург» было принято ругать Радченко «по любому поводу <...> в чем я по недомыслию активно участвовал».

Очень прошу тех, кто будет читать эту переписку, не винить меня за то, что я обнародую приводимые ниже материалы. Это сделано не для того, чтобы вывести кого-то «на чистую воду» или тем более очернить. Прошу рассматривать эту публикацию исключительно как попытку поделиться интереснейшими главами истории отечественной палеоботаники, написанными рукою крупнейшего ученого – Сергея Викторовича Мейена. Как справедливо отмечал в одном из писем Н.С. Снигиревской А.В. Гоманьков (наряду с И.А. Игнатъевым – один из любимейших и наиболее ценных учеников Сергея Викторовича), «жизнь Сергея Викторовича была очень бедна внешними событиями и основные вехи его жизни – это публикации тех или иных его научных трудов».

В процессе подготовки материалов я постоянно обращался к спискам публикаций тех или иных упомянутых лиц, во многих случаях было неясно, о какой статье или книге С.В. Мейена или его коллег идет речь в том или ином месте переписки. Так автоматически создалось ощущение необходимости

сопроводить тексты писем С.В. ссылками на упоминаемые работы. Они расставлены в тексте в квадратных скобках. С моей точки зрения, это существенно облегчает понимание тех или иных положений, высказываемых им, и облегчает поиск литературы по поднимаемым вопросам. Некоторые письма снабжены краткими комментариями, которые приводятся непосредственно после соответствующего письма.

Может быть, совпадение, но весьма интересное: только два первые и самое последнее письма С.В. Мейена начинаются словами «Дорогая Наташа!»; первое и последнее подписаны – «Серёжа». Все остальные – «Дорогая Наташенька!» и «Твой Сергей».

Публикуемые письма хранятся в разбираемом мною архиве Н.С. Снигиревской. Находились они в различных папках, но всюду было отмечено: «моя переписка с Серёжей» или «С.В. Мейен». Многократно разбирая свои архивы в последние годы жизни, Н.С. уничтожила многие из писем, но эти оставила и бережно хранила. Однажды она сказала мне: «Потом считаешь, увидишь там много интересного». Никаких просьб ко мне относительно того, чтобы не делать эти письма достоянием общественности, Н.С. не высказывала. Поэтому я считаю своим долгом опубликовать фрагменты из переписки С.В. Мейена к Н.С. Снигиревской. Предлагаемые вниманию читателя 70 писем в

Н.С. Снигиревская (около 1974 г.)

С.В. Мейен (1971 г.)

основном принадлежат С.В. Мейену. Ответных писем Н.С. Снигиревской сохранилось мало (в подготовленный текст вошли только десять). Часть писем для этой публикации были обнаружены Ю.В. Мосейчик в архиве С.В. Мейена в Геологическом институте РАН (ГИН РАН, Москва).

Идея опубликовать переписку С.В. Мейена с Н.С. Снигиревской возникла у меня после интереснейшего доклада Александра Ивановича Жамойды на сессии Палеонтологического общества в 2018 году, где он рассматривал некоторые детали своей переписки с Сергеем Викторовичем Мейеном.

В публикуемых материалах часто встречаются упоминания академика Армена Леоновича Тахтаджяна – крупнейшего ботаника, систематика и организатора науки. Н.С. Снигиревская была его любимой ученицей. Через нее С.В. Мейен познакомился с А.Л. Тахтаджяном и впоследствии неоднократно общался с ним на различные научные и организационные темы. В частности, важной вехой их взаимоотношений стало написание отзыва на докторскую диссертацию С.В. Мейена от лица ведущей организации – Ботанического института им. В.Л. Комарова, большей частью написанного Н.С. Снигиревской и подписанного А.Л. Тахтаджяном. Для более ясного понимания некоторых моментов публикуемой переписки я посчитал логичным приложить к ней несколько писем С.В. Мейена, адресованных А.Л. Тахтаджяну.

Цитируемые письма хранятся в Архиве Ботанического института РАН (БИН РАН, Санкт-Петербург; фонд 273, опись 29, дело № 14). Автор выражает искреннюю признательность за помощь в поиске некоторых литературных ссылок и важные комментарии Н.В. Носовой (БИН РАН) и Ю.В. Мосейчик (ГИН РАН).

В письмах по возможности сохранена пунктуация обоих корреспондентов; очевидные опiski или опечатки исправлены в тексте без указания на них; сокращения восстановлены в угловых скобках.

С.М. Снигиревский

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
8 ноября 1960 года

Дорогая Наташа!

Думаю, что Вы не рассердитесь на меня за такое фамильярное обращение, но в нашем возрасте оно подходит, пожалуй, больше, чем, например, «глубокоуважаемая», хотя Вы, вне всякого сомнения, и являетесь последней. Я, как приехал из экспедиции, все собиравшись написать Вам о результатах этой экспедиции и о другом, то есть продолжить наш первый разговор. Лето мое было одновременно и удачным, и неудачным. Во-первых, я сглазил или нахвастался, а может быть, то и другое вместе, но во всяком случае такую сохранность кордаитов, какие у меня есть из Инты (то, что Вы смотрели), видимо, искать в Тунгусском бассейне практически бесполезно. Я нашел очень похожие породы, которые раньше, видимо, были именно нужными породами, но траппы все пропарили насквозь и вместо структур на месте листьев витрен. Во-вторых, была плохая погода, породы вечно были мокрые, а это страшно усложняло работу, особенно просмотр в поле, прямо на обнажении, образцов на предмет сохранности клеток эпидермиса. Это «неудачная» часть. Все остальное хорошо. Привез все, что *специально* искал: кору кордаитов, мхи и многое другое. В этом году много времени уделил различным наблюдениям за ассоциациями, связями тех или иных комплексов с фациями и т.п. Удалось, кажется, подметить некоторые закономерности, но пока что это еще только жалкие заметки. Аналогичные работы, как я недавно узнал, ведутся во ВСЕГЕИ.

Недавно я вспомнил наш разговор о том, что наши великие палеоботаники – люди и тоже могут ошибаться, причем очень даже здорово. Залесский в одной из работ пишет: «кордаитовидные листья Кузнецкой, Тунгусской и Индийской флор, как не имеющие ложных жилок между настоящими дихотомирующими жилками, в том смысле, как это принималось раньше, не могут быть помещены в род *Cordaites*, а должны быть выделены в род *Noeggerathiopsis*». Иначе говоря, он утверждает, что наличие ложных жилок является основным признаком рода *Cordaites*. Недавно я читал Гранд'Эри [94] и там черным по белому написано, что по анатомии листа все кор-

даиты делятся на три группы, из которых две *не имеют* ложных жилок, и *только одна* группа имеет их. Мария Фёдоровна¹ призналась, что она, в основном, просто поверила Залесскому на слово и тщательно не штудировала французов по этому вопросу. Радченко, видимо, тоже. В этом году я привез довольно много артефактов, но совершенно нет настоящих плодоношений. Но последнее, видимо, объясняется просто малой изученностью наших бассейнов и недостаточностью сборов. Больше всего меня, пожалуй, смущают древесины. Есть ли у нас древесины типа *Cordaites* и *Mesoxylon*, и что такое *Mesopitys*? Насколько последний составляет обособленный тип? Интересно так же, прав ли Мих<аил> Дм<итриевич>, когда он связывает *Noeg<gerathiopsis> aequalis* и *Mesopitys* по строению мякоти листа с ее черным содержимым в клетках и сердцевинных веточек, а также паренхимы обрывков коры. Неужели это действительно обоснованное заключение (см. работу 1917 г. [125])? (Кстати, как Вы переводите «transfusion tissue»? Что это такое, я знаю, но как это звучит в русском переводе, не знаю.)

Недавно видел Лазаря Ефимовича². Он мне показал *тот* номер «Комсомольской правды»³. Теперь Вам со всего Союза пойдут письма новых поклонников.

Ну вот, кажется, и все. Прошу прощения за отсутствие лаконичности и некоторых запятых и присутствие помарок, если бы я писал рукой, получилось бы еще хуже, это точно.

Всего хорошего.

Ваш Серёжа.

P.S. Вы, наверное, помните наш договор, что вся моя внеинститутская деятельность плохо одобряется Марией Фёдоровной. Она боится, что я расскажу кому-нибудь что-нибудь лишнее. Так что все это tête-à-tête. Я решил написать Вам, так как мне мало можно с кем поделиться, а с Вами безусловно можно. Ведь верно? Посылаю Вам просто так сваи на старой мельнице в Абрамцево под Москвой⁴.

¹ М.Ф. Нейбург.

² Л.Е. Штеренберг.

³ См. с. 58 настоящего издания.

⁴ См. фото 1 на вклейке.

Вырезка из № 254
газеты «Комсомольская
правда» от 26 октября
1960 года

Интересная специальность у Наташи Снигиревской. Она палеоботаник и работает во Всесоюзном ботаническом институте. Почти всю весну и лето нынче Наташа провела в научной экспедиции в Армении и Донбассе. Много интересных находок привезла Снигиревская. Вы видите ее за изучением остатков растительного мира, который существовал в Донбассе 250 миллионов лет назад.
Фото В. ГАЛАКТИОНОВА.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 21 сентября 1962 года

Дорогая Наташа!

Невеселое письмо сел я написать. Осиротел наш институт, но особенно, конечно, осиротел я¹. Теперь начнется нелегкая совершенно самостоятельная жизнь, в которой никто не будет удерживать от опрометчивого шага. По правде сказать, больше всего я рассчитываю на поддержку двух людей. Это В.В. Меннер и Вы. Конечно, всегда пойдет навстречу и В.А. Вахрамеев, но у нас с ним все же несколько разные вкусы в палеоботанике. Я больше люблю именно палеоботанику, а он больше склонен к палеофлористике и стратиграфии. Теперь мне предстоит довести до печати неоконченные труды Марии Фёдоровны. Относительно организационных моментов моего будущего известно еще очень мало. Конечно сейчас я буду разбираться в колоссальном наследии и параллельно вести свою работу. Сейчас ко мне подходят и говорят, чтобы я срочно форсировал диссертацию, а я ее рассчитывал писать не раньше, чем через два года, а защищать разумеется еще позже. Теперь надо пересматривать все сроки. По-видимому, мне не придется заниматься только кордаитами, как это было до сих пор. В.А. Вахрамеев говорит, что мне теперь надо брать шире. Буду стремиться к настоящей анатомии растений, а не к несчастному эпидер-

мису. Но здесь мне конечно не обойтись без квалифицированной консультации. Если Вы согласитесь время от времени меня консультировать, то я со своей стороны обещаю быть прилежным и неназойливым учеником.

Недавно реферировал последние две Ваши статьи. Особенно оценил статью по *Botryopteris* [62]. Уж больно надоели флоры и просто новые виды. Даже странно читать такую статью на русском языке.

Сейчас буду сдавать в печать две статьи. В одной из них я выделяю новый род среди ангарских кордаитов на основании присутствия дорзальных желобков, которые отсутствуют у настоящих европейских кордаитов [20]. Во второй статье предлагаю отказаться вообще от названия *Noeggerathiopsis*, как неправомерного, незаконно сохраняемого и совершенно скомпрометированного названия [22]. Кроме того, вчера написал некролог в «Палеонтологический журнал» [19]. Написал в нем все то, что мне не удалось сказать на панихиде.

Вот и все. Желаю Вам всего хорошего и надеюсь на скорый Ваш ответ. Вместе с письмом посылаю оттиск.

С. Мейен.

¹ Речь идет о трагической гибели М.Ф. Нейбург 16 сентября 1962 г.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
5 февраля 1963 года

Дорогая Наташенька!

Получил сегодня твое письмо и воспрял духом. Кстати, получил его я немного не вовремя, и получилась интересенькая история. Ко мне сегодня утром пришел Ю. Тесленко посмотреть юрские образцы М<арии> Ф<ёдоровны>. Он смотрел что-то там, и в это время пришла лаборантка и принесла почту. Я взглянул на конверт и совершенно инстинктивно воскликнул: «От Наташи!!!». И только тогда сообразил, кто сидит в кабинете. Пришлось что-то путанно объяснить. Но Юра и глазом не повел. Как-будто он тебя и не знает.

С тех пор, как я приехал, никак не могу расстаться с мыслями о тебе. Хотя мы и простились, но я тебя все же, конечно, ждал. Хотя дома и не особенно. Собственно, «адрес» ты, видимо, все же неправильно поняла. Я не был один дома. Мне просто хотелось побыть с тобой дольше. Наверное, это лучше, что я приехал домой не сразу после последней встречи с тобой. И так-то мне пришлось играть роль. А если бы ты меня проводила, это было бы значительно труднее. Все, что я тебе пишу, конечно, тебя не развеселит. Но ничего, впереди еще *много встреч*, и это меня, например, веселит. Это я цитирую твое письмо.

Я сижу сейчас и теряюсь. Это письмо тебе я пишу уже с приезда в уме, а сейчас сел за машинку, и не клеится. Как-то очень грустно и шепит все время. Я все эти дни строю какие-то дурацкие планы, как бы вытащить тебя в Москву. Боюсь после подобных писем ты совсем не захочешь приезжать. Это будет ужасно. Однако я уверен, что период настроений этих дней скоро пройдет и останется только далекая голубая и хрупкая мечта. Тогда ты сможешь спокойно приезжать. У меня будет иммунитет¹.

Хотел тебе написать сразу после приезда, но решил воздержаться, чтобы не было «архитектурных излишеств». А вот получил от тебя письмо, написал это свое и не смог удержаться от них. Но ты ведь не сердисься?

Официальный повод для этого письма: курс по микрофотографии.

Я прикладываю к письму схемку переходников, которые надо изготовить в любой механической мастерской, где есть токарный станок. Стоимость их ничтожная (не больше 4–5 руб. за оба).

На рис. 1² изображен переходник для МБС-1, чтобы можно было снимать с Zenitom с увеличением на отпечатке в 5–10 раз. На схеме синим показано то, что относится к биноклю, красным – к фотоаппарату, а зеленым – переходник в разрезе. Все держится на 4-х зажимных винтах, два из которых зажимают окуляр, а два – объектив фотоаппарата. Последний устанавливается на бесконечность и должен прилегать оправой вплотную к окуляру. Диафрагма объектива фотоаппарата должна быть открыта полностью. О диафрагмировании ниже. Зажимные винты лучше располагать не так, как показано на рисунке (я их так нарисовал, чтобы было понятнее). Расположение винтов смотри на рис. 1а. Относительно диафрагмирования: диафрагму я тебе посылаю. Она сделана, как видишь, из кусочка бритвы. Вставлять ее надо, освободив зажимной винт А (см. рис. 1б) и сняв биноклярную насадку. Когда ты снимешь ее, то увидишь два окошечка от объектива микроскопа. Кладешь диафрагму на одно из них и фиксируешь кусочком пластыря. Однако применять диафрагму надо только при съемке с объективом 1 (то есть для конечного увеличения $\times 5$). При объективе 2 (для конечного увеличения $\times 10$) диафрагмировать для плоских объектов не надо, и так будет хорошо. Окуляр надо брать $\times 8$.

Съемка с увеличением 20–50 раз проще и делается с любым биологическим микроскопом. Переходник тоже устроен проще (рис. 2)³ и имеет только два зажимных винта (для зажима окулярного тубуса. Зажимать винты особенно крепко нельзя: можешь попортить окулярный тубус). Съемка проводится без объектива фотоаппарата, и верхняя резьба ввинчивается в фотоаппарат. Если будешь снимать с увеличением 20–40–50 раз, то удаляется и окуляр, и свет прямо с объектива идет на пленку. При съемке 100–300 раз ставится окуляр 10 или 15 \times . Для увеличения 20 раз надо иметь объектив 3,7 \times , который входит в комплект микроскопа сравнения МС-51. Кроме того, при этом увеличении надо применять широкопольный конденсор, который входит в комплект МБИ-3. Для больших увеличений пригоден обычный конденсор. Я не знаю, что и как у тебя будет, какие будут переходники. Отдельно у меня есть еще и переходные кольца для Zenita (они продаются). Их я навинчиваю, если снимаю с окуляром. Вертикальную насадку для съемки с биологическим микроскопом лучше брать от МБИ-3, так как у нее раздвижное устройство. Имей в виду, что если будешь снимать без оку-

ляра, посередине негатива может появиться темное пятно от засветки. Засветка получается от бликования внутренней поверхности тубуса. Чтобы его удалить, надо вкладывать в тубус трубочку из матовой черной бумаги (посылаю).

Теперь относительно освещения. Освещение должно быть довольно мягким, ни в коем случае не прямым. Надо ставить диффузоры: матовые стекла или т.п. Глубоко диафрагмировать конденсором не надо. В меру.

Я все почти фотографирую на пленку Микрат-160 или Микрат-200 (это все равно). Но только надо снимать на эту пленку со значительной (2–3 раза) передержкой и недопроявлять, так чтобы засвеченный конец пленки после проявления был не черным, а серым. Тогда пленка эта дает довольно мягкий рисунок. Иначе она чересчур контрастна. Проявлять можно в любом пленочном проявителе, лучше в А-12 или другом метоловом. В результате такой методики получаются довольно мягкие негативы, которые лучше печатать на бумаге № 4 или даже 5. Точность увеличения контролируется съемкой объект-микрометра или при малых увеличениях любой линейкой. Увеличение надо подбирать так, чтобы с негатива на бумагу увеличивать не более, чем в 3 раза, то есть получать фотографии 9×12.

Наверное, я забыл тебе что-нибудь написать. Когда ты начнешь работать, это быстро выяснится, тогда пиши или звони. Мой служебный телефон ВЗ-00-47 доб. 1-45. Твой звонок для меня будет праздником, сама понимаешь. Так же как и любое твоё письмо.

Посылаю тебе вместе с этим письмом всякую ерунду⁴, в том числе развлекательную: пародию Паперного на Кочетовского «Секретаря райкома»⁵.

Боюсь, что по письму ты мало усвоишь в технике съемки, и втайне надеюсь, что это послужит лишним поводом к твоему приезду в Москву.

Кстати есть прекрасное средство борьбы с насморком, говорят, очень хорошее, но и очень смешное, типично китайское: на ночь мажут одну пятку йодом и надевают шерстяные носочки. Если не помогает – делают то же и с другой пяткой. Здорово?

Посылаю также карточку той статьи Леклерк, о которой мы говорили и которой нет в библиотеках Союза. Если она у тебя есть, напиши мне, что там о кордаитах, присылать не надо.

Сейчас выпроводил всех из кабинета и остался один, то есть с тобой. Теперь бы можно и пописать спокойно, но боюсь, что ударюсь в сен-

timentальность. А она раздражает и меня, и, как будто, тебя. Вообще, я чувствую, что пора заканчивать письмо, и так оно чересчур большое, но очень жалко кончать. Завтра с утра проявлю пленки, фото пришлю позднее. Сейчас некогда печатать.

Ну ладно, хватит писать, потерплю теперь до следующего раза. Кстати, напиши о разговоре с Ю.⁶ и Новик. Очень интересно.

Сергей.

Р.С. Съемку в 5–10 раз можно хорошо делать с увеличителем. Вставлять вместо негатива твой шлиф или пленку и печатать на репродукционную пластинку небольшой чувствительности (не больше 10 ед. ГОСТ), а затем проявлять в пленочном проявителе, чтобы было мягче. Печатать тоже надо с передержкой и недопроявлять (это все делается при красном свете, также как и с Микратом).

Р.Р.С. Фото М<арии> Ф<ёдоровны> для Ант<онины> Ивановны⁷. Она просила. Ей и всем, кому сочтешь нужным – привет. Конечно, домашним. Арунгазыевым⁸ я позвонил.

¹ К этим двум абзацам рукой Н.С. Снигиревской существенно позже добавлен комментарий: «Я и не подозревала о таких глубоких чувствах, а все больше смеялась, не соглашаясь на близость! Смешной мальчик, оказывается, он очень серьезно обдумывал “будущее”, которого для меня с ним, моим “братом” и другом, никогда не было даже в мыслях!».

² См. рисунок 1 на вклейке.

³ См. рисунок 2 на вклейке.

⁴ См. фото 2 и 3 на вклейке.

⁵ Имеется в виду сатирическая пародия З.С. Паперного на роман В.А. Кочетова «Секретарь райкома». Пародия не была опубликована и распространялась в «самиздате».

⁶ Скорее всего, Ю.В. Тесленко.

⁷ А.И. Турутанова-Кетова.

⁸ Семья В.Ю. Арун-Газиевой.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 3 января 1964 года

Дорогая Наташенька!

Я очень винюсь. Получил сегодня от тебя поздравление и угрызнулся, что за делами не сделал соответствующее. На это есть, конечно, какие-то оправдания. Перед самым новым годом мне сообщили довольно неприятные для меня вещи: в нашу комнату подсаживают В.П. Масло-ва. Кроме того, как будто окончательно провали-

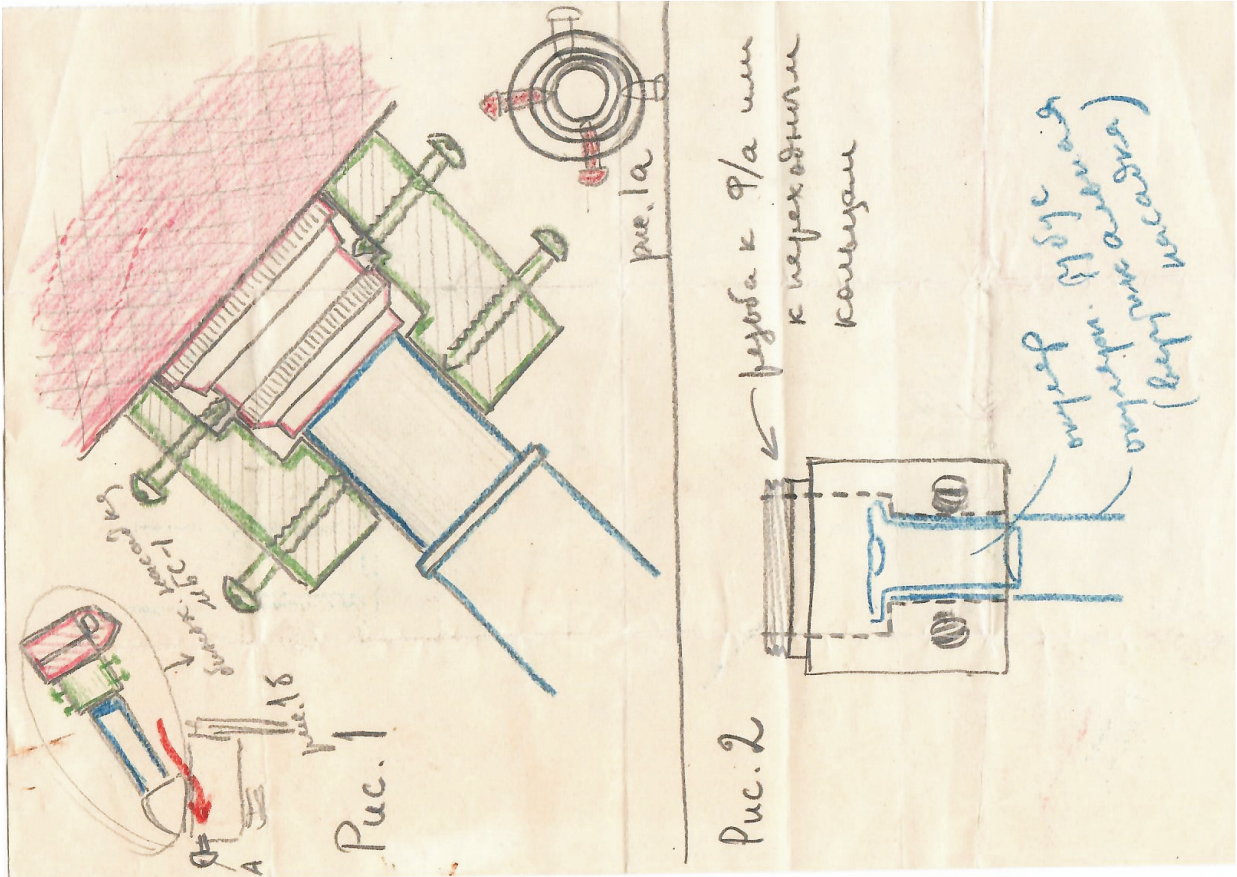
К переписке С.В. Мейена и Н.С. Снигиревской

Фото 1

Фото 2

Рисунки 1 и 2

Фото 3

лись мои надежды на расширение штата нашей комнаты. К этому добавились всякие мелочи. Я кое-кому отправил поздравления, а кое-кому написал, но отправить так и не отправил: протаскал в кармане. Спасибо тебе за твои пожелания. Очень рад за тебя, что ты уже пишешь автореферат [64]. Мне это предстоит весной.

В феврале я приеду в Ленинград на сессию ВПО. Опять с докладом, но на этот раз не спекулятивным, а более конкретным. Хочу рассказать о кордаитах, методе их исследования и принципах систематики [21]. Кроме того, мне хотелось бы доложить у Вас в БИН'е, так как мне надо, чтобы меня послушали ботаники. Этот доклад будет гораздо больше ботаническим, чем для сессии ВПО. Буду очень благодарен тебе, если ты договоришься об этом с Вашим руководством. Точное время сейчас очевидно назначить нельзя, так как программа сессии еще не известна, и как бы не получилось накладки.

У меня есть кое-что новенького и очень интересного. Приеду – покажу.

Вот, как будто, и все. Я, конечно, поздравляю и тебя с теперь уже прошедшим Новым Годом. Желаю тебе всякого такого, что не для протокола.

Всего хорошего,

Сергей.

Н.С. Снигиревская – С.В. Мейену
27 апреля 1964 года

Дорогой Серёженька,
вот я и дома.

Снова – уйма дел и забот! А от свидания и разговоров с тобой – какое-то состояние неудовлетворенности.

Как ты уже знаешь, я все забыла! Володя¹ обещал перед отъездом зайти и взять пластинки и образцы. Очень прошу тебя передай все с ним. Сразу же я к ним приступлю и в самом ближайшем времени постараюсь их обработать.

Домашние мои, все больны гриппом. Видимо, заразились от Кати. Погода здесь довольно хорошая, дожди прекратились, солнечно, но довольно прохладно. Ночью были даже заморозки.

Долетела я благополучно. Володя меня проводил. Вся дорога заняла всего час. Впечатление от полета – грандиозное! Во-первых, потрясающая смена красок! В районе Москвы облачность была сплошной, но ближе к Ленинграду появились в ней окна и была видна земля, темная, серовато-зеленовато-черная с белыми пятнами на

месте озер и речек, еще покрытых льдом. В Ленинграде еще было светло, и засветло добралась до дому.

Тебе от наших привет и наилучшие пожелания. Я, конечно, рассказала о твоей очаровательной половинке и Катюшке². От меня Рите³ тоже передай привет и заверения в самой искренней симпатии. Ты, дорогой мой человек, счастливец! и береги свое счастье всеми силами. Такое достается очень редко кому.

Заявку на книгу М<арии> Ф<едоровны> [127] послала я, Инна⁴, Ант<онина> Ив<ановна>, Галля⁵ и Валя⁶. Позвоню еще во ВСЕГЕИ.

Передай мое коротенькое письмо Гене⁷. Вручил ли ты ему словарик? Скажи В.А. Вахрамееву, чтобы он не доставал книгу Армена Л<еоновича>⁸. Я ему пришлю, но чтобы он не присылал мне деньги. Я хочу просить Арм<ена> Л<еоновича> сделать на ней соответствующую надпись.

Привет и самые лучшие пожелания Галине Михайловне⁹ – она мне очень понравилась, умная, пикантная женщина.

Пиши,

твоя Наташа.

¹ Скорее всего, В.Р. Филин.

² Е.С. Олесова (Мейен).

³ М.А. Мейен.

⁴ И.А. Шилкина.

⁵ Скорее всего, Г.В. Делле.

⁶ Скорее всего, В.А. Самылина.

⁷ Г.Н. Садовников.

⁸ А.Л. Тахтаджян.

⁹ Вероятно, Г.М. Смирнова.

Н.С. Снигиревская – С.В. Мейену
29 апреля 1964 года

Дорогой Серёженька,

пишу снова, так как у нас в лаборатории случилось ужасное несчастье – умер М.З. Козлов, наш шлифовальщик. Он повесился в состоянии опьянения в 10³⁰ вечера в понедельник. Я уж не говорю о том, что мы потеряли прекрасного отзывчивого человека, но кроме того это был лучший мастер своего дела. Второго такого мы уже не найдем. Что я буду делать, не представляю. Для меня – это катастрофа!

Передай Гене¹, что его шлифовальную опечатали и проникнуть туда для изготовления пленок не удастся. В связи с этим, возможно, лучше отложить его приезд сюда, так как это будет пустая трата времени. Правда, он может проконсульти-

роваться с В. Самылиной и Г. Делле, но в смысле анатомии они не помогут. По-видимому, лучше подождать. Я ему вышлю на днях готовые пленки, пусть он попробует их на своих образцах.

Между прочим, я говорила с Галей Делле о терминологии папоротников. Она, как и я, считает сегментом не перышко, а части его, то есть лопасти. Кроме того, она рекомендовала мне (а я тебе) статью R. Fryon. 1960. *A glossary of some terms relating to the fern leaf. Taxon*, 9(4): 104–109 и краткий ее реферат А.Е. Боброва в Бот<аническом> ж<урнале> 1961, т. XLVI: 736–739, возможно, что ты ее знаешь.

Ну, дорогой человек, желаю тебе всяческих успехов, привет Галине Михайловне и Гене, а также твоим домашним.

Наташа.

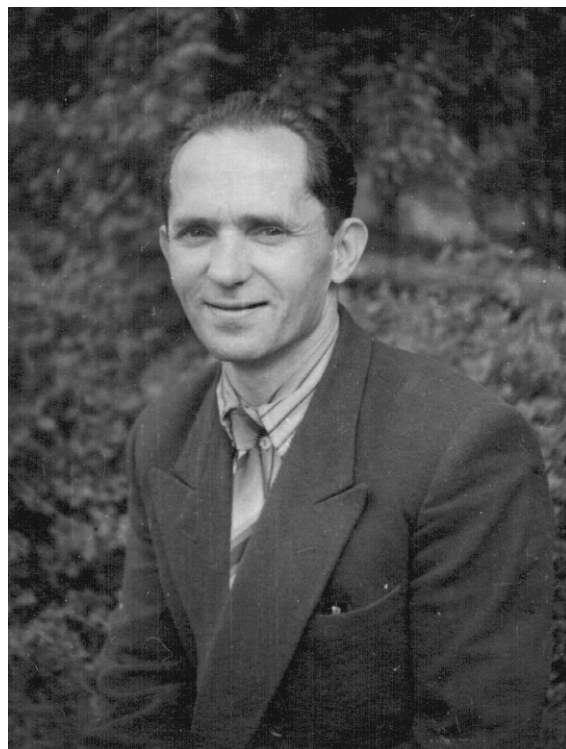
¹ Г.Н. Садовников.

С.В. Мейен – Н.С. Снегиревской
6 мая 1964 года

Дорогая Наташенька!

Пишу тебе это коротенькое письмо, почти записочку, так как не имею времени на обстоятельное. Я не умею писать тебе письма просто так, на ходу. Да и не люблю. Но все же хочу написать, так как после твоего отъезда у меня осталось то же чувство, о котором ты пишешь. Все было как-то очень по-дурацки. Но, может быть, действительно нет худа без добра. Всякая дальнейшая интеграция может пойти не на пользу будущему.

Сейчас Вахрамеев уехал и оставил меня вместо себя. То и дело кто-то тормозит с разными делишками. А я должен к его приезду положить ему на стол готовую диссертацию. Ты знаешь, что это такое. Кроме того, у меня не написан еще автореферат. Я его должен написать по крайней мере к 20 мая. По-видимому, предварительная защита у меня будет 22 мая. 25 мая я должен буду уже быть в Новосибирске на совещании¹. Вахрамеев сказал, что мне надо обязательно ехать. К этой великой баталии надо как следует подготовиться. За это же время должны утрясаться дела Генки² в связи с его переходом в ВАГТ. Одним словом, не знаю, как все успеть. Но уж теперь все мосты сожжены. Ну, вот и все. Больше пока не пишу. Страшно было услышать о гибели Козлова. Я его помню, он заходил как-то при мне в твою комнату. Такой симпатичный

Шлифовальщик М.З. Козлов (1960 г.)

и преданный человек. Желаю тебе всего наилучшего.

¹ Межведомственное стратиграфическое совещание, на котором обсуждалась предложенная С.В. Мейеном схема сопоставления верхнепермских отложений Кузнецкого и Тунгусского бассейнов.

² Г.Н. Садовников.

С.В. Мейен – Н.С. Снегиревской
6 декабря 1964 года

Дорогая Наташенька!

Как видишь, не успела ты уехать, а я уже посылаю тебе вдогонку письмо. Все же как-то очень стремительно ты уехала, и осталось слишком много необговоренных моментов, а часть претензий ко мне ты высказала в самый последний момент и я не успел тебе ответить. Впрочем, может быть, это не очень нужно отвечать именно тебе, так как ты и без этого прекрасно понимаешь, что я собой представляю, но поскольку в обсуждаемую сферу вошли Гомолицкий и Тахтаджян, я должен расставить некоторые очки над «i».

Прежде всего насчет розетки. Я все никак не могу успокоиться и все вспоминал, почему я первоначально остановился на таком термине и почему я отверг твое первое указание на эту

«ошибку». Когда ты была в Москве, у меня не было времени поднимать этот вопрос сызнова. Я помнил только о Серебрякове. Вчера я все же решил докопаться и полез в свой архив за 1959–1960 год, где хранятся все выписки и материалы по моей статье о коре кордаитов (там я впервые сказал слово «розетка») [18]. То, что я выяснил, потрясло меня, обрадовало и вызвало страстное желание написать что-то сверхъехидное. Но сегодня я уже успокоился и могу писать спокойно. Оказалось, что этот термин я взял не у Серебрякова (хотя этот его и использует), а в «Атласе по описательной морфологии высших растений. Лист» Фёдорова, Кирпичникова и Артюшенко [79]. Так что, хотя как ты говорила, я должен подчиниться авторитетам, и к их мнениям надо относиться критически. А этого атласа в работе я старался придерживаться весьма скрупулезно и даже отразил этот момент в предисловии. Что касается того понимания розетки, о котором говорила ты, то оно «иногда встречается» у старых авторов (см. стр. 63 этого атласа, правая колонка, третий абзац сверху). Проанализировав снова все данные в этом атласе, я выяснил, что использовать в обсуждаемом смысле термин «мутовка» совершенно неправильно, так как по всему побегу листья кордаитов были расположены очередно и лишь на верхушке междуузлия сильно укорачивались. Искренне надеюсь, что теперь и ты, и Армен Леонович перестанете меня травить с этой розеткой.

Теперь снова относительно Гомолицкого. Я поднял свою переписку с ним. Пересмотрел свое письмо к нему с перечислением его ошибок. Никаких поучений и менторства в этом письме нет, а есть лишь перечень 10 довольно существенных ошибок, которые он снял в присланной мне затем статье [8], то есть со мной согласился. Единственное, с чем он не согласился, это злополучное *Ketovia*. В ответ на это я написал (цитирую дословно): «Я все же не могу согласиться с Вашей транскрипцией вида в честь Кетовой. Дело в том, что до последнего времени фамилия Кетовой в латинской транскрипции была Turutanova-Ketova (см. Основы, стр. 306 и др. [55]). Я не знаю тех лингвистических правил, которые заставляют вводить букву «i», но знаю, что в честь Кетовой было названо уже несколько видов и все они назывались без «i». Правда, правила номенклатуры разрешают менять буквы в окончаниях, но это касается только видовых названий. Что касается фамилий, то я считаю крайне нецелесообразными подобные перемены, которые, к тому

А.И. Турутанова-Кетова (около 1950 г.)

же не служат доказательством культуры труда. Всякие изменения в написаниях неизбежно вызывают путаницу и сомнения: одно и то же это лицо, или это разные исследователи. К сожалению, у нас всегда думают о букве закона, но не думают о его духе. Ведь фамилия автора пишется не для ее увековечивания в латинской транскрипции, а для информации, что данный таксон был основан таким-то лицом. Если же мы будем менять написания фамилий, повинуюсь капризам латинистов, то тогда лучше вообще не писать авторов, меньше будет путаницы. Вышеприведенная сентенция касается не Вас лично, а тех казуистов в БИНе, которые стремятся все чересчур упорядочить. Порядок нужен, но если из него делать культ, он превращается в свою противоположность». Я сейчас снова могу подписаться под каждым этим моим словом. И поскольку я теперь пишу письмо не Гомолицкому, а тебе, я добавлю еще кое-что. Направление, которое взял сейчас БИН по «упорядочению», очень похвально, но оно, к сожалению, отчасти пошло по пути реформы русского языка, относительно которой все вы тоже, наверное, много злословили. Ваши боссы решили избавиться от некоторых терминов, основываясь на этимологии терминов. Так семепочка, поскольку она не почка, превратилась в семезачаток. Я посоветовал бы вашим боссам

И.А. Шилкина (1953 г.)

войти в Комиссию русского языка с предложением удалить из русского языка слова «перочинный нож», ибо мы не чиним им перья, а назвать его как-то иначе. Также очень вредное слово «пианино», ибо часто на нем приходится играть «forte». Надо избавляться от названия «письменный стол», так как мы на нем иногда рисуем и читаем (и даже печатаем на машинке), надо называть его «рабочий стол», что и делают в мебельных магазинах. Я не шучу. Дело в том, что у нас одновременно с наведением порядка всегда стараются сломать традиции, а так как волн наведения порядка немало, то традиций не остается вовсе, а с ними не остается и порядка. Благодаря этим ревнителям соответствий, у нас в одном магазине одновременно продавались различные книги, но на одну тему. Одна называлась «Делакруа», а другая «Делякруа». Грустно, правда? Именно поэтому я писал Гомолицкому о культуре труда. В этом смысле нам надо давно бы взять пример с Запада. Там больше берегут традиции и поэтому больше имеют порядка. Разумеется, не надо из традиций делать культ, но (возвращаясь к терминологии) надо не создавать каждый раз новый термин, а лучше взять давно прижившийся старый (пусть с этимологическими дефектами) и уточнить его пояснением. Конечно, это не всегда возможно.

Я снова перечитал и свою фразу в письме к Гомолицкому, где я пишу с предложением помощи. Я, наверное, все же был прав, сделав такое предложение, так как ошибки в его статье вызваны именно тем, что он не штудировал Флорина, а читал только описания видов.

Вот и все. Передай, пожалуйста, мои приветствия Армену Леоновичу и другим Вашим. Скажи, что я остаюсь верен в своих дружеских и теплых чувствах к палеоботаникам БИНа. Посылаю карточку работы Крейзеля для Шилкиной. Она в курсе дела. Скажи, что обещанный микрофильм вышлю позднее.

Желаю тебе всего наилучшего. Не сердись, если что-нибудь в этом письме тебе не понравится, постарайся воспринять его спокойно, без предрешения.

Твой Сергей.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
26 апреля 1965 года

Дорогая Наташенька!

Вернулся в Москву и снова началась карусель. Через месяц уже уезжать, а дел невпроворот.

Сегодня посвятил вечер написанию писем. Пишу тебе вот по какому поводу: я получил <письмо>¹ на имя М.Ф. Нейбург, на которое не могу ответить по причине своей неграмотности. Я написал этому гусю, что лучший specialist (expert) у нас в таких делах (шишки Лепидофитов (?)) – ты. Написал также, что уверен, что ты ему поможешь. Ты ему ответь, не тни, пожалуйста. Хоть что-нибудь напиши.

У нас все по-старому. Сплетен особенных никаких нет. С мальчиком, которого мне рекомендовала И.А. Шилкина, я уже договорился, он поедет со мной.

Вот вроде и все, кончаю свое сверхделовое письмо. Привет домашним.

Всего наилучшего,

твой Сергей.

¹ К этому посланию приложено письмо на 2-х страницах с описанием стробила и фотографией. На письме проставлены имя и дата: Н.М. Kapoor, Geologist, Geological Survey of India, Srinagar (Kashmir), India; dated 25th March 65.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
10 января 1966 года

Дорогая Наташенька!

Взываю о помощи. Мне сообщили в издательстве, что заявок на мою книгу [23] очень мало и издание задерживается. Посылаю тебе небольшую рекламную листовку. Повесь ее, пожалуйста.

ста, там, где у вас вешают подобные афишки. Одновременно скажи заинтересованным лицам о том, что издание под угрозой. Может быть, эта книга будет интересна Боброву.

Спасибо тебе за новогодние поздравления и пожелания. Не осуди, что не поздравил тебя. Что-то в конец завертелся, даже не знаю, как выкручиваться. А свалить работу не на кого, отказываться тоже невозможно. Беда.

Всего тебе наилучшего,

Сергей.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
22 августа 1966 года

Дорогая Наташенька!

Я немного раньше прихода твоего письма уехал в отпуск и получил его только теперь. Оно повергло меня в основательное смятение, и я сразу сел писать ответ. Ты написала письмо довольно краткое и, как мне показалось, несколько спонтанное. Я его тщательнейшим образом изучил, еще раз перечитал твою¹ статью, которая теперь уже отлежалась. К твоему письму я, таким образом, отнесся в высшей степени серьезно. Со многими твоими замечаниями, после всей этой исследовательской работы, я не согласился. Постараюсь оправдаться, и, если ты примешь мои оправдания, я буду очень благодарен за совет, как и что изменить в статье, не меняя ее смысла и направленности.

История этой статьи непростая, а подоплека еще более сложная. <...> Начну с конкретных моментов. Ты, наверное, знаешь, что в течение последних 1,5 лет я занимаюсь преимущественно географией палеозойских флор. Это официально. Фактически я этим занимаюсь примерно с 1962 года. В годах это немного, но я старался заниматься этой проблемой честно. Я старался не просто анализировать списки, а по возможности разобраться в родах и т.п. оригинальном материале. При этом я, разумеется, преимущественно обращался к тем вещам, которые дискутируются, а общепризнанное больше принимал на веру, если не имел своей точки зрения. Мы с тобой очень давно не виделись и очень давно не говорили, поэтому я тебе все это пишу. Правда, каменные материалы, которые проходили через меня, ограничивались, главным образом, пермью, а по карбону – главным образом, Ангаридой. Но кое-какие коллекции по карбону я смотрел, а литературы читал порядочно. Мы работа-

ем над сводкой [2], и только во время этой работы мне пришлось пропустить через себя около 1500 названий. Поэтому я взял на себя смелость согласиться на предложение Познера писать и рисовать фитогеографию карбона для СССР в «Литолого-палеогеографическом атласе» [28]. Текст объяснительной записки здесь должен быть очень кратким, и вносить в него дискуссионный элемент я не мог. Критику прежних построений надо было дать где-то в другом месте. Писать большую статью об этом я не мог, так как печатать ее можно было только в «Палеонтологическом» журнале», а там сейчас портфель забит до 1968 г. включительно (для больших статей). Тогда я решил писать рецензию, учитывая, что их в «Палеонтологическом» журнале» дефицит. Рецензия может выйти уже в 1967 году [24]. Так что эта статья – рецензия и поэтому в ней вполне оправдано превалирование негативного над позитивным. Я немного не понял, что ты понимаешь под тенденциозностью, не это ли превалирование?

Теперь об объективности и субъективности. Я совершенно убежден в колоссальной субъективности не только биогеографических выводов, но и всего исходного материала (начиная с определения форм и их стратиграфической привязки). Единственное утешение здесь – закон больших чисел. Единственный метод – отбор наиболее проверенных данных. Я, конечно, не имел каменного материала со всех точек, откуда имел его Радченко, но все же мог посмотреть многое по коллекциям Нейбург и некоторым новым материалам. У меня *есть* дополнительные данные по сравнению с Радченко, но я считаю допустимым выступать в печати только с опубликованными (хотя бы в списках) материалами. Оперировать новыми родами и видами, которые не обнаружены, нельзя, так как это – информация, которая не может быть проверена и поэтому не является научной. Все это, а также краткость заметки, не позволяют вводить новый материал, да это и не нужно в рецензии. Кроме того, для решения общих проблем местонахождения, которые привлекает Г<еоргий> П<авлович>², вполне достаточны. Дополнительные местонахождения лишь немного переместят границы, не меняя общей картины, не решая принципиальных моментов. Учитывая все это, я пишу в конце не о новых данных, которые заставляют отказаться от схемы Радченко, а о «возможности другой интерпретации имеющегося материала» и призываю к осторожности.

Из общего направления твоих замечаний ясно вытекает, что посвящать всему этому отдельную статью не следует. Объясню в чем здесь дело. У Г<еоргия> П<авловича> получается для карбона одна зональность, а для перми другая, то есть нет унаследованности. У меня совершенно иначе все выходит, и унаследованность получается от турне до юры с небольшими колебаниями. Из этого следует очень много, вплоть до движения континентов. Кроме того, как я выяснил уже после сдачи карт Познеру (поверь, *что я не подгонял*) мои данные идеально совпали с данными литологов, палеомагнитчиков и палеозоологов. Схемы Радченко шли им вразрез, а это было дискредитацией палеоботаники в глазах геологов, причем незащищенной. Для меня, поскольку я все время среди геологов, это очень важно. Сейчас для меня было крайне важно отмежеваться от Радченко.

Вообще Шпицберген и Арктика – не мелочь, а очень серьезная контролирующая часть всех построений Г<еоргия> П<авловича> и моих. Поэтому я пишу, гл<авным> обр<азом>, о визе Шпицбергена, определяющего направление раннекаменноугольной кривой (у Г<еоргия> П<авловича> она субширотная, у меня субмеридиональная). Разрушив здесь доводы Г<еоргия> П<авловича>, об остальном карбоне можно бы и вообще не писать, так как все получается автоматически.

Теперь о последних данных, которые подтверждают мою точку зрения. (Я их не знал, когда писал статью.) Я имею в виду статью Sullivan'a в № 7 «Pollen and spores» (см. РЖГ, 1966, 8Б375; но не верь реферату Волковой: она в статье не разобралась). Там Шпицберген, Донбасс, Урал и Подмоск<овный> басс<ейн> – в одной зоне. Споры и пыльца дают более остальн<ых> районирование в Зап<адной> Европе, чем получается по листовой флоре, но не такое, как у Радченко.

Думал написать тебе стройный логический ответ, а получилось что-то очень сумбурное, наверное, что-нибудь пропустил.

* * *

Теперь об этой статье в общей связи с моими планами. Я сейчас так залез в дебри литературы и в вопросы взаимоотношений флор, что, наверное, не скоро выберусь. Получаются очень интересные вещи. Главное – движение континентов, но все это на сильно обновленной основе. Много интересного в смысле миграций флор. Выясня-

ются и некоторые стратиграфические сопоставления. Выводы Г<еоргия> П<авловича> в очень многом противоречат моим. Кроме того, они стали для очень многих почти азбучной истиной: они вошли в последнее издание Криштофовича [14], в «Основы палеонтологии» [54, 55], войдут, насколько я знаю, в сводку E. Boureau [87]. В этих условиях бороться очень трудно. Надо много исправить и в его систематике ангарских растений (у меня есть кое-какие данные по хвощам, птеридоспермам и др.). Писать книгу «Антираденченко» я не могу. Буду писать отдельные статьи и, если возможно будет, рецензии.

Я предвижу, что тебе вся эта деятельность не очень понравится. Ты отлично видишь порочности в работах такого типа, как радченковские. Но, по-моему, не в твоём характере ставить палки в колеса таким людям. Хотя, впрочем, ни Радченко, ни другие, подобные ему, просто еще не вставали поперек твоей научной дороги. Конечно, и у тебя, как у всякого думающего человека, есть недоброжелатели и т.п., но все же это скорее по «организационной линии». Я не знаю таких твоих научных оппонентов, которые бы прибегали к нечистым приемам в дискуссии. У меня в отношении Г<еоргия> П<авловича> все это в полной мере. Я не буду сейчас об этом писать. При встрече расскажу, что у меня (теперь уже лично), есть против Г<еоргия> П<авловича>. Он мне устроил несколько серьезных пакостей, и я предвижу это в дальнейшем. Я не хочу со всем этим мириться. Не сочти это, пожалуйста, за громкие слова и хвастовство, но я поставил перед собой целью (если хочешь – жизни) скомпрометировать насколько это возможно методы работы Радченко и некоторых его сподвижников. Я считаю, что эти методы – основное зло в нашей палеоботанике, это почти «лысен<ко>изм». К счастью, в основном это касается пока палеозойских ангарских флор.

Теперь немного о моих делах. В начале сентября я, видимо, все же еду в Индию. Какие надежды с этим связаны, тебе очевидно. Надеюсь собрать <...> и коллекции, но главное – смотреть оригиналы. Я собираюсь побывать у Панта, который сейчас, пожалуй, самый сильный «эпидермист».

В отпуске я был на Украине. Спал по 12 часов в сутки, купался, ел в устрашающих размерах. В перерывах кое-что пописывал из того, что накопилось за год. Я не оставляю мечту написать некое подобие «Популярной п<алео>ботаники», но, берясь за перо, всякий раз чувствую косность

языка и неспособность показать, что же привлекательного в нашей науке.

Очень рад, что твои личные дела устраиваются. Долги – это, конечно, кошмар (мы совсем недавно из них выкарабкались), но надо здесь следовать совету Роллана³, что трудности вроде темного тоннеля. Важно идти и они кончатся. Как говорит пословица, «глаза страшатся, а руки делают». Может быть, тебе попробовать силы в популярных статьях для газет или журналов, рассказах об экспедициях, рефератах для «Природы» и К⁰ о самых интересных открытиях? За это хорошо платят, а это все же не такой нудный труд, как редактирование. Хорошо платят «Неделя», «Наука и жизнь», «Вокруг света» («Природа» платит плохо). Напиши об угольных почках, как о «mysterious fossils»⁴, а? Ведь это очень благодарный объект. Или о лепидофитах⁵.

Желаю тебе всего наилучшего, не унывай.

Твой Сергей.

P.S. Галина Мих<айловна> у меня больше не работает. Вместо нее – смешная девочка с нарисованными глазками.

¹ Скорее всего, описка, должно быть «свою».

² Г.П. Радченко. В статье, обсуждаемой в письме, С.В. Мейен жестко критикует его палеофитогеографические схемы.

³ Вероятно, С.В. Мейен воспроизводит по памяти афоризм французского писателя Ромена Роллана: «Нет тумана, из которого не было бы выхода. Главное – держаться и идти вперед».

⁴ Загадочные ископаемые (англ.).

⁵ Скорее всего, именно по совету С.В. Мейена, Н.С. Снигиревская через несколько лет написала две статьи для «Природы» [65, 66].

Н.С. Снигиревская – С.В. Мейену 27 августа 1966 года

Дорогой Серёженька,

только что вернулась из больницы, где лежала в течение 23 дней на обследовании и лечении ревматизма. Вот неожиданность! Никогда не думала, что я стану ревматиком, правда, оснований для этого много – во-первых, перенесенные в свое время ангины, а во-вторых, злоупотребление водой, когда во время погружений с аквалангом и фото с маской и трубкой я часами просиживала в воде в погоне за развлечениями.

Твое письмо очень убедительно разъяснило мне целесообразность опубликования твоей ста-

тьи в качестве рецензии, о чем в свое время я не знала, так как никаких комментариев по этому вопросу я не имела.

Прочитав твое длинное послание, я взгрустнула, сожалея, что я уродилась женщиной, но весьма несостоятельной в своих планах и мечтах. Дело в том, что в течение всех последних лет я подбираю библиографию по вопросам зональности в палеозое, данным палеомагнетизма и миграции материков, мечтая со временем осмыслить весь имеющийся по флоре палеозоя материал на основе именно сугубо современных данных, выяснить характер ботанико-географической зональности и основные пути миграции палеозойских флор. Но, увы, баба есть баба, и значительную часть своего времени, своих душевных сил я растрчиваю попусту.

А популярная палеоботаника! В прошлом году мы с Арменом Леоновичем уже набросали в предварительной форме план «Занимательной палеоботаники»¹, и даже написали несколько страниц, которые до сих пор лежат у него в столе. Вот, к чему приводит внутренняя несобранность, разминивание по мелочам!, копанье в своей душе и неупорядоченная личная жизнь! Теперь, когда, казалось бы, у меня была возможность осуществить мои научные мечты, я совершенно погрязла в делах личного порядка и чувствую себя глупой и счастливой.

Желаю удачи.

Наташа.

¹ «Занимательная палеоботаника» так и не была написана. Черновые материалы хранятся в архиве Н.С. Снигиревской в БИН РАН (Snigirevskaya-collection).

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 2 сентября 1966 года

Дорогая Наташенька!

Получил вчера твое письмо и решил тебе написать еще раз. Я *очень* обрадовался, что мои доводы оказались для тебя убедительными, так как твое прошлое письмо меня сильно озадачило и я даже стал подумывать о том, не забрать ли свою рецензию из «Пал<еонтологического> ж<урнала>». Твое мнение для меня очень важно и, если хочешь, является почти определяющим (это не в порядке комплимента).

Вторая часть письма меня изрядно огорчила и озадачила (это собственно и явилось стимулом к этому моему письму). У тебя получилось так,

что, дескать, вот, Мейен взялся за эти вопросы (зональность и т.п.) и теперь, дескать, мне лучше уже <с> этим не связываться. Между тем речь идет о таких вопросах, которые в XX веке не под силу решать одному. Все же я больше смотрю на все палеозойские флоры с ангаро-гондванской колокольни и еврамерийские флоры для меня существуют в чужих коллекциях и трудах. В этом смысле твоя биогеографическая деятельность была бы очень кстати. Кроме того, я почти не брал анатомические материалы, в частности древесины, а их биогеография особенно интересна. Вообще кооперироваться в таких вопросах я буду с удовольствием (разумеется, не с Радченко и не с Сикстель).

То же относительно популяризации. Я не собираюсь писать систематический популярный курс, а лишь сборник коротких очерков о том, что мне ближе. Написано у меня лишь немногим больше двух печатных листов. Вся эта работа растянется не меньше, чем на пару лет, так как писать совершенно некогда.

Так что я не совсем понял причины твоей грусти в этих двух отношениях. Если ты избегаешь опубликования, то зря.

В конце письма у тебя коротко промелькнуло о личной жизни. У меня создалось впечатление, что у тебя дело идет на лад. Очень хочется приехать в Ленинград и потрепаться. Но если будет когда-нибудь у тебя настроение, напиши мне о себе помимо своих палеоботанических дел. Вообще, буду очень рад получить от тебя письмо по возвращении из Индии. Мне было жалко, что последний год с гаком мы как-то утратили контакт.

Всего тебе наилучшего,

твой Сергей.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
Январь 1967 года (?)

Дорогая Наташенька!

Видимо, только на новогодние поздравления у нас осталась эпистолярная энергия.

Посему поздравляю тебя от души и твоих домашних тоже.

До встречи в Питере (буду на сессии²).

Твой Сергей.

¹ Недатированная поздравительная открытка выпуска 1966 г.

² Возможно, имеется в виду очередная сессия Всесоюзного палеонтологического общества (ВПО).

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
Январь 1968 года (?)

Дорогая Наташенька!

Поздравляю тебя и твоих близких с Новым Годом. Все свои пожелания я в деталях изложу, когда буду в Ленинграде. А сейчас в самом общем виде желаю всего наилучшего тебе, твоему сынишке. Очень интересно на него посмотреть.

Твой Сергей.

¹ Недатированная поздравительная открытка выпуска 1967 г.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
7 февраля 1968 года

Дорогая Наташенька!

Посылаю тебе обещанные ссылки и товарковскую кутикулу.

В последний день пребывания в Л<енингра>де выбрал время посмотреть некот<орые> образцы. Смотрел нижнекаменноугольные лепидофиты Радченко. Смотрел под биноклем в ксилоле, а не в лупу без ксилола как он. Обнаружил, что: 1) описанные им «спороношения» *Lepidodendropsis concinna* – игра природы; это стерильные побеги!; 2) на листьях этого вида очень

крупные зубцы !

Очень своеобразные листья; 3) Один из оригиналов *Ursodendron* – минерализованный ствол, на поперечном сечении в ксилоле видна стела

такого вида . Кора и сердцевина заме-

щены песчаником. Кроме того, смотрел другие образцы.

Решил, что после окончания работы над пермью Приуралья займусь нижнекарбовыми лепидофитами Ангариды.

Сейчас бешеная скачка, дел очень много. Из Ленинграда привез кучу обязательств. Спешу все исполнить. В Москве много накопилось за мое отсутствие. А дни бегут.

За сим кончаю. Мой поклон твоим домашним и Армену Леон<овичу>. Поздравляю с прошедшим днем рожд<ения> тетки¹.

Твой Сергей.

¹ «Тетка» – автор подборки, Сергей Михайлович Снигиревский, сын Н.С. Снигиревской; день рождения – 5 февраля 1967 г.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
6 марта 1968 года

Дорогая Наташенька!

Вчера я соорудил поздравления к 8 марта женщинам БИН'а, хотел послать через тебя. Потом устыдился. Насколько я помню в Вашем семействе без особого энтузиазма воспринимают назначаемые свыше праздники. Если будет подходящий момент передай в БИН'е эти самые мои поздравления и соответствующие пожелания, но, если можно будет без этого обойтись, тем лучше.

Очень был рад твоему письму. Во-первых, потому что оно твое. Во-вторых, я рад за тебя, за принципиально новые решения. В-третьих, я уже тебе жаловался на изоляцию, и всякие контакты с тобой, пусть даже почтовые, мне нужны и важны, и приятны.

С чтением моей сводки большого спеха нет, так как она все равно уже пошла в работу, а расширенный вариант (его я буду представлять как диссертацию) будет закончен лишь в конце года в черновом виде и все твои замечания, претензии и т.д. можно будет учесть. Твой вариант, который я посылал Майе¹ и тебе, не был окончательным. Я его потом правил, дополнял, кое-что выбрасывал, хотя вся эта правка не была слишком принципиальной. Там есть ошибки по Силезии и Англии, сейчас они исправлены.

Вчера отдал на машинку рукопись своей популярной книги. Может быть в след<ующем> году она выйдет из печати [35].

Сейчас готовлюсь в поле, поеду в этом году за нижнетатарской и уфимской флорой. Если найду, будет у меня полный разрез от артинского до конца перми.

Интересно складывается дело с возрастом той части разреза в Сибири откуда твои минерализованные остатки. Из верхнетатарских отложений Русск<ой> пл<атфор>мы Владимирович и Радченко передали отпечатки, которые я отношу к новому роду *Tatarina* (сем. *Peltaspermataceae*, я тебе о них рассказывал). К этому роду отойдет большая часть *Tersiella*. Владимирович и Радченко сказали на эти образцы, что это триас!, а это чуть ли не стратотип верхнетатарского подъяруса. Генка² ликует, я тоже.

Вот пока все. Жду текст популярной статьи об угольных почках для «Знание-сила». Привет матушке³ и сестричке⁴, а также тезке.

Твой Сергей.

¹ М.В. Ошуркова.

² Г.Н. Садовников.

³ Е.М. Снигиревская.

⁴ Е.С. Снигиревская.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
15 сентября 1968 года

Дорогая Наташенька!

Очень был рад твоему письму, доказательством чего является мой быстрый ответ. С чтением моей рукописи можешь не спешить, так как все равно она уже в издательстве. Должна выйти в конце след<ующего> года. Учти, что в этой рукописи нет никакой теории, только сводка данных. Общие вопросы в других главах, но большую часть их я зажал и пишу в своей диссертации, которую я сейчас заканчиваю. Мне осталось написать две заключительные небольшие главы о связи палеофлористики палеозоя с палеогеографией и о некоторых общих принципах стратиграфии. Работа получилась большая и, как мне кажется, довольно интересная. С основными выводами я приеду в Ленинград зимой. Хочу сделать два доклада у Вас в БИН'е. Много новых данных, и хотелось бы об этом рассказать.

Моя популярная книжка лежит в издательстве, может быть выйдет в 1969 г., но может быть и в 1970 [35]. Я ее не тороплю. Кроме того написал уйму статей: 1) о флорах карбона для «Стратиграфии СССР»¹, 2) о пермских флорах Русской пл<атфор>мы и Приуралья для сб<орника> пам<яти> Орлова [37], 3) о *Buriadia* и форм<альной> классификации макрофоссилий [27], 4) о методах палеобот<аники> д<ля> Пал<еонтологического> ж<урнала> (уже вышла, оттиски привезу) [26], 5) о возрасте острогской свиты (уже вышла, оттиски привезу) [25], и др. Сейчас готовлю статью о двух интереснейших новых родах из перми Русской пл<атфор>мы и Печор<ского> басс<ейна> [29]. Кроме того, пришлось много заниматься редактированием, возней с аспирантами (у меня их сейчас двое)² и с прошлыми аспирантами. Много флоры идет на определение, причем из очень интересных мест. Пришлось влезть в систематику лепидофитов. Сразу наткнулся на удивительные ошибки Радченко. Например, он не учел (как и Нейбург), что у *Angarodendron* есть лигула, на что указывал Залесский еще в 1918 г.!

Вообще камней много, после работы над сводками мыслей тоже много. Ясно, что и как

надо делать. Вот только рук, глаз и часов не хватает.

В этом году очень успешной была экспедиция. Собрал флору из низов казани и из уфы. Результат очень неприятный и в то же время важный. Оказалось, что в Сибири граница нижней и верхней перми завышена точно на ярус! Устрицкий ликует, но палеоботаникам придется теперь тяжело. Надо очень много переделывать и перекраивать.

Все это я включил уже в диссертацию [30]. Сейчас в институте уже идут разговоры о ней, причем складываются два лагеря.

У меня довольно могущественные защитники: академики Пейве, Меннер, Страхов. Но есть и не менее могущественные противники, которым я наступил на хвост перемещением материков. Среди них Яншин. Вообще защита, возможно, будет драматической, но надеюсь, что с хорошим концом. Во всяком случае, придется что-то организовывать. Я большие надежды возлагаю на оппонирование Арм<ена> Леоновича. Когда буду в Ленинграде, брошусь ему в ножки. Мы говорили об этом с Меннером. Решили, что надо делать все возможное, чтобы его уговорить. Очень большие надежды в этом смысле я возлагаю на твоё содействие.

Готовясь к этой решительной битве (это не преувеличенное выражение), я сейчас читаю работы по тектонике, палеогеографии и т.д. На меня сейчас с надеждой смотрят еще некоторое количество людей, моих ровесников, у которых докторские тоже на мази и которые будут выбирать решение в зависимости от того, как все пройдет у меня.

Таковы мои дела. Как видишь, их много, но это обилие не в тягость. Сейчас появился уже какой-то азарт. Но после защиты, видимо, будет длительная пауза, разрядка. Я все же временами начинаю чувствовать усталость.

Очень хочется приехать в Питер и обсуждать, обсуждать и обсуждать. Здесь-то совсем не с кем поделиться. Так что заранее планируй время на мой приезд. Я тебе работать не дам!

Тебе кланяется Рита³, поклонись от меня Эк<атерине> Мих<айловне> и сестричке, Арм<ену> Леон<овичу> тоже (когда приедет).

Всего хорошего,

твой Сергей.

¹ Книга не вышла из печати.

² Имеются в виду М.В. Дуранте (ГИН) и А.В. Мигдисова (МГУ).

³ М.А. Мейен.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 1 сентября 1969 года

Дорогая Наташенька!

Не ответил на твоё последнее письмо, так как ты все равно скоро уезжала, а у меня был страшный цейтнот. Гена¹ недавно вернулся, говорил, что твоя поездка, судя по всему, была довольно успешной. Очень я все же рад, что твоё поле (field) начинает меняться. Пошагав по девственным лесам, ты не захочешь возвращаться в обжитой Донбасс.

У меня дела помаленьку движутся к финишу. Скоро разошлю автореферат [30] всем (а пока только тебе), читаю машинопись и надеюсь, что к концу сентября все будет в порядке. Наверное, вышлю тебе работу в 20-х числах сентября, а сам приеду в середине октября. Меня, конечно, изрядно смущает отсутствие данных о расписании твоём и Армена Л<еоновича> на октябрь. Моя защита, видимо, будет в 20-х числах октября, но чтобы назначить дату, надо точно знать, не произойдет ли задержки из-за БИНа. Посему у меня к тебе большая просьба. *По возможности быстрее сообщи, могу ли я приехать в середине октября с докладом и будет ли все в порядке с отзывом*². Когда я говорил с А<рменом> Леон<овичем>, он обещал, что БИН будет головной организацией.

Посылаю тебе на прочтение (с возвратом) примерный текст доклада в МОИП [31]. Как видишь, это совсем не то, что было у Армена Л<еоновича>. Реакция на него была двойственной. Меннер явно оценил, Долуденко (!) тоже, еще кое-кто из непалеоботаников, <...> произошла не вполне благопристойная дискуссия, на меня потом здорово шипели.

Работу комиссии я думаю начать на коллоквиуме по карбоновым флорам Сибири в январе 1969 г. Об этом еще поговорим в Л<енингра>де. Я на эти комиссии смотрю исключительно, как на возможность немного познакомить наших палеоботаников с палеоботаникой.

Недавно получил от S.H. Matay предложение войти в IAPT Committee for Fossil Plants³. Они кого-то собираются выводить (хорошо бы дуру Болховитину). По-видимому, это влияние Chaloner'a. Мы с ним много говорили о номенклатуре, и он в заключение сказал «You put me to shame in your following the literature»⁴. Я думаю, что дело в этом. У меня действительно сейчас есть несколько идей по вопросам номенклатуры, а именно <в> связи с переименованием омони-

мов (по типу *Fryopsis–Cardiopteris*, *Cheirolepis–Cheirolepidium* и т.д.). Видимо, скоро вспомнят указание Potonié (1903), что роды *Callipteris*, *Odontopteris*, *Botryopteris*, *Taeniopteris* и др. тоже были в свое время преокупированными. Второе – типификация надродовых таксонов ископаемых. *Sphenophyllum*, *Calamites* и др. – негодные типы, ибо их типовые виды стерильные. Если я скажу, что тип *Calamites* имел споронош<ения> *Calamocarpon* – никто мне не возразит, что это не так и что споронош<ением> была *Palaeostachya*. Видимо, надо ограничивать приоритет надродовых таксонов, если их типовые роды установл<ены> по стерильн<ым> частям. Есть кое-какие другие идейки.

Я сейчас написал огромную (на 3–4 листа) статью о *Phyllothesca-like*⁵ растениях Ангарида для *Palaeontographica* [104]. Получились удивительные вещи. Часть выводов увидишь в диссертации и в автореферате. До конца разобрался теперь с *Sorocaulus*, *Koretrophyllites*, *Apocalamites* и др. Вся трактовка Радченко (и Bougeau) полетела к свиньям. Приеду, расскажу и покажу. Очень забавные вещи вышли, в синонимике ушли 5 родов.

О рукописях Чирковой я знаю. Их в свое время рецензировала Нейбург и пришла к выводу о нецелесообразности публикации⁶ (они совсем сырые и друг другу сильно противоречат; много *nomina nuda*, неясная привязка форм и т.д.). Чиркова меня люто ненавидит за неуважение к гению Залесского и говорит с ней мне бессмысленно. Она однажды выступала на моем докладе (о пермских флорах Приуралья) и говорила, что в Приуралье делать нечего, все сделал Залесский и т.д.

Фото Чалонера, к сожалению, у меня нет. У меня тогда, не помню почему, не вышло его сфотографировать (откладывал до последнего).

Вот и все мое послание. Итак, жду с нетерпением твоего ответа. Если не дождусь в течение недели, буду звонить (очень не люблю).

Привет домашним.

Твой Сергей.

P.S. Книга Принады о корвунчанской флоре уже ушла в набор [56]. Месяц назад я снимал вопросы с литредом и подписал иллюстрации. Вот Радченко лопнет от злости.

¹ Г.Н. Садовников.

² Текст этого предложения выделен красным, подчеркнута зеленым.

³ Комитет по ископаемым растениям Международной ассоциации по таксономии растений.

⁴ «Вы посрамили меня в том, как вы следите за литературой» (англ.).

⁵ *Phyllothesca*-подобные (англ.).

⁶ Речь идет об издании рукописей М.Д. Залесского – покойного мужа Е.Ф. Чирковой.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 2 ноября 1969 года

Дорогая Наташенька!

Вот и позади все тревобления. Конечно, впереди ВАК, но к нему я отношусь много спокойнее, так как надо быть кретином или халтурщиком или насолить очень влиятельным персонам. В этих трех направлениях у меня вины немного, поэтому, надеюсь, ВАК будет ко мне благосклонен. Кроме того, совершенно неожиданно незадолго перед финишем я обрел могущественного союзника в лице акад<емика> Яншина, с которым у меня была размолвка. По непонятным причинам он вдруг, будучи в Монголии, воспылал написать отзыв на автореферат, который прочитал уже в Улан-Баторе. Отзыв привезла моя аспирантка (М.В. Дуранте) и он был таким великолепным, что я даже ахнул, дескать надо бы мне дать 2 степени (биол. и геол.-мин.) и т.д. Я думаю, что эта перемена в отношении ко мне Яншина повлияла и на позицию некоторых других сотрудников ГИН. В результате защита прошла без нервозности, придинок, удивительно благожелательно, немного торжественно. Голосовали единогласно, ко мне подходили самые ехидные члены ученого совета, говорили всякие теплые слова. Короче говоря, все quite all right¹.

Ананьев² после защиты жил у меня еще 5 дней, мы с ним обо многом говорили, кажется, в отношении многих вопросов он понял, что к чему. В последний день-два он уже почти не спорил, а смотрел в рот и почти всему верил. Он сейчас пристраивает обоих сыновей³ на палеоботанику (один закончил их ун<иверсите>, другой еще учится), старший приедет ко мне на стажировку, он собирается заняться нижним карбоном.

После отъезда Ананьева у меня что-то случилось с глазами, болели сильно, не мог ни читать, ни писать. Сегодня первый день сел за письменный стол⁴. Много накопилось дел, мыслей. Надо начинать делать все то, что я откладывал до «после защиты». Собираюсь писать статью «150 лет палеоботаники: уроки и перспективы»⁵ (это даже в соответствии с МКБН).

Я был очень рад твоему звонку. Какая ты молодец! Спасибо! И за это, и за хлопоты, и за все. Передай, пожалуйста, мои приветы и acknow-

ledgments⁶ Арм<ену> Леон<овичу> и Серёже⁷. Кроме того, передай мою благодарность за телеграмму Делле и Самылиной. Я им не буду писать: экономлю глаза, они еще порядком побаливают.

Мой поклон твоим домашним.
Всего тебе хорошего.

Твой С.

P.S. Если надумаешь приехать, заранее сообщи. С 10 по 14 ноября у нас в кабинете будет ген<еральная> уборка, в это время лучше не приезжай. После 16/XI – welcome⁸!

¹ Все в порядке (англ.).

² А.Р. Ананьев.

³ В.А. и А.А. Ананьевы. Палеоботаником стал только старший – Владимир Анатольевич.

⁴ Не исключено, что название статьи в журнале «Знание – сила» обусловлено именно этой ситуацией (см. [32]).

⁵ Такой статьи в списке публикаций С.В. Мейена нет.

⁶ Благодарности (англ.).

⁷ С.Г. Жилин.

⁸ Добро пожаловать (англ.).

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 14 декабря 1969 года

Дорогая Наташенька!

Пишу тебе вот по какому делу. Как ты, наверное, знаешь, В.А. Вахрамеев хотел организовать в Ленинграде, в БИНе небольшой сбор палеоботаников в рамках «Проблемного совета». Как теперь выяснилось, Тахтаджян по этому поводу выражался в довольно резком тоне, нес по кочкам этот самый «Проблемный совет» и говорил, что палеоботанику координирует в рамках ООБ¹ какой-то другой совет. Эта история, конечно, не блещет красотой, ибо насколько удачно ведет свою работу этот другой совет известно всем. Хороший показатель – из известных мне московских палеоботаников никто ничего об этом совете не слышал (Вахрамеев и я тоже). Ситуация сложилась забавная. Объединять палеоботаников, как-то интегрировать и направлять их усилия полезно (не буду говорить необходимо; мы без этого жили долго и еще проживем). Кто-то считает эту деятельность своей прерогативой, но и только. Что-либо делать этот кто-то не считает нужным. В этих условиях за деятельность берется некто, имеющий необходимые полномочия сверху (вплоть до Президиума АН). Тогда без-

А.Л. Яншин (1971 г.)

деятельный кто-то считает необходимым смешать этого некто с воробьиным кормом, а делать все равно ничего не делает и (как показывает опыт) не будет. Я хорошо понимаю, что дело здесь совсем не в Проблемных Советах под любым названием, а в самой элементарной амбиции, в том процессе, который рано или поздно выявляет в клетке с обезьянами «а» и «ω». Я не собираюсь вмешиваться в это дело, так как в науке положение «а» не очень завидное, особенно достигнутое подобными средствами. Хотя, должен сказать, меня вся эта история глубоко возмутила, и я едва ли смогу теперь относиться к Тахтаджиану с прежним уважением. Меня сейчас больше интересует другое.

Ты знаешь, что эта сессия ВПО будет на редкость бездарной, но все же на нее съедется порядочно народа. Как ты смотришь на то, чтобы не смотря на весь этот трам-тара-рам, все же собрать три комиссии – твою, мою и Г.П. Радченко. В сущности, это будет собрание всех, занимающихся карбоном, пермью и триасом. Если

Т.М. Гarris и В.А. Вахрамеев (1960-е гг.)

надо, я могу повернуть дело так, чтобы это собрание было под эгидой карбоновой или пермской комиссии МСК, чтобы не дергать за хвост никого. Если ты не возражаешь, то, может быть, ты сразу свяжешься об этом с Г.П. Радченко? В зависимости от этого я приеду или нет в Питер на ВПО. Если никакого собрания палеоботаников в это время в Л<енингра>де не будет, я останусь во время сессии дома и приеду на пермотриасовую комиссию, которая состоится с 3 по 6 февраля. Вообще-то, я заинтересован быть с 26 по 30 января дома, так как 28/1 – 14 лет Катюне³, а 30/1 – 15 лет нашей свадьбы. Все-таки дата, хоть и не очень круглая. Рита⁴ скулит, не хочет меня пускать.

Получили вести о приезде в феврале – марте Суранге и с ним еще двух из Lusknow. Наверное, они будут и у тебя. Я отнюдь не в восторге. Суранге – человек мало интересный, палеоботаник поганый, как и вообще большинство в Lusknow. В сущности, это будет пустая потеря времени, по-английски он говорит очень поганно, с ужасным прононсом, как чревоушатель, ничего не поймешь.

Вот вроде и все,
мой поклон и несколько преждевременные
поздравления с Новым Годом тебе и домашним.

Твой Сергей.

P.S. Надеюсь, что ты понимаешь раздельность
моего отношения к БИНу, Тахтаджяну и тебе.

¹ Отделение общей биологии АН СССР.

² Согласно семейной легенде, фраза «Живем, как в клетке с обезьянами» принадлежит отцу С.В. Мейена – Виктору Александровичу Мейену (1894–1942), ихтиологу, сотруднику Института рыбного хозяйства. По мнению родственников, именно эта случайно оброненная в компании фраза стала поводом для его ареста в октябре 1941 года и обвинения в «критике с антисоветских позиций мероприятий Советского правительства» и «террористических высказываниях по адресу руководителей ВКП(б), правительства».

³ Е.С. Олесова (Мейен).

⁴ М.А. Мейен.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской **23 февраля 1970 года**

Дорогая Наташенька!

Прости, что не сразу пишу, но ты уже, наверное, получила от меня бандерольку, из которой могла понять, что я жив. К этому можно добавить, что я, по-видимому, вполне здоров. Еще 3–4 дня я поболел, а теперь бегаю как обычно. Вроде все наладилось. Правда по вечерам пока почти не работаю, а читаю «Библию» (ветхий завет), «Происхождение видов» и «Новый мир», № 12 (прочитай Трифонова [78] и Лакшина [16]).

Я понимаю, что не за все надо благодарить, но все же спасибо тебе за сочувствие, понимание и т.д. Как хорошо все же ощущать, что есть на свете близкие, понимающие люди.

Всего тебе хорошего, кланяйся своим.

Твой Сергей.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской **19 апреля 1970 года**

Дорогая Наташенька!

Прости, что не ответил на твое письмо, но ты знаешь, что такое приезд иностранцев. К тому же я ответственный по приему всех этих индюшат, а с Суранге мне пришлось проводить дни целиком. Ведь наши палеозойские камни смотреть без по-

С. Мамай и А.Л. Тахтаджян (1973 г.)

яснений трудновато, а русский текст для него – нематериальная субстанция.

Относительно твоей просьбы о диссертации Кати¹. У меня есть знакомые только в геологической экспертной комиссии. Я обращался к двум из них и довольно безуспешно. Можно поговорить с Кудряшовым², но без твоей санкции я не хочу этого делать. Те лица, с которыми я говорил, сказали мне две вещи. Во-первых, здесь надо иметь дело с кем-либо из аппарата. Во-вторых, имеет смысл писать официальное письмо по этому поводу от института с запросом. У меня была раньше косвенная рука в аппарате ВАКа (знакомая моего приятеля), но когда я обратился к нему с просьбой (еще до твоего письма) узнать о моей диссертации, то он очень вежливо отказал мне, сказав, что на этот год он исчерпал уже все лимиты обращения к этой своей знакомой. Поэтому сейчас, наверное, лучше начать с разговора с Кудряшовым. Напиши мне свое согласие на этот разговор, а я на Кудряшова постараюсь надавить посильнее.

Теперь относительно Surange. В Индии он мне не очень понравился, но здесь он оказался удивительно милым человеком, хотя как палеоботаник это, конечно, не Chaloner. Все же его визит был полезен для меня. Правда, первое время я его не всегда понимал. В связи с его визитом могут возникнуть осложнения во ВСЕГЕИ. Я

уже сделал все что надо в Москве. Разрешение УВС Мин<истерст>ва геологии уже пошло в Ленинград, но если оно не успеет придти, то сообщу кому надо, что разрешение Москвы есть, если они не поверят, то могу позвонить в УВС Мин<истерст>ва.

Всего тебе хорошего, поклон твоим.

Твой Сергей.

P.S. «Природа» меня просила написать рецензию [34] на последнюю книгу Тахтаджяна [77]. Я ее прочел. Об этом позже напишу тебе, когда соберусь с мыслями после отъезда индусов.

¹ Е.С. Снигиревская.

² Возможно, идет речь об Л.В. Кудряшове – члене экспертной комиссии ВАК по биологическим наукам.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
8 июня 1970 года

Дорогая Наташенька!

Пишу тебе по двум поводам. Во-первых, я в свое время связался с Кудряшовым, и он обещал помочь. В четверг буду снова звонить. В среду он должен быть в ВАКе на экспертной комиссии и даже обещал, что, если найдет Катину работу, то постарается ее тут же пропустить. Как только

что-нибудь узнаю, сообщу. Впрочем, я не знаю, может быть, с тех пор как кто-то, по твоему рассказу, извлек работу из глубин, дело и без того сдвинулось.

Второй повод письма – итоги визит<а> индюшат в Ленинград. Возвращение Сух-Дева было очень неожиданным, я узнал про это лишь когда он позвонил по телефону из гостиницы. Он, конечно, проявил себя героически. Сам разыскал такси, сам устроился в гостинице, сумел дозвониться до меня, несмотря на коммутатор. Но все же эта история его, видимо, порядком возмутила. Он без особенных обиняков высказывался в адрес Нади¹ и Свешниковой, хотя и просил меня не доводить его слова до огласки, ибо он перед отъездом написал благодарность директору БИНа за прием. Постепенно в разговоре выяснилось, что Надя чрезвычайно невежливо обошлась с Суранге, когда он попросил ее позаботиться о билете в Москву. Она предложила ему сделать это самостоятельно через бюро обслуживания гостиницы, хотя оно не имеет отношения к выдаче билетов по безналичному расчету. Суранге был разъярен, в беседе с Сух-Девом и Авасти назвал ее rude² и сказал, что не желает больше с ней иметь дело.

И Суранге, и Сух-Дев неоднократно просили ее сообщить об их прибытии в ГИН, она обещала, но этого так и не сделала. Сух-Дева в течение трех дней водила за нос с отъездом, он узнал, что едет в среду рано утром, только во вторник вечером. Это отношение Нади к гостям, видно, до крайности возмутило и Суранге, и Сух-Дева. Суранге мне ничего не говорил, только при приезде на вокзале признался, что, увидев меня на перроне, почувствовал себя, как дома, quietly и safely³, теперь я понимаю, что он имел в виду. Сух-Дев же, видно, был вне себя, хотя держался спокойно. Я заверил его, что разберусь со всем этим делом, причем так, что ему это не повредит.

В иностранном отделе ответственный по приему азиатов мой добрый знакомый (Лунин). Я с ним поговорил, он сказал, что дело это просто так ни в коем случае оставлять нельзя. Он просил меня написать докладную записку в иностранный отдел за подписью Пейве (нашего директора). Я обещал сделать это, но прежде решил написать тебе, чтобы ты в свою очередь посоветовалась с Тахтаджяном. Надо провести дело так, чтобы, во-первых, дать по мозгам Наде и зацепить заодно Свешникову и, во-вторых, не затронуть Армена Леоновича, тебя и других палеоботаников.

Вообще же было очень неприятно все это слышать, хотя ко мне это не имело ни малейшего отношения.

Таким образом у меня к тебе следующая просьба. Во-первых, посоветуйся на этот счет с Тахтаджяном. Может быть, на основании этого моего письма можно через дирекцию устроить Наде хороший втык и пока не переводить дело в более высокие сферы. Во-вторых, если еще не поздно, попроси Свешникову или Надю сообщить накануне о приезде Авасти прямо в ГИН, а то ведь и с ним получится та же история. Кроме того, сообщи мне ф.и.о. Нади. Мне все равно это надо знать. Вообще-то я считаю, что полезнее было бы сделать все в соответствии с указаниями Лунина (он уже говорил об этой истории с высоким начальством Ин<остранного> отд<ела>).

Вот пока все. Жду от тебя ответа по возможности скорее.

Поклон твоим домашним.

Твой Сергей.

¹ Н.М. Занина.

² Грубая (англ.).

³ Тихо и спокойно (англ.).

С.В. Мейен – Н.С. Снегиревской 17 июня 1970 года

Дорогая Наташенька!

Твоего письма не дождался и завтра буду говорить с Меннером о форме письма в Ин<остранный> отд<ел>, о кот<ором> писал тебе в прошлый раз. Но, собственно, сейчас пишу не за этим. Наверное, Вы уже получили открытку, что Катю утвердили, так что вместо информации посылаю свое поздравление. Я так и не понял от Кудряшова, сыграл он роль или нет. Он говорит, что нет. Но все равно, я был рад его участию.

Теперь одна новость, о которой пишу *только тебе*, пока никому (кроме, м<ожет> быть, А<рмену> Л<еоновичу>, да и то по секрету) не говори. Г<еоргий> П<авлович>¹ написал *резко отрицательный* отзыв, основной мотив которого: в работе [30] нет ничего нового; что новое, то неверно; ни одного «+» в отзыве нет; работа оскорбляет честь советских палеоботаников и т.д. Всего отзыв на 21 странице, выдержан в духе сессии ВАСХНИЛ, если не хуже, состоит из сплошных передержек и чуть ли не матерщины. Конечно, нет худа без добра: 1) хоть работу вернул; 2) развязал мне руки, теперь я ему не только

не обязан ничем, но наоборот. Мне отзыв дали пока нелегально, поэтому пока все держу в секрете, сказал только Вахрамееву.

Прочитал статью Свешниковой в № 4 Б<отанического> ж<урнала> [60], оценил ее критику в мой адрес. Кроме сволочи, она все же и дура. Но бог с ней, мне от нее ни жарко, ни холодно.

Всего тебе наилучшего.

Кланяйся своим.

Твой Сергей.

¹ Г.П. Радченко.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
22 июня 1970 года

Дорогая Наташенька!

Только отослал тебе письмо, как получил твое. Мое письмо отправлено на БИН, но в соответствии с твоей просьбой пишу теперь по домашнему адресу.

Об отзыве Г<еоргия> П<авловича> я уже знал. Называть его отрицательным, значит говорить слишком мягко. Это разве что не матерная брань. Ни одного (*буквально*) положительного момента он во всей работе не нашел, ни одного даже самого малюсенького плюсика. Сейчас работу посылают на новый отзыв, на этот раз Тесленко. С ним у меня была договоренность, но я все же боюсь, что он как мезозойщик не во всем разберется. Если ты при случае напишешь ему хоть что-нибудь, чтобы надоумить, то будет очень хорошо.

Основная претензия ко мне со стороны Г<еоргия> П<авловича> – что моя работа оскорбляет честь советской палеоботаники, что я нахожу добрые слова только в работах иностранцев. Он даже обращается с призывом к обществу ГИНа дать мне за это по мозгам. Настроение у меня от этой ругани, выдержанной в духе сессии ВАСХНИЛ 1948 г., как ты понимаешь, неважное.

Получили вы открытку об утверждении Кати? Если нет, то, наверное, скоро получите (подробнее об этом в письме в БИН).

«Отзыв» на Н. Занину написал, на днях он пойдет в Иностраннный отдел.

Вчера, наконец-то, уехал Сух-Дев. Гора с плеч свалилась.

Всего тебе наилучшего,

твой Сергей.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
8 ноября 1970 года

Дорогая Наташенька!

Сто лет тебе не писал, хотя поводов было изрядно. Происходят вокруг разные события, и о многих из них хотелось бы посудачить. Во-первых, потихоньку движутся дела с ВАКом. Работу посылали на другой отзыв, который был вполне нормальным. Теперь меня будут слушать на заседании экспертной комиссии 20 ноября. Надо будет за 10 минут ответить на донос Г<еоргия> П<авловича> и все это с максимальной вежливостью, корректностью, без каких-либо выпадов и т.д. Мне теперь вручили официально оба отзыва. Но ответ у меня давно подготовлен в деталях. Все говорят, что все будет в порядке, в том числе и члены ВАКа, но все же на душе не совсем спокойно. Когда думаю о Г<еоргии> П<авловиче>, то в душе начинает все переворачиваться. Ты не имеешь все же представления, какой это гад и насколько бессовестно написан его отзыв – все эти передергивания, клевета, политические выпады и т.д. У меня сейчас находится Горелова, приехала осваивать микроструктуры кордаитов и т.д. Она сказала, что Радченко довольно широко рекламирует свой отзыв и даже дает его кое-кому читать. Рассказала о нем много, как он обирает и обманывает людей. Все же, когда все закончится, я его накажу. Если удастся – публично, если нет – в печати. Я сейчас крепко подработал сибирские лепидофиты и здесь обнаружил невероятное количество его ошибок. Оказалось, что чуть ли не у всех форм нет настоящего листового рубца (листья были преимущественно неоппадающими), что структуры, описанные как листовой рубец – подлистовая часть подушки, что выпуклости, принятые за рубчики проводящих пучков (или листовые рубцы) – своеобразные парихны (аэренхима, как у *Lepidodendron* под пучком). Полетели к чертям многие его домыслы. Буду все это описывать в объемистой статье в *Palaeontographica* [108], а на русском языке напишу более короткую обзорную статью (на 1 печ<атный> л<ист> в «Пал<еонтологическом> ж<урнале>») с разгромом Радченковских выдумок [41].

Суранге выполнил свое обещание в отношении меня и 15 декабря я вылетаю в Дели. Вся поездка запланирована на 2 месяца. Хочу заняться палинологией, чтобы попробовать разобратся в общности палинологических комплексов Севера и Гондваны. Большое количест-

В.А. Красилов (1963 г.)

во общих родов миоспор кажется мне очень подозрительным.

Теперь об одной сплетне. Недавно получил письмо от Красилова, который возмущен статьей Самылиной о гинкговых и чекановскиевых в П<алеонтологическом> ж<урнале> [59]. В 1967 г. он писал небольшую статью о классификации гинкгоподобных, но Самылина написала резко отрицательный отзыв на его рукопись, кот<орая> так и осталась неопубликованной в СССР¹. Но он эту статью опубликовал в *Palaeobotanist* [95], а теперь обнаружил в Самылинской статье некоторые свои идеи. Он считает, что здесь просто плагиат. Вахрамеев занимает более умеренную позицию, но не отрицает возможности заимствования. В этой статье Самылина, кстати, попользовалась и моими данными о *Phylladoderma* (конечно, без ссылки). В этой связи меня очень интересует, в какой степени Самылина нечиста на руку? При случае напиши.

Есть у меня к тебе и одна просьба. В «Ботанич<еском> ж<урнале>» уже года три лежит статья моей подопечной Л.В. Глуховой о кутикулах кузнецких руфлорий [5]. Она должна защищаться весной [4], и у нее очень тяжелое положение с публикациями. Нельзя ли что-то сделать, чтобы эту статью напечатали. Глуховой давно морочат голову: в редакции помяли таблицу, затем заставили заменить фото, несколько раз просили что-то исправить, а печатать так и не печатают. Между тем статья очень нужная (первые данные о раннепермских и каменноугольных

руфлориях с кутикулярной стороны), мы не можем пользоваться выделенными там видами. Если бы ей не морочили голову, мы давно пропихнули бы статью в «П<алеонтологический> ж<урнал>», но теперь она пойдет там лишь на осень или на конец след<ующего> года. Самое важное, хотя бы знать №, в котором статья будет помещена, чтобы можно было включить в список в автореферате.

Мне очень интересно, как А<рмен> Л<еонович> воспринял мою статью в «Природе» [34] о его книжке [77]. Был ли доволен или ругался? Напиши, пожалуйста.

Поклон твоим домашним.

Всего тебе наилучшего, не забывай,

твой Сергей.

¹ В итоге переработанная статья с учетом публикации В.А. Самылиной, вышла в «Палеонтологическом журнале» в 1972 году [12] (см. следующее письмо).

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской

15 декабря 1970 года

Дорогая Наташенька!

Действительно, удивительнейшие происходят в мире вещи, но – сделанного не переделаешь. Я хотел последний вечер (перед поездом) провести у Вас и даже отказался от приглашения Вероники¹, но потом узнал, что тебя нет, и мы с Лапкиным пошли к ней.

Красилов прислал в П<алеонтологический> ж<урнал> статью под тем же названием, что и самылинская, очень интересную [12]. Особой критики в этой статье нет, но после беспомощного лепета Самылиной и этой статьи каждому будет ясно, что почем. Правда Вахрамеев мне еще ничего не говорил, и я не знаю, будут ли статью Валентина² печатать. Я попробую перед отъездом на него подавить.

Мой отъезд немного откладывается, как обычно, но все наши инстанции позади. Суранге я все, конечно, передам, что ты просишь.

Я заканчиваю статью о сибирских карбоновых лепидофитах для «Пал<еонтологического> ж<урнала>», в которую впихнул лишь малую долю того материала, который есть [41]. Остальное с многочисленными рисунками и фотографиями буду готовить для *Palaeontographica* [108] или *Argumenta Palaeobotanica*. В Ленинграде я сфотографировал некоторые оригиналы Г.П. Радченко с хорошим увеличением. Сделал

В.А. Самылина (1960 г.)

стереопары через МБС-1, которые в стереоскоп смотрятся очень хорошо. От построений Г<еоргия> П<авловича> не осталось практически ничего.

Экспертную комиссию ВАКа я прошел действительно очень прилично. О политике меня не спрашивали, и доказывать свою лояльность в отношении советской палеоботаники мне не пришлось. Отзыв Г<еоргия> П<авловича> был признан как сведение счетов, и больше ему, видимо, не бывать черным оппонентом.

Недавно прочел том *Biol<ogical> Rev<iew>*, в котором помещен симпозиум Banks'a (статьи Beck'a, Chaloner'a и т.д.) [84]. Буду писать рецензию в «Природу» [39]. Неужели мы так и не доживем до того времени, когда подобные вещи будут писать наши палеоботаники? Обидно все же в таких крупных начинаниях всегда плестись в хвосте. А ведь это дело прежде всего БИНа.

Всего тебе наилучшего.

Твой Сергей.

P.S. В прошлом письме я тебя уже просил сходить в «Бот<анический> ж<урнал>» насчет статьи Л.В. Глуховой. Сделай, будь добра, это благое дело, если там еще все тянется. Это очень важно.

¹ Скорее всего, В.Г. Лепехина. Однако, все же Лепехину часто называли «Реня», и не исключено, что под «Вероникой» подразумевается иное лицо.

² В.А. Красилов.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
Конец 1970 года (?)

Дорогая Наташенька!

В прошлом письме забыл поздравить тебя с наступающим Новым Годом.

Это, пожалуй, единственный праздник, с которым я с удовольствием поздравляю близких мне людей.

Всего тебе самого хорошего!

Твой Серёжа.

¹ Недатированная поздравительная открытка «С Новым Годом» выпуска 1970 г.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
15 марта 1971 года

Дорогая Наташенька!

Такие уж мы нехорошие люди, что пишем друг другу не иначе, как появится какое-нибудь неотложное важное дело. Уже скоро месяц, как я приехал из Индии, хотел тебе сразу же написать. Но не получилось. Все какие-то дела, крупные и мелкие, приятные и неприятные. Впрочем, у меня сейчас все больше дела крупные и неприятные. Не знаю, докатились ли слухи до Ленинграда (до Новосибирска уже докатились), что произошло со мной. Первой новостью, которую я узнал по возвращении из Индии, было то, что Пленум ВАК *отклонил* мою работу. Именно отклонил, а не вернул в экспертную комиссию. Как ты знаешь, на экспертной ком<иссии> все прошло блестяще. Но дальше фортуна от меня отвернулась. Произошла смена комиссии, сменился председатель, который к тому же не был на Пленуме. Короче говоря, на Пленуме не оказалось никого, кто мог бы разъяснить всю подноготную отзыва Г<еоргия> П<авловича>, и он сработал. Конечно, ГИН всполошился, Меннер понесся в ВАК, но уч<еный> секр<етарь> ВАКа был болен. Словом, позади много беготни, различных бумаг, разговоров, переговоров и т.д. Впереди – не меньше, если не больше того же самого. Правда, Меннер гарантирует успех дела на 99%, но все же сил и нервов положить придется еще много. Сейчас ситуация такая: я был уч<еного> секр<етаря> ВАКа М.Н. Волкова, мы очень хорошо поговорили, он даже на прощание пожал мне руку и сказал: «Держитесь!» (правда, ходят слухи, что он порядочная сволочь). На 2 апреля меня вызывают на заседание Пленума

ВАК, где я буду защищать свою работу. Предстоит за 10 (!?) минут доложить и работу и ответить на все инсинуации Г<еоргия> П<авловича>. Самое главное, что о научной стороне работы разговора почти нет, судя по всему эта сторона даже не обсуждалась на Пленуме. Фигурирует в основном моя лояльность по отношению к советской палеоботанике и советским палеоботаникам, преклонение перед иностранными авторитетами и т.п.

Конечно, то, что меня будут заслушивать, уже очень большая победа. Но все же я не хочу теперь пускать дело на самотек. Мы обсудили с Меннером и Вахрамеевым необходимые меры, в числе которых: 1) обстоятельное письмо Дирекции на имя Елютина; 2) заключение специальной комиссии ГИНа из 6 докторов (председатель Яншин) о соответствии отзыва Г<еоргия> П<авловича> истине; 3) обработка нового председателя комиссии и т.д. Кроме того замечательное письмо Елютину написал по своей инициативе акад<емик> Б.С. Соколов.

Теперь вот собственно я и перехожу к непосредственной причине этого письма. Когда я разговаривал с М.Н. Волковым, то я сослался на то, что отзыв от оппонировавшей организации, то есть БИНа, «писал» Тахтаджян¹. Волков сказал мне, что он член Пленума ВАК. Это было для меня большой неожиданностью, по первоначально приятной. Хотя я не очень надеялся, что А<рмен> Л<еонович> будет 2 апреля на Пленуме, но все же то, что один отзыв подписан членом Пленума, – мне на руку. Но сегодня до меня косвенными путями дошли слухи, что А<рмен> Л<еонович> в разговоре с К.К. Флёрвым порядком меня ругнул за статью в «Природе» (скоро я тебе ее вышлю) [38]. Как мне передали, до разговора с А<рменом> Л<еоновичем>, Флёрв очень рьяно высказывался в мою пользу во всей этой истории, а после разговора – столь же рьяно против меня. Собственно говоря, меня не слишком волнует, что говорит К<онстантин> К<онстантинович>, ибо подобные перемены в суждениях для него характерны. Но меня встревожило отношение А<рмена> Л<еоновича>. Конечно, я понимаю, что многие из высказываний в моей статье ему не по душе. Но в то же время я всегда считал А<рмена> Л<еоновича> человеком широких взглядов и достаточно демократичным. Поэтому за разъяснением всей ситуации я решил написать тебе. Для душевного равновесия, которое, как ты можешь представить, сейчас очень нарушилось, мне надо знать, во-первых, будет ли

А<рмен> Л<еонович> на Пленуме 2 апреля. Если да, то надо ли мне видеть в нем недоброжелателя или по-прежнему союзника в этой схватке с Г<еоргием> П<авловичем> и ему подобными «критиками в штатском». Посему очень и очень тебя прошу по возможности скорее ответить на эти вопросы и вообще все, что тебе известно об отношении А<рмена> Л<еоновича> ко мне сейчас. После разговора с Волковым у меня была мысль просить тебя как-то стимулировать приезд А<рмена> Л<еоновича> на Пленум, но теперь я не знаю, стоит ли и просить об этом.

Короче говоря, жду от тебя письма, очень жду. У меня сейчас трудное время, пожалуй, самое трудное в моей сознательной жизни. Но самое трудное в нем – неизвестность в распределении сил. Теперь, как никогда, проявляется, кто мне кто, враг или друг. К счастью, друзей вокруг оказалось много, но к несчастью, я плохо знаю *всех* врагов, а особенно тех, которые способны действовать.

Если в Ленинграде уже все это еще не известно, то *никому*, кроме А<рмена> Л<еоновича>, ничего не говори. Если же разговоры ходят, то можно сказать, что решение Пленума не было окончательным и вопрос еще будет рассматриваться. О дате не говори никому ни слова (опять же, кроме А<рмена> Л<еоновича>).

Теперь немного о моей поездке. Прокатился я неплохо, но устал адски. Во-первых, вкалывал крепко, так как я решил воспользоваться этой поездкой и подковаться палинологически. Посему было трудно, все же я отвык учиться, отвык постигать совсем новые разделы науки, да еще в такие сжатые сроки. Во-вторых, очень трудно было в течение 2-х месяцев не слышать ни одного русского слова. К тому же почти все вечера и выходные дни один как перст, со своими мыслями, тревогами, тоской по дому. Вернулся совсем измученным и сразу узнал все о ВАКе. Никому такого не пожелаю.

Но поездка была очень продуктивной. Я занимался, главным образом, мешковыми формами, имея в виду прежде всего соотношение ангарских и гондванских «палинофлор». Результаты получаются интересными, но писать об этом сейчас не хочется. Был я еще в Калькутте, Аллахабаде (у Панта), на разрезах и в мангровых зарослях южнее Калькутты.

Очень приятно было повидать снова Суранге. Мы говорили не раз о тебе, он тебя очень хорошо вспоминает и свое обещание устроить твою поездку помнит.

В.В. Меннер и Б.С. Соколов (1971 г.)

28 марта приезжает очередная партия индусов. На этот раз это будут лишь двое – Н.К. Maheshwari и S.C.D. Shah (палинолог). Оба они будут 2 недели в Ленинграде, примерно в середине апреля, остальное время в Москве. Если 2.VI. фортуна не повернется ко мне хвостом, я тоже приеду с ними ненадолго в Ленинград.

Недавно получил письмо от Билла². Мы с ним закончили и сдали в печать фитогеографию северных флор карбона и перми для «Атласа палеобиогеографии», издаваемого компанией «Elsevier» [89]. Гондвану делала Plumstead [117], а девон – Edwards [91]. Кто делал мезокайнозой – не знаю. Вот-вот выйдет в «Palaeontographica» моя статья о *Phyllothea*'х, огромная

с разбором всех этих *Koretrophyllites* и *Sorocaulus* [104].

Получил приглашение написать статью в сборник, выпускаемый к юбилею Леклерк. Туда пошлю статью с новыми данными о лепидофитах нижнего карбона Сибири [105]. Я ее уже написал. В первый раз в жизни писал статью прямо по-английски, без русского текста. Это сказывается двухмесячное пребывание в Индии.

Вот и все пока. Очень жду от тебя ответа, совета и, не скрою, сочувствия. Я его, конечно, встречаю в разных людях, но у меня сейчас какая-то патологическая тяга ко всем друзьям, ко всем единомышленникам.

Всего тебе хорошего.

Твой Сергей.

Сбоку приписано: Смотрел в Лакнау «Доктор Живаго»³. Наверное, это лучший фильм, который я когда-либо видел.

¹ Основная часть отзыва ведущей организации (БИН АН СССР) была написана Н.С. Снигиревской.

² У.Г. Чалонер.

³ Голливудская экранизация одноименного романа Б.Л. Пастернака, поставленная британским кинорежиссером Д. Лином в 1965 г. В СССР как роман, так и фильм были запрещены.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 22 марта 1971 года

Дорогая Наташенька!

Спасибо тебе большое-пребольшое за быструю реакцию. Мы обсосали здесь вопрос о возможном вкладе А<рмена> Л<еоновича> в это дело и пришли к такому заключению. Получить необходимую бумагу от ВАК сейчас дело довольно дохлое, эта машина быстро не раскрутится, а время дорого. Думали посылать запрос от нашего института, но потом и этот вариант отклонили. Посему решили, что лучшим мог бы быть такой вариант. Не мог бы А<рмен> Л<еонович> написать в ВАК (видимо, лучше

всего на имя ученого секретаря ВАК М.Н. Волкова) письмо примерно в том же духе, что написал Б.С. Соколов (копию его письма я прилагаю)? При этом он может указать следующие моменты:

1. Работа тщательно рассматривалась в БИНе до защиты; основные положения ее докладывались на разных совещаниях неоднократно.

2. Мейен широко применил различные современ^{енные} методы и на этой основе подверг ревизии многие таксоны. Соответственно изменились и более общие представления – фитогеографические и стратиграфические. Повидимому, эти перемены затронули самолюбие рецензента ВАК и он не смог подняться выше этих чувств. Открыто против результатов, полученных Мейеном, никто никогда не выступал. Отсюда вывод, что человек воспользовался поводом тайно подставить ножку *направлению*.

3. Различные комплименты в части ботаники.

4. Указать, что вполне возможно, что А^{рмен} Леон^{ович} не сможет присутствовать на заседании как член Пленума. Именно поэтому он просит довести до сведения Пленума это его мнение.

При сем я посылаю копию заключения институтской комиссии и копию отзыва Г^{еоргия} Павловича. Я думаю, что тебе не надо объяснять его лживость от начала до конца. Некоторые моменты самоочевидны, другие требуют объяснения, которые я при случае и дам. Поверь мне, что из примерно 80 замечаний я не могу принять *ни одного*. Никому, кроме А^{рмена} Леон^{овича}, эти бумаги не показывай и сразу по использованию верни все мне¹. Если все закончится благополучно, я свое досье дам тебе почитать полностью, уже не таясь ни от кого.

С твоей просьбой относительно письма Быховскому все в ажуре.

Вот и все пока.

Спасибо еще раз.

Твой Сергей.

P.S. Копию письма А^{рмена} Леон^{овича}, если таковое будет, пришли, пожалуйста, мне.

P.P.S. Если А^{рмену} Леон^{овичу} в письме нужно будет сослаться на источник информации, он может указать академика В.В. Меннера.

P.P.P.S. Только что узнал, что 2 апреля мое дело рассматриваться не будет. Перенесено, видимо, на 4 июня.

¹ Все указанные в этом письме материалы не были возвращены С.В. Мейену и находятся в архиве Н.С. Снигиревской.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 13 апреля 1971 года

Дорогая Наташенька!

Я тебе пишу, а не звоню в ответ на твое письмо, так как мы дома предкам ничего не говорили о моих приключениях и по телефону я не могу все эти вопросы обсуждать.

Я как-то не очень удобно себя чувствую во всей этой ситуации, пользуясь добрым расположением Армена Леон^{овича}. Конечно, я к нему отношусь сам более чем хорошо, но чем дальше я работаю и чем больше думаю над всяческими общими проблемами, тем все дальше я отхожу от его взглядов, от синтетической теории в духе Стеббинса, от теломной теории (в самом общем виде), от биосистематики и от много другого, что как раз близко ему. Поэтому я невольно чувствую себя по отношению к нему человеком с камнем за пазухой, хотя, конечно, никогда не буду выступать лично против него в печати.

Мне кажется, что именно в этом моем отхождении и кроется причина того, что А^{рмен} Леон^{ович} счел недостаточно глубокой мою статью в «Природе» [38]. Я не думаю, чтобы в этой статье был бы и какой-то особый тон. Ведь «Природа» – не «Знание – сила», я писал эту статью на полном серьезе, без всяких «хи-хи». Но все главное в ней слишком далеко от главной магистрали мысли А^{рмена} Леон^{овича}. В письме не напишешь то, о чем я сейчас думаю по общим вопросам. В статье я тоже не мог многое написать. Многое лишь в намеках, прямо в выводах и кажется необоснованным, но я заверяю тебя, что за каждую фразу я отвечаю. Правда среди наших ботаников у меня пока вовсе нет единомышленников (если судить по публикуемым работам). В некоторых отношениях ближе всего ко мне Урманцев, но, насколько мне известно, 90% (если не больше) просто не понимают, о чем он пишет, а то и просто не читают. Во всяком случае показательно, что на его работы чаще ссылаются философы и кристаллографы, чем ботаники. Из зоологов мне ближе всех А.А. Любищев. Его статьи на мой взгляд – лучшее в современной литературе по теории эволюции и теории систематики. Но опять же, не только ботаники, но и зоологи его или не читают, или не понимают, или не цитируют. Подавляющее большинство наших теоретиков – дети по сравнению с Любищевым. Но так уж получилось, что на все соображения оппонентов лучше не обращать внимания, чем как следует задуматься.

Но все это я пишу, конечно, не для того, чтобы отказаться от Вашей совместной помощи, а просто, чтобы объяснить. Я уверен, что даже если мы разойдемся диаметрально по всем общим вопросам, то в борьбе с подонками мы будем всегда вместе. Спешки с посылкой письма в ВАК нет вовсе.

Я ничего не знаю о получении Суранге твоих писем. Думаю, что он получил. Не ответить он мог по той причине, что очень сейчас загружен организацией конференции. Дело это непростое. Они затеяли грандиозное мероприятие.

В четверг приехали Магешвари и Шах. Эти две недели они в Москве, а следующие две будут в Ленинграде, то есть они приедут 26 апреля утром, а уедут 9 мая вечером. Впрочем, в БИН, наверное, уже пришло сообщение из иностранного отдела об этом.

Я думаю, что эта парочка не отнимет у вас много времени. Во-первых, они ненадолго, и во-вторых, большую часть времени Магешвари, видимо, проведет во ВСЕГЕИ и ВНИГРИ, а в БИНе он в равной степени будет иметь отношение к тебе и Шилкиной.

От Билла¹ я недавно получил письмо – первое после забастовки. Он собирается в Новосибирск, я тоже поеду. Я получил приглашение сделать доклад на пленарном заседании² о проблеме рода в палеоботанике [36]. Кроме того, буду там за переводчика (вместе с Красиловым и Бобровым). Кроме того, после Индии я стал немного палинологом и мне будет там чем заняться.

Недавно в связи со своими лепидофитовыми работами прочитал с удовольствием твою статью о *Lepidodendraceae* в «Палеоботанике» [63] и очень много из нее извлек. Вообще с лепидофитами нижнего карбона Сибири получается масса интересного. Написал короткую статью в мемориальный том в честь Леклерк (к ее юбилею) [105] и первый вариант статьи в «Палеонтологический журнал» [41]. Когда перепечатаю, пришлю тебе экземпляр на прочтение.

Вот и все пока. Все же и в неприятностях есть прок. Очень приятно получать от тебя письма. Кланяйся от меня своим домашним.

Всего хорошего,

твой Сергей.

P.S. На месте моего индекса на конверте (109017) ты написала свой, ленинградский.

¹ У.Г. Чалонер.

² Речь идет о III Международной палинологической конференции, проводившейся в Новосибирске летом 1971 года.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 24 апреля 1971 года

Дорогая Наташенька!

Относительно образцов не волнуйся. Что-нибудь я пришлю, хотя девона у меня очень мало, а то, что есть, – слишком ценно. Достать пуную силурийскую флору – дело, видимо, дохлое. Вам придется заменить камни фотографиями.

Теперь конкретно по вопросам.

1. О семействе *Phyllothesaceae*. Его выделил не Boureau, а Gothan & Weyland, 1964 [93]. Подробно я рассматриваю этот вопрос в статье, которая вот-вот выйдет в *Palaeontographica* [104], но в кратком виде все изложено на стр. 44 автореферата диссертации [30]. О семействе *Phyllothesaceae* говорить бессмысленно, так как *Phyllothesca* – формальный род.

2. *Glossopteridales* – сборная группа, и судить о времени ее существования невозможно. Типичные глоссоптериды идут с начала нижней гондваны, но здесь дело упирается в неясность возраста самой нижней гондваны. Я отношу эти отложения к интервалу от среднего карбона до верхней перми включительно, но есть мнения, что все это пермь. Во всяком случае можно уверенно показывать глоссоптерид с конца карбона до конца перми. Существование глоссоптерид (s.s.) в мезозое не доказано. Об их присутствии в триасе судят по листьям с сетчатым жилкованием. Но как отделить такие листья от *Sagenopteris* или растений типа *Anthrophyopsis* (серия *Ctenis*, то есть цикадофиты), никто не знает. Есть и другие мезозойские растения с таким же жилкованием. К ним, видимо, относятся «*Glossopteris*» из рэта Тонкина и юры Мексики. Относить их к *Glossopteris* нет никаких оснований. Надо учитывать и то, что глоссоптериды палеозоя Гондваны – очень сложная и гетерогенная группа, видимо, куда более сложная, чем хвойные, цикадовые и т.п. Их часто включают в птеридоспермы, но только от незнания литературы.

3. Почему ты пишешь, что верхний предел распространения птеридоспермов «верхн<ий> триас», я не понял. Они проходят через весь мезозой (кроме, может быть, верхнего мела). Уйму юрских птеридоспермов описал Harris, в нижнем мелу их описал Архангельский¹.

4. О пределах распространения *Caytoniales* судить нельзя, так как опять же листья ненадежны, а репродуктивные органы пока известны лишь в юре и нижнем мелу. Находки пыльцы кейтониевых в палеозое и триасе – выдумка наших палинологов.

5. Что такое роды у *Cordaitales*, никто не знает. Если исходить из органов размножения, то кордаиты останутся лишь в среднем – позднем карбоне и, может быть, низах ранней перми Западной Европы и Америки и будут представлены одним родом. Доказательств, что все другие растения с листвой кордаитового типа принадлежат *Cordaitales*, нет вовсе. Правда, я все же склонен наши ангарские листья относить к этому порядку. Гондванские «кордаиты», по моему глубокому убеждению, принадлежат глоссоптеридам. Если подходить к делу формально, то можно отнести к *Cordaitales* 4 рода по листьям и 1 род по органам размножения. Относить к *Cordaitales* семейства *Rogoyulaceae*, *Pityaceae* и *Calamopityaceae* я не вижу никаких оснований (это все могут быть и прогимноспермы и, частью, птеридоспермы), да и сами эти семейства фактически инфратурмы, то есть формальные группировки. Распространение кордаитов – намюр В – верхняя пермь. Кордаиты в девоне и нижнем карбоне устанавливались по древесине (это наверняка прогимноспермы), а о мезозойских кордаитах ничего не известно. Относить к ним *Yuccites* нет никаких оснований, да и сам этот род сугубо формальный и сборный.

6. Соответственно нельзя ответить и на вопрос о распространении *Yuccites*. Этот род объединяет листья с широким основанием и многочисленными жилками. Такие листья есть и в триасе, и в юре, но к распространению какой-либо естественной группы все это отношения не имеет. Еще хуже дело с *Samaropsis*. Фактически это все семена, имеющие крылатку. В них можно включать и третичные семена типа *Ulmaceae*. Такие семена есть по всему разрезу от нижнего карбона и до кайнозоя, и принадлежат они птеридоспермам, кордаитам, хвойным, глоссоптеридам и др.

Когда буду в Ленинграде (хотя когда это будет – неизвестно), я с удовольствием посмотрю вашу с А<рменом> Л<еоновичем> схему, но я не уверен, что создать такую схему, чтобы она отвечала современному уровню знаний, в принципе возможно. Конечно для музея можно что-то нарисовать, но только в виде красивой картинки. Палеоботаническая литература перенасыщена

таксономическими верованиями, а твердого знания по истории групп очень немного. О распространении групп мы можем судить лишь по находкам органов размножения, но и они могут подводить (как это видно на примере *Oligocarpia* – *Sermaya*). Даже эпидермальные признаки приходится оценивать с осторожностью (пример с *Buriadia*). Обычно о распространении групп судят по листьям, основываясь именно на taxonomical belief². В результате куча ошибок. Например, все побеги с игольчатыми листьями включают в хвойные, хотя органы размножения этому противоречат (случай с *Lebachia* или *Buriadia*) или о них просто ничего не известно.

Я специально подчеркивал все эти обстоятельства во многих статьях, особенно в № 4 Пал<еонтологического> ж<урнала> [33] и той самой статье в № 2 «Природы» [38], о которой А<рмен> Л<еонович> сказал, что она недостаточно глубокая. К сожалению, все эти разговоры «глас “выпившего” в пустыне». Когда толкуешь о параллелизме, изомерии и прочих вещах, на тебя смотрят как на графомана, который осаждаёт редакции с пустяковой идеей в руках. Это непонимание со стороны палеоботаников вполне понятно, так как каждый работает над одной флорой, а обо всем другом знает лишь понаслышке. Литературу толком никто не читает. Поэтому складываются некоторые ходячие мнения, которые выбить невозможно. Они повторяются из одной статьи в другую, из учебника в учебник. В результате складывается всеобщее убеждение, что, например, глоссоптериды имеют простые (и только простые) листья с сетчатым (и только сетчатым) жилкованием. Еще в 1958 г. было показано, что это неверно. Еще в 40-х годах стало ясно, что морфологический тип «*Glossopteris*» свойствен разным, причем заведомо неродственным группам. Но это никого не касается, потому что это усложняет жизнь. В результате находят лист в юре Мексики и начинают с серьезным видом говорить о глоссоптериде в юре северного полушария. Поэтому, когда видишь в литературе время распространения той или иной группы, то верить никак нельзя. Надо очень четко разбирать, какие роды и на каком основании включены в эту группу, надо посмотреть и понимание родов. Только после этого можно говорить о распространении группы. Но все эти сведения обычно в таких изданиях, как «Основы палеонтолог<ии>» [54, 55], Gothan & Weyland [93] и др. не приводятся. Зато в них можно найти указания на *Pterophyllum* в верхнем карбоне, хотя

достоверные беннеттиты <известны> лишь с верхнего триаса. Поэтому создание схемы, о которой ты пишешь, невероятно трудоемкая вещь, если дело делать в согласии с современными данными. Единственная альтернатива – сделать что-то сугубо условное, для красоты экспозиции, но в этом случае можно не ломать голову над частностями.

Мои ВАКовские дела помаленьку движутся. Президиум ВАК отменил решение Пленума и вернул дело в комиссию, которая теперь в новом составе. Комиссия подтвердила прежнее решение (положительное). Теперь остался только новый Пленум. Надеюсь, что он будет 4 июня. Если будет новая задержка, то все перевалит на осень.

Вот, вроде, все пока. Письмо получилось огромное. Если будут еще вопросы, пиши. Постараюсь ответить.

Всего тебе хорошего.

Твой Сергей.

¹ Здесь на полях – карандашная пометка Н.С. Снегиревской очень неразборчивым почерком: «в основном – сплошные листья».

² Таксономические верования (англ.).

С.В. Мейен – Н.С. Снегиревской 1 мая 1971 года

Дорогая Наташенька!

Твое письмо от 24.4. очень меня порадовало, особенно касательно А<рмена> Л<еоновича>. Очень редко встречаешь людей, которые четко разделяют свое отношение к людям и к концепциям, исходящим от них. Сплошь и рядом сталкиваешься как раз с противоположными вещами. Вся моя диссертационная волынка – лучший тому пример. Я уже твердо стал на рельсы, идущие в другую сторону от многих моих знакомых, но очень хочется, чтобы это не испортило чисто человеческих отношений. Несколько слов о теломной теории, хотя это и не тема для письма. Теломная теория была и остается удобным инструментом в объединении многочисленных фактов, но у нее есть много существенных изъянов, которые не позволяют считать ее достаточно исчерпывающей. Эта теория родилась под влиянием сравнительной морфологии животных и впитала многие принципы последней, роль которых в растительном мире очень ограничена. Хороший пример – понятие гомологии. В животном мире гораздо строже канализованность онтогенеза и органов, и организмов. Поэтому гомологии

устанавливаются относительно легко. Мы видим филогенетическое преобразование органов, например конечностей, и легко гомологизируем плавники с конечностями. Очень помогают и онтогенетические данные. У растений в силу длительного существования меристем с их высокой тотипотентностью клеток все получается не так сплошь и рядом. Онтогенетические каналы (то есть креоды в смысле Уэддингтона) легко сменяют друг друга, и это резко усложняет гомологизацию, а поэтому и филогению, как общую, так и частную, особенно семотрилогенез. Например, много обсуждалась гомологизация частей в фертильном комплексе кордаитов и хвойных, вопрос о том, являются ли стерильные чешуи в мегастробиле кордаитов результатом стерилизации или нет. Но почти не обсуждался вопрос о том, что образование чешуи или семезачатка – лишь смена одного креода на другой, а не длительный процесс эволюционного преобразования. Различные топографические типы, например положение спорангиев в «колоске» (как у *Zosterophyllum*) или дисперсно (как у *Gosslingia*), теломная теория рассматривает как преобразования, хотя данных для этого нет никаких, а те что есть, скорее, свидетельствуют, что эти два типа – альтернативные состояния, бывшие таковыми с самого начала. Стеббинс еще в 1950 г. подробно обосновал обратимость модусов Циммермана, но, к сожалению, не сделал исчерпывающих выводов. Анализируя эволюцию спорангиев, Циммерман делал упор на их защиту. Отсюда его инкурвация и т.д. Но у современных цветковых микроспорангии, вне зависимости от способа опыления, открытые и не обнаруживают тенденции спрятаться. Теломная теория все рассматривает с точки зрения адаптаций, причем все объяснения примитивные, а главное спекулятивные, хотя Дарвин еще в середине прошлого века понял, что одними адаптациями всего не объяснишь и придавал большое значение архетипам. Последним не нашлось места в теломной теории. Главная причина здесь – игнорирование канализованности филогенеза и совмещение данных по морфогении и морфогенезу. В последнем отношении также все остановилось на уровне Северцова, хотя, опять же, соотношение морфогении и морфогенеза у растений в силу существования меристем принципиально иное, чем у животных. Я уже не говорю о том, что теломная теория не укладывается в общую теорию изомерии, а отсюда ее недостаточность с точки зрения принципов сохранения, теории информации и т.д. Но

А.Р. Ананьев, У.Г. Чалонер, Н.Ф. Хьюз и С. Архангельский на III Международной палинологической конференции (Новосибирск, 1971 г.)

это уже слишком высокие материи для письма. И еще одно важное обстоятельство. Теломный подход предельно монистичен, хотя, как показал именно Любищев, монистические концепции эволюции едва ли могут отражать положение вещей. Конечно, благодаря теломной теории мы много поняли, многие ее понятия и термины не потеряли своего значения и сейчас. Я не собираюсь отвергать всю эту теорию, просто она недостаточна, а во многих отношениях – наивна.

Я не знал, что А<рмен> Л<еонович> – один из друзей Любищева. Но мне все же обидно за Любищева. Я знаю многих его друзей, которые все о нем высказываются очень хорошо, но в своих работах просто игнорируют соображения Любищева.

В статье 1963 г., опубликованной в «Evolution» [102], Любищев написал многое из того, что прямо противоречит положениям А<рмена> Л<еоновича> в общей части его желтой книги 1966 г. [76]. В списке литературы А<рмен> Л<еонович> упоминает лишь одну, причем малозначущую работу Любищева того же 1963 года¹. В этой главе А<рмена> Л<еоновича> учтены работы других людей 1964 и 1965 г. Не думаю, чтобы А<рмен> Л<еонович>

не знал статьи в «Evolution». Точно такую же картину видишь и при просмотре других работ синтетистов. Все относится к Любищеву с глубоким уважением, но окружили его имя каким-то заговором молчания. Я не сомневаюсь, что это не от уверенности в собственных силах. Логика Любищева убийственна и вступать с ним в спор все боятся. Поэтому все делают вид, что Любищева нет. Я не виню всех этих людей, ибо если принять соображения Любищева в счет, придется все переделывать, думать иначе и т.д.

Относительно Суранге ничего не могу сказать. Надо будет попросить Maheshwari навести соответствующие справки. От Билла² я недавно получил письмо. Я ему на днях буду писать и сообщу о твоём беспокойстве. Ананьеву³ тоже напишу. Я сообщил о твоей просьбе техни<ческому> секретарю оргкомитета Н. Дубининой. Когда я все выясню у Заклинской, напишу тебе отдельно.

О времени, необходимом на Главлит, ничего не могу сказать, так как в разных городах это по-разному. В Москве на это уходит примерно 3 недели. Рукопись свою присылай, я с удовольствием прочту. Посылаю тебе свою рукопись. Она написана очень коряво, так как я писал по-

английски, а это – русский перевод только для Главлита.

Постараюсь тебе что-нибудь отправить из образцов уже на этой неделе, но не уверен, что это удастся. Неделя после 9.5.71 будет кошмарной. Но в мае постараюсь управиться.

Всего тебе наилучшего,

твой Сергей.

P.S. Был сегодня (3.5.71) у Заклинской. Она попытается вставить тебя в число делегатов⁴.

¹ На самом деле упоминаются две работы: [17, 101].

² У.Г. Чалонер.

³ А.Р. Ананьев.

⁴ Имеется в виду участие в III Международной палинологической конференции.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 29 мая 1971 года

Дорогая Наташенька!

Спасибо за письмо. Я подготовил текст за подписью Меннера и посылаю тебе его проект. Если тебя такой текст устроит, то я все перепечатаю начисто и пошлю по инстанции. Но предварительно выясни, на чье имя лучше писать это письмо, может быть его надо писать на ленинградские инстанции УВС? Добавь в это письмо все, что сочтешь нужным.

Я уже получил официальный вызов на Пленум ВАКа, который состоится 4 июня в 10 часов утра. Я уже подготовил свое выступление. Очевидно А<рмен> Л<еонович> уже не успеет написать что-то обстоятельное. Кроме того, в моем деле уже так много бумаг, что его письмо едва ли будут зачитывать. Поэтому у меня возникла мысль, а не будет ли иметь смысла телеграмма от его имени в адрес Пленума с выражением его безоговорочной поддержки? Спроси его. Я не обсуждал этот вопрос ни с кем. Но мне кажется, что телеграмму скорее зачитают, чем письмо.

Я послал тебе с нарочным, которого вы прислали, некоторые образцы для музея, в том числе и розетку листьев кордаитов (у меня их всего 4). Когда закончу возиться с лепидофитами, то пришлю еще и их, сейчас трудно решить, какие образцы менее важные.

Мы с Магешвари сейчас изучаем *Cladostrobis*, причем есть много оснований считать его ♂ фруктификацией *Rufioria*. Очень интерес-

ное растение, с гипоспорангиатными спорофиллами, как у некоторых хвойных. С кордаитами практически ничего общего. Наибольшее сходство с *Sorosaccus* и *Stenomischus*. Все это довольно неожиданно. Работать с Магешвари очень приятно. Он толковый и аккуратный. Статью, наверное, пошлем в *Lethaia* (они дают 100 оттисков) [103].

Вот и все пока. Жду твою статью в сб<орник> *Leclercq* [119].

Твой Сергей.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 7 июня 1971 года

Дорогая Наташенька!

Ты уже знаешь, конечно, от Серёжи Стрельникова или от Инны Добрускиной, что моя ВАКовская эпопея позади. Наверное, они сказали и то, что говорилось о моей работе (в ее отношении к трудам Г<еоргия> П<авловича>). Все же я пишу, чтобы поблагодарить тебя за поддержку, сочувствие и т.д. (всего не перечислишь). Сегодня я получил телеграмму следующего содержания:

«Дорогу осилит идущий вперед и выше = группа флористов-болельщиков ВСЕГЕИ».

Был очень тронут. Целый день мне звонили, поздравляли, весть разнеслась быстро. Такое счастье, что все позади.

Продолжаем изучать с Магешвари *Cladostrobis*. Сегодня закончили делать transfer-препарат и неожиданно выяснилось, что у спорангиев есть нечто потрясающе сходное с кольцом (меридиональным), прямо как у папоротников. Получили кутикулу – типично кордаитовая, устьица, как у некоторых кордаитов из того же местонахождения.

Вот и все пока. Теперь буду наверстывать запущенные дела, чтобы к Новосибирску все закончить. Дел накопилось немало.

Передай, пожалуйста, мой поклон А<рмену> Л<еоновичу> вместе с благодарностью за все.

Всего тебе наилучшего.

Твой Сергей.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹ 2 декабря 1973 года

Дорогая Наташенька!

Сто лет тебе не писал, хотя неоднократно приходилось вспоминать о тебе и, не скрою, пе-

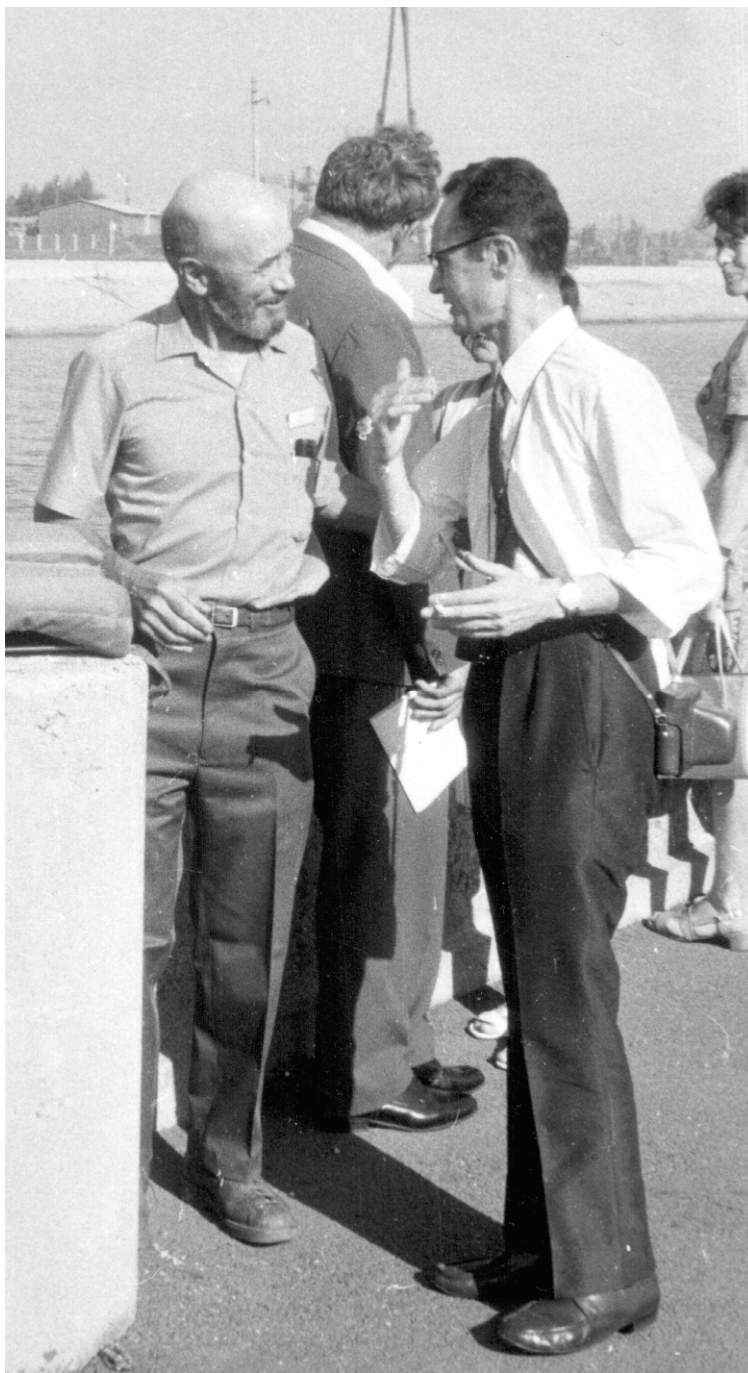
реживать за тебя из-за XII МБК². Когда я был в Киеве, то мы обсуждали с Ю<рием> В<ладимировичем>³ всякие экскурсионные дела, а на прошлой неделе у меня был Щёголев, который передал твою просьбу поделиться опытом организации экскурсий. Я довольно плохо представляю себе, что такое ботанические международные экскурсии, поэтому просто сообщаю, как это делается у нас.

Мы организуем по 7 экскурсий до и после конгресса⁴. За их проведение и конкретную организацию, а также за подготовку путеводителей отвечают специально созданные региональные оргкомитеты. Во главе их распоряжением Мин<истерст>ва геологии поставлены начальники геологических управлений и др<угие> ответственные сотрудники. Министерство распорядилось и о соответствующем финансировании всех подготовительных работ. Региональные оргкомитеты провели соответствующие полевые маршруты и некоторые тематические исследования, были проведены поездки по маршрутам. Подробные планы экскурсий были представлены нашему оргкомитету и утверждены. Сейчас заканчивается подготовка путеводителей.

Предварительные маршруты я провел через органы в Москве и получил добро. Окончательное разрешение на экскурсии дают местные (областные, республиканские) органы КГБ. Кроме того, от имени министра геологии и от оргкомитета были посланы специальные письма в обкомы с просьбой о содействии региональным оргкомитетам.

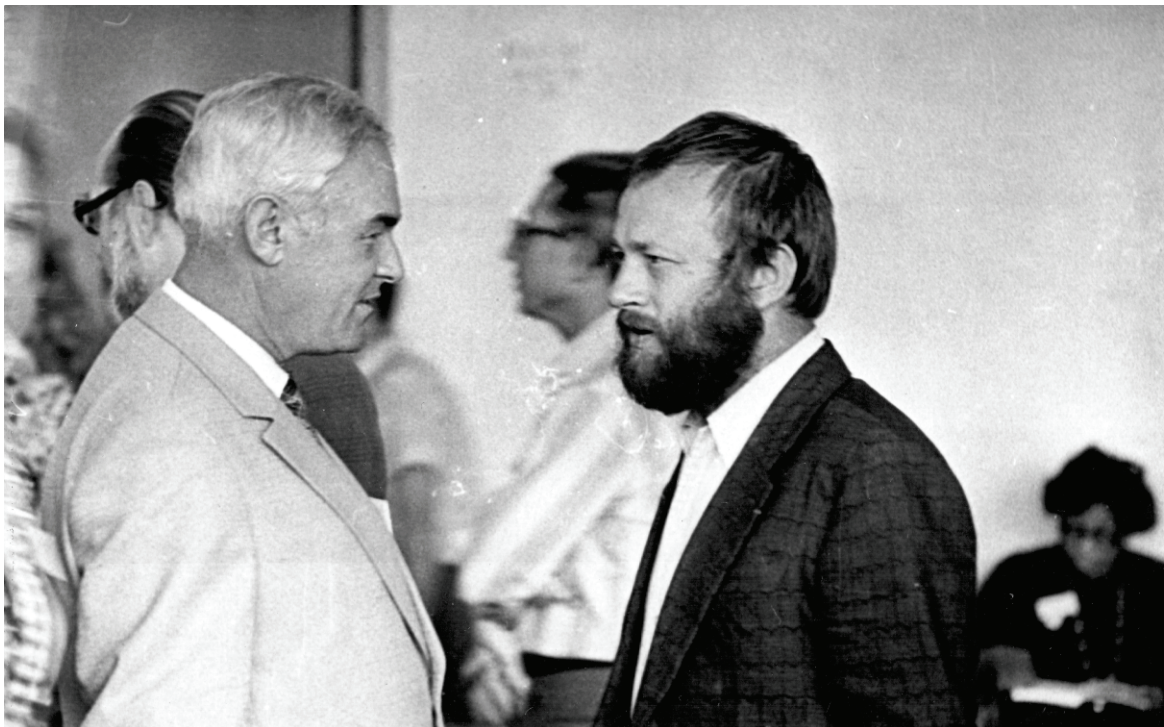
Сейчас я закончил текст 2-го циркуляра, где будут даны подробнейшие сведения о всех экскурсиях с тем, чтобы участники точно указали, куда и когда они хотят ехать, и чтобы в визах у иностранцев были указаны соответствующие города (иначе их не пустят в гостиницы и им не продадут билеты на самолет).

Как быть с экскурсиями МБК, если практически еще ничего не сделано, я ума не приложу. В любом случае надо, чтобы АН, Мин<истерст>во высш<его> образования или иная общесоюзная организация высокого веса выделила (и обязала)

А.К. Щёголев и С.В. Мейен на III Международной палинологической конференции (Новосибирск, 1971 г.)

местную организацию в качестве ответственной за соответствующую экскурсию. Необходимо срочно обратиться в обкомы или совмины республик с просьбой о содействии, может быть, они выделят *сверху* ответственных. Ни в коем случае нельзя рассчитывать на инициативу и добровольное содействие снизу. Надо делать так, чтобы люди были обязаны вышестоящей органи-

Ю.В. Тесленко и С.Г. Жилин на XII Международном ботаническом конгрессе (Ленинград, 1975 г.)

зацией обеспечивать проведение экскурсий. Все надо делать очень быстро, так как раскачка будет долгой и можно все сорвать.

Если будут вопросы, то пиши.

Я сейчас совсем превратился в бумажную крысу. Мы заканчиваем переработку для немецкого издания нашей сводки [124]. За 5 лет накопилось много нового, к тому же надо было сократить текст на 1/3, пришлось все писать заново. На это ушло много времени. Пришлось много писать и других вещей. С нового года надеюсь засесть за учебник палеоботаники. До этого хочу закончить небольшую книжечку по теории стратиграфии, которую начал еще летом [40]. Когда покончу с этой писаниной, то думаю заняться пермскими хвойными и птеридоспермами, добить статью о лепидофитах в *Palaeontographica* [108]. С конца 1974 г. наукой уже не придется заниматься ни в рабочее время, ни в выходные дни. Сейчас я спасаюсь только тем, что мой домашний телефон строго засекречен для всех, кроме близких друзей. Даже если просят, то не даю.

В сентябрьском номере «Botanical Review» должна была выйти моя статья [106]. Не знаю, вышла ли она. Никак не соберусь в Ленинскую библиотеку проверить. Судя по тому, что оттисков еще не было, статью перенесли в следующий номер. В начале

следующего года надеюсь на выход большой статьи о палеоботанической таксономии и номенклатуре в Тахон'е [107].

Генка Садовников уехал на 2 года в Иран. У меня находится с визитом до августа (!) G. Hart из США. Дома и в институте все по-прежнему. Летом меня чуть было не сделали заместителем директора, но пока обошлось. Катюня⁵ работает бухгалтером, получает 100 руб.

Кланяйся своим. Всего тебе доброго,

твой Сергей.

P.S. В Киеве видел турнейские «*Lepidodendropsis*» Ищенко⁶. Они оказались (а) лигульными, (б) с вильчатыми листьями, (в) с такой стелой . Какой-то новый род, а не «*Lepidodendropsis*». Она все это пропустила.

С.М.

¹ Написано на бланке Оргкомитета VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона (Москва, 1975).

² XII Международный ботанический конгресс, проводившийся в Ленинграде в 1975 году. Н.С. Снегиревская была ученым секретарем Конгресса.

³ Ю.В. Тесленко.

⁴ Имеется в виду VIII Международный конгресс по стратиграфии и геологии карбона, проходивший в сентябре 1975 года в Москве. С.В. Мейен был генеральным секретарем этого конгресса.

⁵ Е.С. Олесова (Мейен).

⁶ Т.А. Ищенко.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
Декабрь 1974 года (?)

Дорогая Наташенька!

С наступающим тебя и все семейство! Пусть все у вас будет благополучно, спокойно, и чтобы проклятуший конгресс прошел без лишних треволнений.

Твой Сергей.

¹ Недатированная поздравительная открытка выпуска 1974 г.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
1976 год (?)

Дорогая Наташенька!

Пишу тебе по двум делам.

1. Я получил от Banks'a ксерокопию его статьи о *Psilophyton dawsonii* [85]. Еще на конгрессе² он сказал, что послал оттиск этой статьи. Не получив его до конца года, я написал ему об этом с просьбой выслать сызнова хотя бы ксерокопию, что он и сделал. При этом написал, что волнуется о судьбе остальных оттисков, посланных в СССР тебе, Армену и Петросян – Лепехиной. Это – большая статья в «Palaeontographica Americana». Если ты и др<угие> ленинградцы получили, то или прямо сообщи ему, или напиши мне. Я все равно буду ему писать.

2. Я тужусь над учебником палеоботаники на основе лекций, кот<орые> я читал в МГРИ и Пединституте (повышенцам). Сначала я думал обойтись малыми средствами, но постепенно стало ясно, что по некоторым группам надо капитально проработать большую литературу, так как все, что написано в имеющихся сводках, просто никуда не годится. Особенно это касается палеозойских групп. Чтобы это чтение литературы не прошло зря, я решил подготовить несколько обзорных статей. Одну из них (по «псилофитам») я уже подготовил и пристроил в Бюлл<етень> МОИП. Вадим Тихомиров обещал напечатать этот обзор двумя частями [43, 44]. Теперь я принимаюсь за прогимноспермы, о ко-

торых в литературе на русском языке практически ничего нет. Этот обзор видимо будет не меньше, чем на 1,5 авт<орских> листа³. Как ты думаешь, не возьмут ли его в «Ботан<ический> ж<урнал>»? Ведь там иногда печатают большие обзоры. Мне бы не хотелось писать такую большую работу для ящика стола. Писать что-либо по прогимноспермам в меньшем объеме не имеет смысла, так как материала по ним очень много, не говоря уже о морфологических, филогенетических и прочих implications⁴ из него.

Буду очень благодарен тебе за совет.

Я сейчас понемногу возвращаюсь к привычной жизни. Приступил к пермской флоре Русской платформы. У меня новый сотрудник – стажер Алёша Гоманьков. Мы с ним сейчас драконим пермских пельтаспермовых. Материал очень интересный.

Поклон твоим домашним. Мои кланяются.

Твой Сергей.

¹ Письмо не датировано. Примерная дата устанавливается по содержащимся в нем упоминаниям статей.

² VIII Международный конгресс по стратиграфии и геологии карбона.

³ Судя по всему, этот обзор не был опубликован.

⁴ Значение, смысл, подразумеваемое (англ.).

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
Январь 1977 года (?)

Дорогая Наташенька!

С Новым Годом тебя и всех твоих. В суете мелких дел мы, наверное, рискуем потерять главное – общение с близкими по духу людьми. Все же, надеюсь, мы помним друг о друге. Я понемногу снова приобщаюсь к палеоботанике. Изучил *Cardiolepis* из верхней перми, у нее капсулы с семенами, почти как у зрелых «ягод» можжевельника, но капсулы инвертированные и семян очень много. Понемногу пишу учебник палеоботаники, надеюсь в 1977 г. его закончить, но где буду печатать, пока не знаю. Сделано уже довольно много, но трудности с общей системой. Старые системы совершенно непригодны, а новую делать не хочется. Всего-всего тебе доброго.

Твой Сергей.

¹ Недатированная поздравительная открытка выпуска 1976 г.

Н.С. Снигиревская – С.В. Мейену
1 сентября 1977 года

Дорогой Серёженька,

вчера меня пригласила редколлегия IV тома «Жизни растений», попросив срочно написать разд<ел> о кордаитовых, так как ты отказался от авторства того варианта, который получился в результате вынужденного сокращения первоначального текста, присланного тобой. Естественно, желая вырвать весьма уважаемую мной редакцию, оказавшуюся в затруднительном положении в такой ответственный для нее момент, я согласилась написать его, но хотела бы еще раз услышать от тебя подтверждение твоего намерения, которое, судя по тону письма, было выражено в очень беспокойном состоянии. Мне же кажется, что оснований для отказа от авторства у тебя нет, так как вся позитивная часть твоего текста оставлена, сокращению подвергнута вторая, полемическая часть, которая была бы уместна в учебнике палеоботаники, который, как я слышала, ты сейчас пишешь. Для меня написание раздела о кордаитовых потребует отвлечения от плановой темы, которая кончается в этом году и над которой я не смогла работать почти весь год из-за затянувшейся и не оставившей меня до сих пор болезни. По этой же причине я не смогла принять должного участия в IV томе. Раздел «древнейшие папоротники», который, к моему огорчению, в связи с общим сокращением рукописи, был изъят целиком из тома, а «семенные папоротники» были написаны в больнице, куда мне приносили необходимую литературу.

На правах твоего старого, но забытого друга, позволю дать тебе совет: *никогда не отправляй писем, написанных сгоряча*, дай им полежать сутки. Мудрая пословица говорит «утро вечера мудренее».

Жду твоего письма.

Твоя Наташа.

P.S. Привет Риточке¹, Инне², Марине³, Штеренбергу и др.

¹ М.А. Мейен.

² И.А. Добрускина.

³ М.В. Дуранте.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
23 октября 1977 года

Дорогая Наташенька!

Получил твое очень сердитое письмо. Ты права в том, что я действительно был очень раздоса-

дован тем, как обошлись с моим текстом. Но если письмо С. Жилину я написал импульсивно и затем не стал переписывать, поскольку оно было сугубо частным, то письмо в издательство долго обдумывал и несколько раз переписывал, постепенно убирая все резкости. Думаю, что отосланный вариант вполне корректен. Кроме того, я действительно думаю, что присланное мне можно печатать, но ставить свое имя под этим я никак не могу. Рассуди сама. Я написал в первой части статьи общепринятые взгляды, а во второй части, которую ты называешь полемической, излагаю собственные взгляды. Эту вторую часть полностью отсекают, оставив два маленьких и ничего не значащих абзаца, и предлагают мне подписаться под тем, что я решительно не признаю, по крайней мере в ряде важных пунктов. Что прикажешь делать? Я считаю, например, бессмыслицей, говорить о порядке Cordaitales и семействе Cordaitaceae, поскольку род *Cordaites* заведомо охватывает растения, не имевшие фруктификации *Cordaitanthus*. Я писал доводы С. Жилину, но на все это просто махнули рукой. То же и в остальном. Ясно, что редколлегии требуется канонический текст о кордаитах, как они даются в вузовских учебниках вроде последнего издания Комарницкого и др. [11] или двухтомника Хржановского [80, 81]. Но я не считаю возможным писать такой текст. Если строго следовать канонам, то придется брать только материал по Сент-Этьену и немногим другим еврамерийским местонахождениям. Если внимательно к нему отнестись и взять, скажем, реконструкции Гранд'Эри, то сразу окажется, что они почти ни на чем не основаны, а главное, в книге Гранд'Эри [94] совершенно невозможно понять, где реконструкция, а где конкретные образцы. Сам род *Cordaites* до крайности запутан, и класть его в основу семейства или порядка совершенно немыслимо. Это тоже надо как-то пояснить людям, если мы не желаем вводить их в заблуждение. Еще сложнее со всеми теми «кордаитовыми» листьями, которые встречаются в верхнем палеозое по всему миру и которые в некоторых местах, как у нас в Сибири, гораздо важнее, чем в Европе. Про них уже кое-что известно, и эти сведения, хотя они и не канонизированы в учебниках, могут быть более важными, например, для сибирских читателей, чем сведения о европейских растениях, которые у нас есть только по южной окраине страны. Ведь не будут же в «Жизни растений» больше места уделять артишокам, чем картошке. Но в палеоботанике оте-

чественного читателя все продолжают и продолжают кормить данными о спарже, артишоках, кольраби и прочих вещах, которых они никогда не увидят, и ничего не говорят о том, что они могут увидеть, о растениях, определявших растительность их краев. Все это я тоже говорил С. Жилину, и на все это тоже махнули рукой. Так почему я должен поступать вопреки своим убеждениям, да еще поощрять предложенную мне переделку текста, которая для меня совершенно неприемлема. Конечно, я мог бы попробовать снова написать текст и втиснуть в отведенные несколько страниц то, что я считаю нужным. Но, думаю, это будет мартышкин труд, так как меня опять заставят повторять каноническое, писать порядок и семейство в заголовке раздела, в которых я не вижу смысла. Думаю, что я в своем письме предложил разумный выход из положения. Ничего не переписывается заново, а текст берет на себя кто угодно, кроме меня. В крайнем случае можно взять псевдоним. Это не запрещается популярными изданиями (и практикуется в научно-популярной литературе. Статьи под псевдонимом печатались даже в «Природе»). Если и это не подходит, то можно взять присылавшийся мне текст, переиначить отдельные фразы (ничего не делая заново) и поставить имя того, кто будет делать переделку. Ведь все равно в этом тексте нет ничего ценного. Это вроде тех страничек, которые приходится писать, когда дирекция готовит юбилейные статьи. Один треп.

Ты, наверное, опять будешь сердиться на меня. И зря. Почему я должен вести себя беспринципно? Ведь речь идет именно о беспринципности, если от моего имени пойдут вещи, с которыми я решительно не согласен, а никаких оговорок, примечаний о собственном мнении мне сделать не дадут (я предлагал и такой вариант)².

Я сейчас в отпуске, а вообще-то в последний год уже удалось заниматься палеоботаникой, большей частью пермскими хвойными и птеридоспермами. Статья о кардиолепидиевых уже вышла в П<алеонтологическом> ж<урнале> [42], еще одну статью о хвойных со своеобразными ♀ шишками послал в «серебряный том» индийского «Палеоботаниста» [110]. Сейчас с моим подручным Алёшей Гоманьковым готовим статью о пермских пельтаспермовых (тоже с фруктификациями) [6]. У меня лезут из перми юрские роды пельтаспермов по листьям.

Всего тебе доброго. Поклон сердечный твоим.

Твой Сергей.

¹ Напечатано на машинке, на бланке VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона.

² В этом и предыдущем письмах речь идет о материалах для т. 4 многотомного труда «Жизнь растений» [10], издававшегося БИН АН СССР. Обсуждаемые разделы в итоге были написаны Н.С. Снигиревской [68]: подкласс кордаитиды (Cordaitidae), порядок кордаитовые (Cordaitales), семейство кордаитовые (Cordaitaceae).

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
Январь 1978 года (?)

Дорогая Наташенька!

С Новым Годом тебя и всех твоих. Пусть все будет хорошо в 1978 г.

Твой Сергей.

¹ Недатированная поздравительная открытка выпуска 1977 г.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
21 мая 1978 года

Дорогая Наташенька!

Заходил ко мне Серёжа Видулин и передал твое письмо, рассказал о твоих напастях. Грустно все у тебя получается, но будем надеяться, что испытания позади.

Мы с Серёжей хорошо поговорили, я ему рассказал все, что знал, и пообещал показать все, что у нас есть, а уж он сам отберет. Думаю, что направление очень интересное, но может быть сейчас не стоит слишком жестко связывать работу именно с осмундовыми. Лучше ориентироваться на папоротники вообще, причем приближающиеся по тем или иным соображениям к осмундовым. А дальше логика исследования сама поведет куда нужно. Если же ориентироваться непременно на осмундовые, то могут получиться неувязки. Например, вдруг при более детальном изучении пермских или нижнетриасовых форм окажется, что их нельзя относить к осмундовым (как было с отнесением к глейхениевым олигокарпии или к схизейным сенфтенбергии). Не ломать же из-за этого исследования. Наверное, надо действительно начинать с корвунчанской флоры, потом посмотреть минерализованные остатки с Русской платформы (некоторые образцы Залесского лежат во ВСЕГЕИ, часть в ГИНе и Казанском университете; видимо, в ЛГУ могут быть образцы из «Летей Россики» Эйхвальда [83,

92]). Еще надо иметь в виду печорские и кузнецкие папоротники типа Печероптериса и К°. Наверное, надо будет съездить в Сыктывкар и покопаться в коллекциях Лиды Фефиловой (я в июне буду там и поинтересуюсь, что у нее есть). В перспективе же можно заняться огромными материалами по пермским папоротникам в печорских сидеритах, в которых сохранность иногда ненамного хуже, чем в угольных почках. Этого материала навалом и у меня, и у Фефиловой. Здесь можно будет изучать и рахисы, и спорангии, и споры. По корвунчанке много материалов у Генки², и, думаю, он не будет за них жаться. Есть и у нас кое-что. Может быть, потрясем Могучеву и Владимирович. Словом, за материалом дело не станет. Только бы работал. Папоротники у нас в палеозое – триасе всегда были в загоне. Лида Фефилова сделала, что могла, но в условиях Геол<огического> ин<ститута> и массовой определительской работы далеко не уедешь. Едва ли она вернется к более детальному изучению именно папоротников, а материал у нее огромный. А в Кузбассе, Тунгусском бассейне, Монголии, Дальнем Востоке и конь не валялся. Важно только, чтобы он брал дело широко. Пусть сначала отделяет как следует отдельные объекты, параллельно знакомясь с прочими. Но потом надо идти пошире, причем, я думаю, надо ставить на нижнюю часть триаса – пермь, а не на настоящую мезофитную флору верхов триаса – юры. Там уже очень много сделано, и все это уже не так важно и интересно. Туда можно обратиться, когда начнет проясняться картина в перми – начале триаса.

Кстати, у меня наклеивается еще один хороший паренек³, который в следующем году кончает биофак МГУ по кафедре Работнова. Я сильно надеюсь его взять и мы в свое время, когда обсуждали перспективы, поговаривали его тоже сажать на корвунчанскую флору. Раз корвунчанскими папоротниками займется Серёжа, этого паренька можно будет направить на голосеменных (там их не хватает, – хвойные, разные птеридоспермы, есть Тениоптерис, что-то вроде гинкговых и проч.).

Я только-что закончил статью о пермских птеридоспермах (с Тимана и севера Русск<ой> платформы), которые рискнул отнести к юрскому роду Рафидоптерис (бывш<ий> Стеноптерис), очень близкому к Пахиптерис. Статья пошла в номер «Рев. пал. и пал.»⁴, который будет посвящен памяти Грамба (его готовят Галтье и Бэнкс) [109]. Остаток этого года займусь хвойными Рус-

ской платформы и Приуралья. Там есть неплохие Псевдовольции, в том числе из кунгура и какие-то странные новые формы типа Квадрокладус. Вообще, материала много. Смотрел большую коллекцию, собранную Масумовым в том же месте, откуда Залесский описал свою «стефанскую флору» из Нарын-Тау в Туркестане. Видимо, это не стефан, а самые низы перми. Но флора типично еврамерийская. Там же, но чуть в стороне и выше, ближе к верхней перми Масумов собрал флору с руфлориями и другими ангарскими элементами. Полезла интересная флора с филладодермой из Афганистана, а из Дарваза – комплекс цехштейнового типа с Лепидоптерис мартинси. Получается очень интересно флористически. Я планирую заняться всем этим как следует и слепить книжку, в которой Средняя Азия после дурацких упражнений Сикстель будет вполне укладываться в знакомые флоры, но с попеременными связями с разными флорами.

Вообще же меня до сих пор мучают труды нашего Конгресса [3]. Идиот П.П. Тимофеев⁵ добивался высокой печати, а в результате пропустил офсет, теперь издаем безнаборно, прямой репродукцией (как тезисы и путеводители). Стыд, позор и огромное количество времени проверять, клеивать буковки, монтировать иллюстрации и т.п. Надеюсь, что к след<ующему> конгрессу (он в мае 1979 г.) все разошлем. Тогда и я вздохну свободно. Ведь с 1972 г. тянется эта бодяга, будет 7 лет жизни на нее.

Поправляйся. Мои кланяются.

Твой Сергей

¹ Напечатано на машинке на бланке VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона.

² Г.Н. Садовников.

³ М.С. Игнатов. В настоящее время занимается современными и ископаемыми мхами.

⁴ Review of Palaeobotany and Palynology.

⁵ Речь идет об издании трудов VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона, президентом которого был П.П. Тимофеев.

С.В. Мейен – Н.С. Снегиревской
21 июня 1979 года

Дорогая Наташенька!

Я тебя поджидал в мае перед своим отъездом в США, но тщетно. Все ли у тебя в порядке? Съездил я прекрасно. Ехал очень неохотно, но получилось очень удачно. На конгрессе¹ было

очень много палеоботаников, около 50, примерно половина из США. Я после конгресса имел собственную программу. Сначала поехал на два дня к Дилчеру в Блумингтон. Он замечательный парень. Беседы тянулись до глубокой ночи, а днем были в его лаборатории. Посмотрел и покрытосеменных, в том числе верхнемеловых. Потом вернулся в Эрбану, где провел два дня в лаборатории Филлипса. Там были еще (оставались после конгресса) Галтье, Холмс, Генсель и нек<оторые> др<ругие> палеоботаники. Два дня прошли в непрерывных дискуссиях за микроскопами и перед экраном, на котором показывали свои слайды. Кстати, Холмс просил узнать у тебя, получила ли ты от него комплект оттисков. Если нет, напиши ему. Он пришлет снова. Впрочем, если да, то тоже можно написать. Том Филлипс шлет тебе свои приветы. Мы много говорили о его ленинградской поездке, от которой у него сохранились самые теплые воспоминания. Оттуда я поехал в Вашингтон, где два дня смотрел с Мамаем его пермские флоры. Смотреть приходилось очень быстро, но все же я успел познакомиться практически со всеми пермскими флорами США. Это было для меня очень важно, так как до этого американскую пермь я знал хуже всего (из-за довольно скудной литературы). Видел и пресловутые пермские цикадовые. Нашел у них в микропиле пыльцу. Она как будто мешковатая. Впрочем, микроскоп у Мамаи довольно паршивый, так что рассмотреть детали было невозможно. Во всяком случае пыльца не монокальпатная. Мамай (он, кстати, недоумевает, почему в нашей литературе его фамилию пишут с американским прононсом) почти не знает русского языка, но писать немного может. Он удивительно приятный человек. Мы расставались с ним как давние друзья. На конгрессе был и Архангельский, так что нас троих фотографировали: трех сергеев из разных стран, но русских по национальности.

П. Зарицкий, который был делегатом от Минвуза, договорился с Филлипсом о совместных исследованиях. Он тебе, наверное, напишет.

На днях я разослал № 9 ЮР Ньюслеттер. Я что-то так и не понимаю, получает ли сейчас Серёжа Жилин номера этого бюллетеня от Боултера. Если не получает, то я буду посылать экземпляр из числа размноженных на вашу братию. Но, видимо, он должен получать как региональный представитель. Попроси его, пожалуйста, написать мне на этот счет, а также о том, написал ли он Боултеру обещанные материалы. Кстати,

Дилчер интересовался, получил ли Серёжа от него фотографии Таксодиума из Зап<адного> Теннесси. Я так понял, что это те фотографии, которые помещены в «Жизни растений». Если да, то хорошо бы написать Дилчеру, что фото получены и использованы.

Всего тебе доброго. Пиши. От моих поклон. Внук растёт как на ауксинах. Уже выполнил норму 8 месяцев (ему сейчас 5 с хвостиком).

Твой Сергей.

¹ IX Международный конгресс по стратиграфии и геологии карбона, проходивший в мае 1979 года в США.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской **20 августа 1979 года**

Дорогая Наташенька!

Все-таки есть на свете телепатия. Как раз на этих днях, когда твое письмо уже шло из Раздольного¹, я собрался тебе написать. Может быть, первый раз я об этом подумал как раз 16 августа (дата твоего письма). Я хотел поделиться своими киевскими изысканиями, а также написать о триасовых плауновидных. Об этом и твое письмо. Тесленко что-то перепутал. Я отнюдь не собирался ехать в следующем году в Донбасс, а когда Ищенко² предложила, то ответил уклончиво. Вообще-то я немного влип в это дело. По сути дела, мне было интересно одно – сравнить эти лепидофиты с ангарскими нижнекарбонными. Вот и все. Тот лепидофит, который Лемуань отнес к кольподексилон (да и соврал), похож на урсодендрон. Складывалось впечатление, что в Ангариде проходят высоко в карбон формы, которые в Донбассе (и может быть вообще Евразийской флоре) характерны только для конца девона – самого начала карбона. Это уже не первый случай персистирования в ангарской флоре древних евразийских типов, и мне хотелось его изучить, главным образом, для филогенетических целей. Однако у Ищенко были другие планы. Она решила впрямь меня за всю проблематику, связанную с этими лепидофитами. По видимому, я выберу нечто среднее. Не буду залезать очень глубоко, но пройду чуть дальше, чем рассчитывал. Однако в любом случае это будет моя попутная, а не основная работа. Сразу же по приезде в Киев выяснил, посмотрев первые же образцы «кольподексилон», что Лемуань неправ.

Это, видимо, новый род и к кольподексилон не имеет отношения. Листья вильчатые, а не тройчатые. Это точно. Есть лигула и стела не совсем та же, что у кольподексилон. Словом, мои прежние наблюдения подтвердились. А статья Лемуаня с Ищенко (пока рукопись) оказалась браком [99]. Что я ей сообщил прямо, а ему более затейливо. Еще я нашел типичные аппендиксы стигмариий с подвешенным на пластинке проводящим пучком. Настоящих лепидодендропсисов там, я уверен, нет. Копаться еще предстоит немало, но закапываться я не хочу. Есть другие более важные для меня дела. Так что образцов мне пока не присылай никаких. Когда я разберусь с тем, что есть у Ищенко, то как-нибудь приеду в Питер, посмотрю, что есть у тебя, и тогда посмотрим [72]. Ничего иного, чего нет у Ищенко, я брать бы не хотел. А уж стробилами я вообще и не думал заниматься. Те более что у Ищенко их нет. Правда, у меня наклонился неплохой паренек³, который сейчас смотрит низы карбона Юж<ного> Урала. Я планирую посадить его на переход от девона к карбону. Но это после того, как он окончит МГУ (в 1982 г.). Разве мы говорили с тобой о каких-либо стробилах? Я что-то запамятовал.

Теперь о тунгусских шишках. Я, по-моему, тебе говорил, что у меня и Генки⁴ зародились сомнения в том, что триасовые «араукарить» Сибири и Печорского бассейна – хвойные. Возникло подозрение, что это плауны. Генка дал мне такой араукарит из Кузбасса (то, что Нейбург называла А<раукаритес> томиензис), я его размалывал и достал споры *Аратриспоритес*. В лектотипе *Томиостробус радиатус* (Нейбург права, что это целые шишки из араукаритов) нашел и мегаспоры. Получается, что это что-то близкое к триасовому *Цилостробус* из Гондваны. Микроспоры однолучевые, мегаспоры трехлучевые. Когда все это выяснилось, то я подумал, не те же ли шишки и у тебя. Но я не помню, какие у тебя были споры. Надо сравнить. Кстати, Нейбург ошибочно сопоставляла (правда с вопросом) эти фруктификации с хвойными, которые она отнесла к Ретиноспоритес (теперь этот гондванский род отнесен к Пахиптерис). Оказалось, что эти хвойные из Кузбасса и Тунг<усского> бассейна принадлежат к квадрокладус (этот род известен в цехштейне Европы, а у меня их много, правда, другие виды, в верхнетатарских отложениях Русской платформы). С пыльцой все совпадает. Это что-то вроде Люекиспоритес, но для наших надо будет подумать о новом роде

дисперсной пыльцы такого рода. Это будет делать Алёша Гоманьков. Так что все становится на места. Интересно до ужаса. Особенно в связи с происхождением триасовой сибирской флоры (корни явно идут в восточноевропейскую пермь). Об этом я пишу в статье [110], которую пошлю в сборник в честь Суранге (он в след<ующем> году уходит на пенсию), я получил соответствующее приглашение.

Пишу тебе не в Харьков, а в Ленинград, так как мало ли что. Вдруг ты поедешь раньше.

Всего тебе доброго. Если не увидимся в Москве, напиши. Мне интересны твои комментарии по написанному.

Твой Сергей.

¹ Н.С. Снигиревская писала письмо из экспедиции, где она работала на типовом местонахождении *Callixylon* близ села Раздольного (бывшей Большой Каракубы) в Южном Донбассе.

² Т.А. Ищенко.

³ И.А. Игнатъев – ближайший ученик и душеприказчик С.В. Мейена. Заниматься нижним карбоном так и не стал и был переориентирован Мейеном на изучение пермской флоры Печорского бассейна и Приуралья.

⁴ Г.Н. Садовников.

Н.С. Снигиревская – С.В. Мейену 5 января 1980 года

Дорогой Серёженька,

поздравляю тебя и твое милое семейство с Новым Годом, желаю удач и благополучия, а также успешного завершения учебника. Моя статья о «шишках» выйдет в январе [69]. Пришлю отпечаток и пленки. К сожалению, приехать на каникулы не удастся. Привет твоим сослуживцам.

Твоя Наташа.

Н.С. Снигиревская – С.В. Мейену 22 апреля 1980 года

Дорогой Серёженька!

К сожалению, до сих пор нет отпечатков Бот<анического> ж<урнала>, поэтому посылаю ксерокопию моей предварительной заметки о *Takhtajanodoxa* [69], подробное описание которой будет в сборнике [70]. Надеюсь, листовку о нем ты уже получил. На всякий случай вкладываю еще. В нем – статьи Байковской, Ильинской,

Кутузкиной, Самылиной, Свешниковой, Жилина, Барановой, <по> разн<ым> соврем<енным> растениям [61]. Помогите, пожалуйста, с тиражом! Как дела? Где твой учебник?

Привет девочкам,

Наташа.

С.В. Мейен – Н.С. Снегиревской
29 апреля 1980 года

Дорогая Наташенька!

Большое спасибо за оттиск (ксеро<копию>) [69]. Юбилей приму к сведению. Что-нибудь сделаем (можно ли в несколько юмор<истическом> тоне или надо все солидно и серьезно?). Заявкам дам ход.

Сейчас спешу ответить, так как, может быть, сборник [61] еще в работе в изд<ательст>ве. В таком случае, может быть, еще не поздно исправить ошибку. *Подлиственной пузырь заведомо не имеет никакого отношения к глоссоподию*¹. У меня сделаны трансферы с очень хорошей фитолеммой. Ясно видно, что это – подлистовая азренхима. У некоторых форм заведомо нет лигульной ямки, а подлиственной пузырь прекрасно выражен. У других форм подлиственной пузырь по мере декортикации переходит в cortical lacunae² в *Knorria-like*³ сохранности. Так что твое предположение – явная ошибка. Думаю, что стоит соответствующий кусок из окончательного текста просто убрать [70, с. 48].

Учебник быстро продвигается, но вырос в сводку [51]. Рассчитываю закончить текст этим летом. Сейчас пишу флористику. Потом займусь иллюстрациями. Это займет года полтора, так как не хочу брать старые картинки, буду делать преимущественно новые или брать новейшие источники. Оформление иллюстраций буду делать по типу Sporn'a [126], отчасти Vierhorst'a [86]. Значительную часть буду рисовать сам. Меннер по своей инициативе разговаривал с представителем Springer-Verlag об издании⁴. Они заинтересовались. Осенью я рассчитываю отпечатать куски текста и давать читать коллегам (постепенно). Ты не откажешься посмотреть?

Потихоньку смотрю камушки.

Всего тебе доброго.

Твой Сергей.

¹ На полях письма – карандашное примечание Н.С. Снегиревской: «ха-ха?!»

² Кортикальные лакуны (англ.).

³ *Knorria*-подобная (англ.).

² В итоге английская версия текста учебника вышла в другом издательстве [114].

Н.С. Снегиревская – С.В. Мейену
8 июня 1980 года

Дорогой Серёженька,

попрощавшись с тобой, вспомнила о своей просьбе, но до сих пор не смогла написать. Ты обещал Лемуану прислать для нашей совместной с ним статьи древесины *Callixylon* из Тувы [120]. Нельзя ли это организовать, чтобы к его приезду сделать нужные шлифы. Еще в прошлый раз он меня спрашивал о них, но я сказала, что, по-видимому, они в дороге. Буду тебе очень признательна, если ты поручишь своим помощникам их выслать.

11/VI мы выезжаем в Донбасс – на девон и уг<ольные> почки. По девону нужно собрать еще кое-что и уточнить адреса всех точек, так как у Ищенко¹ они крайне неточны. У нее даже один и тот же образец в одной работе дается с одним местонахождением, а в другой – с другим. Все ее (или вернее не ее, так как она их не знает) точки нуждаются в проверке и увязке с местонахождениями Залесского. Кое-что я уже уточнила. В отношении моих коллекций решили так: я с Арменом Л<еоновичем> обработаю помимо моих археоптерисовых и аневрофитовых – кладок-силопсиды, а остальные материалы утверждаем для диссертации Лены Железковой – той, что снята с Агаше. Свою статью о возрасте и реабилитации таксонов Залесского² отношу на осень – нужно разобраться с точками на месте. Кое в чем мне помогает сын Залесского – Дм<итрий> Мих<айлович> – он заведует в ЛГУ оранжерей.

Еду с Серёжкой³, но сегодня он лежит с т^о – 39,6! Боюсь, что ему будет трудно по дороге, особенно если будет жарко.

Желаю всего хорошего,

твоя Наташа.

Привет Генке⁴!

Сбоку приписано: Откровенно говоря, твой союз с Ищенко меня поразил! С ней нельзя сотрудничать, она смотрит на соавторов как на дойных коров!

¹ Т.А. Ищенко.

² Статья не была опубликована, однако см. [72].

³ С.М. Снегиревский.

⁴ Г.Н. Садовников.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
Вторая половина 1980 года (?)

Наташенька!

Оказалось, что документы не попали в ящик с образцами. Посылаю их отдельно. Это все собрал и прислал какой-то любитель – Малахатко. Стратиграфическую привязку надо узнавать у Н. Петросян. Думаю, что это тубинская серия, но проверь. Шлифы, которые увез с собой для передачи тебе Лемуань, из этих же образцов.

У меня к тебе просьба. Черкни мне записочку: как сейчас с прохождением статей в Ботаническом журнале (я не член ВБО²). Я готовлю большой обзор об ангарской флоре для *Biological Memoirs* [112], а некоторые роды у меня не опубликованы, и я хочу расписать сразу несколько статей в разные журналы. Один род членистостебельных хочу описать в статье в Ботаническом журнале вместе с краткой ревизией черновиевых [53]. Очень любопытное растение: стебель как *Phyllothea turnaensis*, а стробилы латеральные (не ярусные), сидят в узлах мутовкой. Напиши, пожалуйста, не считая за труд. Заранее спасибо.

Твой Сергей.

¹ Письмо без даты; датировка устанавливается по содержанию письма.

² Всесоюзное ботаническое общество.

Н.С. Снигиревская – С.В. Мейену
20 декабря 1980 года

Дорогой Серёженька,

спасибо за древесинки из Хакасии. Получили мы их только в декабре. Что за чудеса! Не почта, а чудо! Отдала сделать шлифы. Пока еще не получила – очень интересно, какого типа древесина – *Callixylon trifilievii* или *Callixylon newberryi*. Настояла на том, чтобы опубликовать статью с Лемуанем на английском языке¹. Сейчас занимаюсь ее шлифовкой и переводом на английский. Не можешь ли сообщить мне отчетливо и адрес Малахатко – может быть, стоит съездить и пособирать древесинки самой.

Привет Риточке²,

Наташа.

¹ В итоге обе совместные статьи с И. Лемуанем были опубликованы на французском языке [100, 120].

² М.А. Мейен.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской¹
Январь 1981 года (?)

Наташенька!

С Новым Годом!

Большое спасибо за книжку. Сейчас ее препарирую, буду писать рецензию в *IOP Newsletter*². О некоторых соображениях напишу отдельно.

Адрес Малахатко В. 662620 Черногорск Хакасской А.О., ул. Чапаева 15, кв. 22.

Твой Сергей.

¹ Недатированная открытка выпуска 1980 г. с Тектонической картой Северной Евразии.

² Скорее всего, речь идет о рецензии [111] на книгу [61]. Рецензия вышла в феврале 1981 года.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
18 мая 1981 года

Дорогая Наташенька!

Только сейчас сотворил статью о членистостебельных, о которой писал раньше, для «Ботанического журнала» [53]. Так и остались некоторые неясные для меня моменты, особенно в отношении внепазушного ветвления. Но видимо, без образцов с хорошими фитолеймами этого не решить. Я решил послать рукопись тебе, а не в редакцию, так как, может быть, (а) от тебя все равно потребуется отзыв и (б) чтобы статья никоим образом не прошла мимо тебя. Меня заботят две вещи: 1) я не член ВБО; 2) не знаю, надо ли наклеивать 1-й экземпляр фототаблиц; в «Науке» в Москве они просят давать 1-й экземпляр ненаклеенным, делают это сами по образцу 2-го экземпляра; я сделал именно так, хотя в Ленинградском отделении «Науки» могут быть свои правила. В июне я буду в Ленинграде и тогда сам все наклею, если надо.

Гена Садовников, видимо, будет бить тебе челом. Он наконец-то (почти через 20 лет) описал анатомию кирьямкении, что = *Glossophyllum claviforme* Mogutcheva, а ♀ фруктификации тех же растений – то, что Могучева ошибочно отнесла к *Leuthardtia*. Растение крайне интересное, оно, в частности, сидит посередине между гинкговыми и пельтаспермовыми. Всех этих высоких материй Генка пока не трогает, не идет дальше родов, но и там много важного. Он сделал статью для «Ботанического журнала» [58] (другую статью о плевромейевых он сдал в «Палеонтологический журнал» [57]).

И.А. Ильинская (1985 г.)

Теперь такое дело. Ты, наверное, уже видела учебник Taylor'a [122]. Я получил экз<емпляр> от издательства, по-видимому, и для того, чтобы подготовить рецензию [48].

В «Палеонтологическом» ж<урнале> уже лежат две мои статьи и одна рецензия, так что писать туда еще я не могу. Если ни ты, ни кто-либо еще не собираетесь писать рецензию в «Ботанический» ж<урнал>, то я бы подготовил. Иначе даже не знаю, в какой журнал писать. Но не отметить выход такой книжки тоже нельзя. Книгу сейчас дочитываю и через 1-2 недели мог бы сесть за рецензию. Если это возможно, то какой оптимальный объем?

Я сейчас снова копаюсь с татарской флорой. Через полгода мы с Алёшей¹ должны сдать монографию [7]. Получается немало любопытного.

Подтверди, пожалуйста, получение этой бандероли. Почта нынче ненадежна, а труда в статью вложено порядочно (все сделал сам, в том числе все фото, рис<унки>, и машинопись сам печатал). Спасибо тебе заранее.

Всего доброго.

Твой Сергей.

¹ А.В. Гоманьков.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 6 июля 1981 года

Дорогая Наташенька!

Спасибо тебе за оперативность: сегодня пришло подтверждение из Бот<анического> ж<урнала> о получении моей статьи [53], из чего я также заключаю, что статья не вызвала у тебя возражений. А это приятно.

Мы очень хорошо поговорили с А<рменом> Л<еоновичем> (я имею в виду наш разговор в Л<енингра>де о происхождении гинкговых и чекановскиевых от пельтаспермовых). Через 2 часа разговора он сказал: «Вы меня убедили». И попросил написать в «Б<отанический> ж<урнал>» статью «Происхождение гинкговых», что я и обещал [46].

После разговора я еще около часа крутился в БИНе, думал, вдруг ты появишься, но встретил только Ильинскую, что большого удовольствия не доставило.

Я совсем забыл, когда был в БИНе, зайти в Бот<анический> ж<урнал> и спросить о рец<ензии> на Taylor'a «Paleobotany», 1981. Мне бы все же хотелось написать рецензию [48]. Что ты думаешь?

У меня вышел конфликт с В. Красиловым. После выхода его статьи о *Gaussia* (с Бураго, в *Review of palaeobotany & palynology*) [97] я ему написал и постарался показать, что он крепко ошибся и с самой *Gaussia*, и с тем, что соединил ее с *Vojnovskya*. Ругнул его. В ответ получил грубейшее письмо. Я снова написал с призывом не ругаться и не ссориться. Получил ответ не столь ругательный, но и не шибко примирительный. Неприятно это все. Главное, что он очень плохо представляет себе фруктификации позднепалеозойских ангарских голосеменных, не видел моих материалов. Теперь надо будет вытравлять всю эту чепуху из литературы. Вообще с нашими фруктификациями получилось, как с глоссоптеридами: с ними перемудрили. Все гораздо проще, никакой особой экзотики.

Всего тебе доброго.

Твой Сергей.

P.S. Напишешь про Taylor'a?

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской 3 сентября 1981 года

Дорогая Наташенька!

Обычно я письма печатаю (так и понятнее, и быстрее), но сейчас пишу рукой, так как, может

быть, потребуется что-то нарисовать, да и с латынью проще.

Большое тебе спасибо за просмотр рукописи по членистостебельным [53], а также за поправки. На тех, которые я принимаю, останавливаться не буду. Напишу лишь по тем твоим предложениям, которые надо бы сначала обсудить.

4/2/5. Я пишу, что спорангиофоры собраны в фертильные зоны на междоузлиях под узлами. Ты пишешь, что они расположены в узлах. Конечно, каждая мутовка спорангиофоров может быть обозначена как узел. В этом смысле можно сказать, что *спорангиофоры* сидят в узлах (по определению понятия узел). Но я пишу о расположении целых *зон*, а они в общем членении побега (см. рис<унок>) приходятся на междоузлия

(это то, что Bierhorst называет «internodal clusters» – выражение «cluster» я не использую, так как лучше оставить более распространенное выражение «зона»). Под узлом при этом понимается уровень отхождения листьев (или веток), а не спорангиофоров, как это принято при описании членистостебельных с фертильными зонами в несколько ярусов.

4/2/9 и др. Ты права, что слово «ассоциирующиеся» = «вызывающие представление о чем-то», но у меня – «ассоциирующие» (без «ся»), а это значит «встречающиеся вместе». Однако русское выражение «встречающиеся вместе» может означать и сонахождение папоротников с хвойными. Когда мы говорим «стробилы, ассоциирующие со стеблями», то это подразумевает связь (прижизненную), а не просто сонахождение.

4/3/3. Стерильные листья на верхушке стробила *Sendersonia* – не брактеи. Ведь брактеи калямитовых сидят *между* спорангиофорами, а здесь – редуцированная мутовка именно листьев,

если принимать проводимую мной гомологизацию.

5/1/7. Именно «оторвавшаяся» (до захоронения), а не оказавшаяся отдельной при выборке.

:7. У *Angarotheca* вздутия совершенно непонятны. Образцы очень плохой сохранности. В узлах какие-то *совершенно бесформенные скопления* органической корочки. Они выпуклые, поэтому я написал вздутия.

:6 и 7. Убрать противопоставление «веточных» и «стеблевых» нельзя, так как листья влагалища на ветках и стебле разные.

:12. Когда я пишу, что ось ниже спорангиофоров голая, я имею в виду отсутствие не только спорангиофоров, но и каких-либо иных структур. Если же писать «стробил на ножке», то все равно надо добавлять, что ножка голая.

11/2/3. «Ветвящиеся стебли» вместо «стебли, несущие ветки» в контексте фразы создаст впечатление, что все растение может быть необлиственным, а мне важно отсутствие листьев лишь на стебле, несущем ветки (которые облиственны).

1/1/11. Предлагаемый тобой вариант создает двусмысленность с местоимением «его», которое будет относиться то ли к диагнозу, то ли к семейству.

3/4. «К роду и виду» (я не нашел других мест с этим выражением), а здесь надо оставить род и вид, так как оба не описаны (мыслимы ситуации, когда описан род, но не вид, или наоборот – для новых комбинаций). В работе Нейбург [127] – только картинка и название. Описания никакого нет¹.

7/3/3. Я пишу «стеблевые листья», так как есть еще веточные и они совсем другие.

* * *

Насколько я понимаю, кодекс регулирует лишь латынь и поэтому не имеет отношения к русским названиям. Выражение «хвоцевидные» мне решительно не нравится. Ведь мы продолжаем говорить покрытосеменные, голосеменные, папоротниковидные, даже приняв Magnoliophyta, Pinophyta и Polypodiophyta. Хвоцевидные будут путаться с хвоцевыми, а это – совсем другое. Поэтому я не одобряю инициативу «Жизни растений» и не хотел бы ей следовать.

С женскими именами я не возражаю. Но там есть какая-то грамматическая хитрость. Мне когда-то Забинкова ее объясняла, когда я вычеркнул в статье Гомолицкого «i» в эпитете «*ketoviae*» (в честь А.И. Т<урутановой>-К<етовой>). Там есть какая-то хитрость в напи-

сании основы родительного падежа, если фамилия оканчивается на «ова». Как я понял, здесь, как и в примере с «alexandri» (см. кодекс), нельзя просто присоединить «ae» автоматически к прямой транслитерации именительного падежа.

О синонимах. Я не путаю роды и названия родов, а считаю, что само употребление слова «синоним» автоматически указывает на то, что речь идет о названиях. Когда обсуждаются теоретические вопросы (скажем, формулировки кодекса) и надо ясно разграничить таксономические и номенклатурные проблемы, то необходима предельная недвусмысленность выражений. Там лучше все давать эксплицитно. Но в обычных (конкретных) таксономических текстах я не вижу в этом необходимости. Многие English-speaking² палеоботаники часто пишут: «The genus A is a younger synonym of the genus B»³. И тот, кто знает значение слова «синоним» (а на иных людей можно не рассчитывать), понимают, что речь идет о названиях А и В (сравни с выражением «Джомолунгма – синоним Эвереста», разве в нем заложена путаница?).

Я вообще противник чрезмерного терминологического пуризма, который во многих случаях не способствует, а препятствует пониманию текстов. Обычно терминологические пуристы не учитывают того, что *любой термин* должен иметь размытое поле значений. Уничтожить размытость можно лишь аксиоматизацией, которая в общем случае невозможна. Увлечение борьбой за «чистоту терминологии» и всяческую «однозначность» ведет к бесконечному усложнению терминологии (как, скажем, в статьях Нухимовского и в терминологии захоронений). Люди не понимают, что смысл слова можно задать не только определением, но и контекстом (это – азбука семантики). Подмена задания контекстом особыми терминами ведет в конечном счете к абсурду, так как число мыслимых контекстов бесконечно. Непонимание этого приводит ко всяким мертворожденным терминам вроде лигнота-флора, фитоориктоценоз и т.п.

Наконец, о «формальном роде». Русский перевод кодекса, вообще говоря, не является официальным текстом. Ред<акционный> комитет согласовывает лишь англ<ийский>, франц<узский> и немецк<ий> тексты. Только они имеют статус официальных. Русский перевод никакими официальными инстанциями конгресса, насколько я понимаю, не утверждался. Поэтому я имею полное право давать свой перевод, если считаю опубликованный перевод в каких-то местах не-

удачным. Со словом «формальный» дело обстоит именно так. В англ<ийском> оригинале написано «forma-genus», а «формальный» будет по-английски не «forma», а «form» или «formal» (с несколькими разными значениями). Скажем, «формальный подход» (в смысле «без учета смысла дела») будет «formal approach», а «формальная система» (в смысле «формализованная») будет «form system». Выражение «forma-genus» означает «род по формам (форме)» и к «формальности» в любом смысле этого слова отношения не имеет. Поэтому в переводе следовало дать или кальку термина, написав «форма-род» (как иногда делали палинологи), или же, учитывая особенность русского словообразования и традицию, писать «форм-род». Последнее мне кажется предпочтительным. Здесь есть и другие тонкости, которые в письме разбирать долго.

Короче говоря, по этим пунктам, которые я изложил, принятые мной в статье выражения – не результат небрежности или недомыслия, а продуманная позиция, которую я могу отстаивать.

* * *

Я слышал (но еще не видел) о рецензии Ильинской на книжку Красилова. Грустно все это. Думаю, что всякие резкие публичные выступления ни к чему хорошему не приведут. В науке, как в международной политике, давно нужна атмосфера невмешательства. Специальные отрицательные и тем более ругательные рецензии – порождение той системы ценностей (особенно процветавшей в XIX в.), когда наука отчуждалась от человека и человечества в самодовлеющий мир, которому подчинен человек. Это как «человек для субботы», а стало быть все – с головы на ноги. Слов нет. Валентин написал плохую книгу [13]. Я читал ее, и она вызывает раздражение поспешностью, небрежностью, просто ошибками. Там много непродуманного, а кое-что – на грани халтуры. И все же писать обо всем подобном не надо, а читать – неприятно. Заповедь «не судите, да не судимы будете» полностью относится и к науке. Я могу быть с кем-то не согласен, могу оспаривать в конкретной работе конкретные взгляды, но одно дело – оспаривание взглядов, а другое – осуждение человека. Как я понял, со слов читавших рецензию, Ильинская через книгу осуждает автора – как ученого, как личность. Это печально.

У меня в последнее время накопилось много претензий к Валентину. Когда я писал свою сводку-учебник, то тщательно штудировал мно-

Т.Н. Байковская (1950-е гг.)

гое написанное им. Очень хорошо видно, как с годами его статьи и монографии становятся все более поверхностными, глубина подменяется внешней широтой. Но это – его стиль и его право. Более того, работы Валентина, при всех его просчетах, – все равно остаются более интересными, чем многие работы, не вызывающие протестов (как, впрочем, и интереса). Я опасаясь, что рецензия Ильинской послужит сигналом для пересудов, дурацких разговоров и т.п. Может стать принятым ругать Валентина по любому поводу (как было среди окружения Нейбург в отношении Радченко и в чем я по недомыслию активно участвовал). Надо бы все это учитывать и по возможности не допускать. В конце концов, человеческое достоинство важнее всего. Если сам Валька не всегда это помнит, то это – его трагедия, чего он просто не осознает. А поэтому надо его защищать. Ты согласна со мной?

Мы с Алёшей заканчиваем монографию по верхнетатарской флоре [7]. Я сейчас путаюсь с мацерацией семян. Страшное дело. В отличие от материалов типа гаррисовского, мои семена имеют сильно раздробленную фитолейму и все очень трудоемко. Но результаты интересные.

Всего тебе доброго. Спасибо еще раз.

Твой Сергей.

¹ Речь идет о так и оставшихся неописанными «роде и виде» фруктификаций членистостебельных *Stephanostachys borealis* Neuburg.

² Англо-говорящие (англ.).

³ Род А – младший синоним рода В (англ.).

Н.С. Снигиревская – С.В. Мейену 19 сентября 1981 года

Дорогой Серёженька,

получив твое письмо, спустилась в лабораторию и попросила дать мне почитать рецензию на Валину книжку у Ильинской. Оказалось, что ее написала Т.Н. Байковская [1], причем, как сказала Ильинская, в очень неприятном стиле, при этом выразив благодарность целому ряду сотрудников, которые, как и я, не подозревали о написании этой рецензии. В понедельник она обещала мне принести ее, так как она получает Бот<анический> ж<урнал>.

К Вале же у меня отношение свое – я ему благодарна за теплоту и заботу, которые он проявлял в отношении меня в начале 60-х годов, когда я жила в Харькове. Я считаю его способным, но, увы, он часто немного легкомысленно обращается с фактами и материалами! Именно это очень раздражает многих солидных исследователей разных поколений (не только стариков). Мне очень симпатична его мама, очень нравился его папа. В целом я ему симпатизирую. Мне очень было грустно, когда, приветствуя его на днях в БИНе, я увидела враждебный взгляд, не понимая в чем его причина. Теперь я понимаю, что это связано с рецензией. Когда прочитаю, напишу свое ощущение.

Теперь о твоих ответах. Большинство их убедили меня, хотя, как я и писала, это были мои предложения, которые возникли в процессе чтения, и не отметить их значило бы для меня небрежностью. Что касается типификации таксонов высшей категории, то знаешь ли ты статью Cronquist, Takhtajan и Zimmermann в Бот<аническом> ж<урнале>? Относительно видового названия я проконсультируюсь у Линчевского и Черепанова. Что касается синонимичных названий, то ты, оппонировав мне, пришел к тому, что утверждаю я. Твой принцип – «Джомолунгма – синоним Эвереста» как раз и примирил нас, ты не написал, что «Вершина Дж<омолунгмы> – синоним Э<вереста>». Итак, я надеюсь, что ты согласишься с моим советом.

«Род по форме» будет лучше, как мне кажется, чем «форм-род».

В воскресенье на пон<едельни>к еду в Москву с Серёжей¹ к Утехину. Вечером же в п<оне<дельни>к еду обратно. Если успею, позвоню.

Привет твоим домашним и сослуживцам.

Н. Снигиревская.

¹ С.М. Снигиревский.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
24 сентября 1981 года

Дорогая Наташенька!

Хотя может быть ты будешь в Москве и позвонишь, но мне захотелось сразу ответить на твое письмо, которое меня очень порадовало. Я прочел его и стал вспоминать, как ты в первый раз в бытность мою в ГИНе приезжала в Москву и мы познакомились, как потом регулярно я бывал у вас на Посадской¹ и многое другое. Прочитав твое письмо, я как-то очень сильно ощутил радость того, что на свете есть много верных друзей и что среди них ты, что очень приятно ощущать эту верность, и когда есть возможность, то или ответить тем же, или хотя бы словами подтвердить свою готовность. Ты права в том, что я стал гораздо терпимее. Последние годы принесли переоценку многих ценностей. В позапрошлом году на совещании в Новосибирске мне удалось сформулировать свое нынешнее кредо в отношении коллег. На том совещании была очень хорошая атмосфера и, когда на заключительном заседании была общая дискуссия о будущих работах, я выступил со словом благодарности Оргкомитету. Тогда, во время выступления и сформулировалось это кредо: «Нет такой научной идеи, ради утверждения которой стоило бы унижить достоинство хотя бы одного человека». (На это прореагировал Б.С. Соколов, он председательствовал и громко крикнул: «Правильно, Серёжа!») Этот процесс переоценки продолжался и, видимо, продолжается. Сейчас мне бывает почти что физически больно слушать резкие взаимные обвинения, читать разгромные рецензии и проч.

Сам я рецензию Байковской еще не читал. Мне о ней говорила Маечка² (она и перепутала автора).

На днях я получил свою статью [53] из Б<отанического> ж<урнала> для исправлений, и после повторного внимательного просмотра я принял почти все твои замечания, кроме «членистостебельных». Статью Кронквиста и др. [15] я знаю очень хорошо (она же была и в «Таксоне» [90]) и в целом отношусь к предложениям о типификации весьма положительно, но считаю, что надо оставить несколько исключений, как сделал кодекс со злаками, бобовыми, пальмами и нек<оторыми> другими семействами. К числу таких исключений я отношу только некоторые вымершие таксоны высокого ранга* (например, опасно называть класс или порядок от рода Археоптерис³, имея в виду прогимноспермы, так

как весьма возможно, что типовой вид Археоптерис уже продуцировал семена; показательно, что единственный тип листы, ассоциирующий с Археоспермой, – это Археоптерис хиберника. Тейлор и др. указывали, что некоторые виды Археоптерис, для которых не установлена гетероспоровость, могут быть уже семенными; есть и другие трудные случаи. Поэтому во избежание путаницы и ненужных перемен некоторые таксоны лучше именовать нейтральными названиями). Вообще же в латинском написании, где можно, надо следовать предложению Кронквиста и др. Я, кстати, так и сделал в тексте своего учебника-руководства (текст готов, сейчас дело за картинками, а это огромное дело) [51, 114].

С синонимами по размышлению я последовал твоему совету, так как люди часто путают типификацию названий и типизацию таксонов. Если не оговаривать, что речь идет о названиях, может возникнуть путаница. Ты права.

Я очень рад, что ты разделяешь мое доброе отношение к Вале. Он относится к числу тех людей, которые, как малые дети, нуждаются в некотором снисхождении. А сейчас он очень озлоблен на весь мир. Недавно кидался с ругательствами на меня.

Всего тебе доброго. Еще раз спасибо.

Твой Сергей.

П.С. Рецензию на Тейлора я написал [48] и послал А.А. Яценко-Хмел<евскому> с его благословения. Может быть, он тебе покажет?

* *Примечание С.В. Мейена:* и часть русских названий, в т<ом> ч<исле> «членистостебельные» (а также «печеночники», «голосеменные» и «покрытосеменные», но по латыни, конечно, лучше Equisetop/sida (/hyta) и т.п.).

¹ В Петрограде – Ленинграде – Петербурге, в квартире на Большой Посадской улице, где семья Снигиревских проживает примерно с 1923 года по настоящее время.

² М.П. Долуденко.

³ См. в этой связи [67, 73].

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
19 октября 1981 года

Дорогая Наташенька!

Переправляю тебе письмо Майкла¹. Я ему написал, что едва ли оттиски этой статьи еще available², но обещал переслать его письмо тебе. Я

посоветовал ему обратиться к Эндрюсу и Филлипсу, у которых, по моим представлениям, должна быть эта статья. Если я ошибся, напиши ему, кто может помочь.

Майкл работает с Гаром Ротвеллом, работы которого мне очень нравятся, особенно по каллистофитовым.

Получила ли ты мою популярную книжку [45]? Сейчас бандероли частенько пропадают. Если не получила, я вышлю еще раз. Пока у меня ограниченное число экземпляров, но есть шанс достать достаточно много. Тогда я разошлю всем коллегам, а пока рассылаю лишь избранному кругу.

Эту книжку я написал тогда, когда мы собрались вступать в кооператив и залезали в долги. Потом с этим делом все лопнуло, а книжка была уже написана, и я дал ей ход.

Валя так и не появился в Москве, и это очень грустно. Мне хотелось повидать его и как-то подбодрить. Говорят, что рецензия Байковской очень его травмировала (я так и не собрался прочесть).

Всего тебе доброго.

Твой Сергей.

¹ М. Миллей.

² Есть в наличии (англ.).

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
8 ноября 1981 года

Дорогая Наташенька!

Большое спасибо тебе за подробное письмо. Наверное, я все твои замечания приму. Пишу «наверное», так как внимательно буду все смотреть, когда получу рецензию из журнала на доработку. Но просто читая письмо и без рецензии в руках, я соглашался. Поскольку отрицательных эмоций я не испытываю, то и отвечаю сразу (а вообще ты права и в отношении писем при отрицательных эмоциях; мне тоже случалось отправлять в корзину, а не корреспонденту подобные письма). О Тейлоре и его учебнике [122]. Я не совсем понял, прислал ли он мне книгу через издательство для рецензии или просто так (я послал ему фотографии, некоторые вещи мы обсуждали в США во время карбонового конгресса). Тейлор мне симпатичен по-человечески, работы его мне нравятся тщательностью обработки материала и обобщениями первого уровня, но на более высокий уровень обобщений он не спосо-

бен. А вот книга мне, вообще говоря, здорово не понравилась, но отражать этого в рецензии [48] мне показалось неуместным. В конце концов, это мое частное мнение. Что касается «биологии», то здесь он собрал довольно много, но опять же безыдейно. (Вообще же мне очень не нравится этот термин «биология», когда имеется в виду репродуктивный цикл и проч. Все это просто таксономические признаки, но быстрее сменяющиеся в онтогенезе, чем, скажем, характер плацентации.) Насчет мужского рода «фитохориона» я в довольно трудном положении. Сначала Армен Леонович употреблял этот термин в женском роде, и я за ним. Так во всех моих работах, причем очень многих. Потом он передумал и взял мужской род. Теперь получается «фитохорион», но остались параллельно существующие термины женского рода «зоохория» и «биоохория». Их никто в мужской род не переводил. Получится разноречием. Иногда пишут «биоохора» (как в переводе Шмитхюзена [82]), но это опять женский род.

В своих собственно палеоботанических работах я употребляю название *Cordaitanthus*, так как оно приоритетно и так как супротив его никто не консервировал *Cordaianthus* (см. Кодекс, с. 249 [128], где отвергнут лишь *Botryoconus*). Вообще же с родом Гранд'Эри положение паршивое, так как у него не разберешь, где реконструкции, а где конкретные образцы. Поэтому трудно разобратся с типами. Думаю, что зря это название консервировали. У Фейстмантеля все гораздо яснее, хотя образцы у него были, наверное, худшей сохранности.

Спасибо за пояснение об эпитете в честь Рассказовой. Юмор в том, что я перед тобой оправдался в письме, а потом все же исправил на кодексную транскрипцию, когда статья пришла из журнала на внесение исправлений. Ну, да Бог с этим!

О моей статье, присланной из Ж<урнала> о<бщей> б<иологии> на имя А<рмена> Л<еоновича> [47]. Поскольку я член редколлегии, то мою статью могли послать только члену редколлегии. Кроме А<рмена> Л<еоновича> в редколлегии нет ботаников. Редакция подождала статью какое-то время (месяца два), а затем пустила ее в производство. Сейчас она уже отредактирована, перепечатана и ушла в издательство с очередным подобранным номером (через редколлегию она прошла в октябре). Поэтому теперь никакого отзыва на нее не нужно, дело прошлое. Тем не менее, если ты все же прочтешь статью и у тебя возникнут содержательные заме-

чания (стилистику и тому подобное теперь уже исправить нельзя), то мне *очень важно* их знать. Дело в том, что в следующем году я буду работать над большим-пребольшим обзором по системе и эволюции голосеменных по палеоботаническим данным для «Бот<аникал> ревью» [113]. У меня есть приглашение Кронквиста. Статья в Ж<урнале> о<бщей> б<иологии> – как бы prospect этого большого обзора, изложение главной идеи. Суть этой идеи в том, что я пытаюсь сначала проследить связи совершенно конкретных родов голосеменных, особенно птеридоспермов, а затем смотрю, какие признаки оказываются наиболее устойчивыми в последовательностях родов. Потом уже я строю на этих признаках основные таксоны. В статье в Ж<урнале> о<бщей> б<иологии> пришлось очень тесниться, многие роды плохо известны людям. В «Бот<аникал> ревью» будет больше места и к тому времени выйдут некоторые мои статьи, сейчас находящиеся в печати. Тогда все будет гораздо яснее.

Получила ли ты мои «Следы трав индейских» [45]? Я спрашиваю, так как ныне почта ненадежна. Если не получила, то сообщи, я вышлю еще раз.

Всего тебе доброго. Еще раз спасибо.

Твой Сергей.

P.S. Рукопись статьи (это был 2-й экз.) можно в редакцию Ж<урнала> о<бщей> б<иологии> не возвращать. Картинки, если тебе интересно, можешь придержать до выхода статьи и получения оттисков, кот<орые> я тебе пришлю.

C.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
4 января 1982 года

Дорогая Наташенька!

С Новым Годом!

Адрес В. Малахатко: 662620 Черногорск Хакасской А.О. Чапаева 15, кв. 22.

Это не геолог, а местный житель, просто любознательный. Имени и отчества он мне никогда не писал. Не знаю, живет ли он на прежнем месте. В тех районах трудится Красноярское управление (теперь ПГО), думаю, что какие-нибудь связи с ними имеет Н.М. Петросян или люди из сибирских отделов ВСЕГЕИ. Я никого там не знаю, но Нина наверняка может навести на следы. Знаю только, что съемка в Минусе уже прошла и сейчас не ведется.

Видел Валю¹ на Моск<овском> совещ<ании> по филогении растений. Мы хорошо пообщались, наши с ним недоразумения как будто рассеялись. Боюсь, что неудачи продолжают его преследовать. Он рассказывал, что его нижнемеловые «осоки» оказались любопытнейшими растениями, но – беннеттитами. В Lethaia вышла его статья об *Orestovia* [96], кот<орую> он отнес к vascular plants¹. Но я думаю, что Алла Ищенко более верно интерпретирует эту группу. То, что Валя изобразил как трахеиды, очень похоже на трубки, опис<анные> из силура Pratt et al. [118], и на трахеидоподобные образования *Prototaxites*. Так что боюсь, что и здесь у Вали прокол.

Всего тебе доброго.

Твой Сергей.

P.S. Я вернул в Бот<анический> ж<урнал> исправленную по твоим советам рецензию на Тейлора [48]. Спасибо!

¹ В.А. Красилов.

² Сосудистые растения (англ.).

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
19 сентября 1982 года

Дорогая Наташенька!

Спасибо тебе за теплое сочувственное письмо. Мама¹ умерла от сердечного приступа. Прошлой осенью у нее уже был инфаркт, после чего она стала сильно сдавать. А дальше все случилось скоростижно, рано утром. Три бригады скорой помощи ничего не смогли сделать. Я уже смирился с этим, и лишь временами возвращается острое ощущение того, что больше не увижу ее и не услышу ее голоса. Почему-то чаще всего всплывает в памяти ее голос по телефону: «Серёжечка, сынок, ну как вы там?» И неизменно борюсь с комком в горле. Вот и сейчас...

С язвой моей все в порядке. Гастроскопия показала полное заживление.

Нюнечку² я, конечно же, помню, такие фигуры не забываются. Я не знал, что она умерла только в этом году, думал, что это произошло (должно было произойти из-за ее возраста) раньше.

Твои неприятности с рукой грустны. Может быть, есть какие-нибудь заморские лекарства? У меня бывают возможности доставать.

Серёже Жилину все же надо бы попенять, что он не показывал людям ЮР Ньюслеттер. При любой занятости это можно и нужно было де-

лять. Ведь я писал на каждом номере не «С.Г. Жилину», а «Палеоботаникам БИНа». Теперь буду посылать тебе. Очередной номер получен, но сейчас не работает наша множительная техника (в отпуске сотрудник). Вообще же этот бюллетень я очень люблю и читаю его от начала до конца. Интересно в нем буквально все. И я сам туда частенько пишу.

Я продолжаю трудиться над обзором по голоуменным для Кронквиста [113]. Хотя он и дал мне целый номер журнала, приходится очень ужиматься, так как материал огромный. Главное, что должно быть в этой статье, я кратко опубликовал в «Журнале общей биологии» [47]. Что-то никак не идут оттиски. Поэтому я посылаю тебе ксерокопию статьи. Посмотри ее, пожалуйста. Любые замечания будут очень важны, так как все можно будет учесть в английском варианте. В статье есть некоторые, обнаружившиеся позже неточности. Так, я сейчас не уверен, что *Ixostrobus* – чекановское (лептострбовое). Я это взял по Валентину Красилову, но лишь потом прочел соображения Гарриса. При характеристике семян хвойных надо было указать, что у них не только нуцеллус, но и интегумент часто не васкуляризован. Так что надо было выделять для них два типа. Только-что появились новые данные по некоторым важным растениям. Не помню, писал ли я тебе, что видел во Франции флоринский образец Трихопитис. Оказалось, что и здесь Флорину (как в случае Псевдовольции) просто померещились семяножки. Фертильный пазушный побег явно уплощенный, а не трехмерный. Подтвердилось мое предположение о природе Сандреви. Г. Керп написал мне об этом. Я ошибся только в числе семян, их было два. На моей реконструкции (рис. 4, о) показано много семян. Но Мамай так или иначе неправ. Я теперь сильно сомневаюсь в реконструкции Каллоспермарион, как она дается Ротуэллом и Реталляком. Думаю, что семенные перышки были измененными, хотя папоротниковидный облик вайи сохранялся. Дальнейшие размышления над Сашинией (рис. 5, б, ж) привели меня к выводу, что семенная чешуя хвойных – унилатеральный орган. Слились не стерильные чешуи пазушного комплекса, как считал Флорин, а сами семяножки. Это слияние сопровождалось плагиотропностью пазушного комплекса и стерилизацией абаксиальных семяножек. Тогда снимаются все противоречия между Флорином, Швайцером, Геде и проч. На рис. 5 Печоростробус надо перенести в руфлориевые. Меня подвело

строение пыльцы. Мне не пришло в голову, что у руфлориевых верхней перми могла быть пыльца типа Кордаитина (помимо Кладаитина). В целом же все вновь полученные (и прочитанные в литературе) данные очень хорошо укладываются в нарисованную мной филогению. Кстати, я обсуждал ее с Галтье, и встретил очень сочувственное отношение. Кроме того, посылал Гаррису схему филогении от каллистофитовых до гинкговых, и тоже получил ободряющий отклик.

Всего тебе доброго.

Твой Сергей.

¹ С.М. Мейен.

² А.П. Щербакова – няня Е.М. Снегиревской, была по сути дела членом семьи Снегиревских и воспитала три поколения их детей.

С.В. Мейен – Н.С. Снегиревской 12 октября 1982 года

Дорогая Наташенька!

Спасибо тебе, что внимательно прочла статью. Я, по-видимому, что-то бестолково написал в своем письме. К Cronquist'у идет не этот текст, а совершенно другой, примерно в три-четыре раза более длинный, с большим числом картинок (24 рис<унка> и несколько фототабл<иц>) и библиографией (>200 названий) [113]. Это, разумеется, малая доля прочитанного, но больший объем невозможен. Статья в Ж<урнале> о<бщей> б<иологии> [47] – это лишь некий конспект полученных результатов. В этой статье, которая и так превысила допустимые объемы, пришлось быть крайне конспективным, поэтому она доступна лишь довольно узкому кругу людей, знающих что такое, скажем, лагеностом. Все же я считал важным, чтобы хотя бы такой конспективный вариант был на русском языке.

Твое письмо меня порадовало, так как почти все твои замечания редакционные, из чего я делаю вывод, что главные положения (первичная vs. вторичная платиспермия; образование интегумента у Pinopsida иначе, чем у Ginkgoopsida; сама связь Ginkgoales с Peltaspermales и т.п.) не вызывает у тебя протестов.

Твои замечания не были для меня неожиданностью. Я эти вещи долго продумывал и обсуждал потом с разными людьми. Но ответу по порядку. Думаю, что от корня «спермы» не избавиться, да и не нужно. Параллельное существование слов «эндосперм» и «птеридосперм» пока не мешало никому. Из контекста всегда ясно, о

чем идет речь, тем более что таксонов на «спермы» не так много, и они или известны, или легко запоминаются (в данном случае – прогимноспермы, птеридоспермы и все).

О предпосылках эволюционной морфологии. Слова морфология, экология, физиология, систематика и др. имеют двойное значение. Мы говорим: «у голосеменных морфология корня имеет меньшее систематическое значение, чем у покрытосеменных» (здесь имеется в виду «строение корня») или «морфология корня – раздел морфологии высших растений» (здесь речь идет о подразделении научной дисциплины). Разница словоупотреблений однозначно задается контекстом.

Постепенный переход к гетероспории в девоне был показан Chaloner'ом в спец<иальной> статье [129].

Появление однолуч<евых> спор и ребристой пыльцы я считаю внезапным, так как никому пока не удалось (при огромном материале) показать хотя бы намек переходных форм.

Ты пишешь, что термины «моносperm», «полисперм», «микроспороклад» кажутся неудачными, но не пишешь почему. Может быть, дело просто в непривычности? И какая есть альтернатива, если требуется определить гомологии со споровыми и покрытосеменными (а потому заимствовать термины для *этих* понятий нельзя)? Колосовидные полиспермы по определению не могут быть сложены моноспермами (тогда это кистевидные). Вместо односемянной купулы нельзя писать «купула с моноспермом» (таких мы не знаем, семена в односемянных купулах сидячие, то есть это не моносperm).

На стр. 305 я не упрекаю в заимствовании терминов из др<угих> групп. Это можно и должно делать, но не всегда, а лишь тогда, когда есть основания для гомологизации или гомологии нам безразличны. Если же я хочу выяснить, чему у голосеменных соответствует, скажем, цветок, то употреблять при этом цветок для семенной чешуи хвойных (как Флорин) – значит путать дело. Но я никого не упрекаю. Разве абзац 2 на стр. 305 содержит упрек? Это просто констатация положения. Когда я ввожу в терминологию голосеменн<ых> некотор<ые> термины из покрытосем<енных>, то (1) я специально оговариваю, что речь идет о топографическом сопоставлении (а не гомологизации), (2) термины вводятся в измененном виде (не колос, а колосовидный).

«Захват пыльцы» – полный эквивалент очень обычного английского «capture of the pollen».

Часто говорят «улавливает» пыльцу, но ведь тоже можно сравнить с рыбаком.

«Платиспермические семена» действительно несколько коряво этимологически. Но уже куда не денешься (во всей англоязычной литературе – platyspermic seeds). Есть выход – писать семезачатки или семяпочки (эквивалент – platyspermic ovule), но это тоже не хорошо. Я думаю, что здесь терминологический пуризм не нужен (сравни: «Дай мне перочинный нож очинить карандаш» – тогда по определению нож не перочинный). Кстати, если я не ошибаюсь, Сьюорд, Арбер и др. термин «платиспермический» относили к характеристике интегумента или даже (в некоторых случаях – только склеротесты), тогда слова «платиспермическое семя» могли означать «семя с билатерально-симметричной (платиспермической) косточкой». Наконец, платиспермический не вполне синоним билатерально-симметричному. Например, семена *Sucas* билатерально-симметричные, но радиоспермические.

«Вай» – вечная проблема с литредами. В «Науке» пишут так, у них есть какой-то справочник, мне раз показывали. На стр. 310, 15 строка снизу просто описка, вместо «вайи» конечно же должно быть «перья». Почему фраза непонятна, я что-то не понял, как и того, почему нет связи со след<ующим> параграфом. По-моему, все ясно. У девонских прогимно<оспермов> и раннекаменноугольных голосеменных все стерильные вайи (перья) с нормальными перышками, а фертильные у голосеменных – не вайи даже, а безлистные оси (хотя «делать» перышки и они, и даже их предки умели). И ссылка на рис<унок> после слова перышки, на этом рис<унке> перышки видны.

Я не согласен, что *вайи* высших прогимноспермов были радиально-симметричными. Работа Carluccio et al., 1966 [88], ряд работ Beck'a и др. (Scheckler, <...>) касаются *васкулятуры*, которая действительно радиальна. А я пишу о вайе в целом. Ведь перышки выворачиваются (при спиральном прикреплении) в одну плоскость как у *Metasequoia*.

Ты спрашиваешь, на каком основании я «так категорично» отношу прогимноспермов к ближ<айшим> предкам голосеменных. Во-первых, я согласен в этом с Beck'ом. Во-вторых, я убежден, что *Archaeosperma* имела вайи *Archaeopteris*. В-третьих, ультраструктура микроспор *Archaeopteris* как у голосеменных. (И еще есть доводы.)

Я называю неизменными вайями те, у которых (как в случае фрондозных соцветий или папоротников) с неспециализированными спорофиллами) от пересадки фруктификаций не меняются ни перья, ни перышки. Разумеется, в зоне сочленения фруктификации что-то меняется, да и само присутствие их меняет вайю, но это и так понятно. В целом же фертильные вайи *Trigonocarpaceae* такие же, как стерильные. А вот, скажем, у *Dicksonites*, перышки на фертильной вайе, даже стерильные, сильно модифицируются. То же у многих *Arberiales* («глоссоптерид»). Термин «пересадка», разумеется, метафора. Мне не кажется, что он наводит мысль о субъекте.

Выражение «в одном филлотаксисе», опять же, из англоязычной литературы (in a single phyllotaxis или in the same phyllotaxis). Мне нравятся эти простые и понятные английские выражения.

О рис. 6. Кронквисту я рисую другую схему [113], где будут слева периоды. На рис. 6, заметь, нет слева периодов [47]. Это безразмерное изображение отношений, как в схемах Спорна и Стеббинса по покрытосеменным. В таких схемах фон – это некое обобщенное признаковое пространство, поэтому таксоны смыкаются вплотную (из-за трансгрессии признаков), а не соединяются оттянутой кишкой.

Стр. 318. У меня написано не «первичных», а «древнейших» покрытосеменных и дается ссылка на Dilcher'a. Его аргументация, что древнейшие были безлепестными кажется мне весьма убедительной. Арм<ен> Леон<ович>, правда, мне говорил, что для него цветок начинается с карпели, но я с этим не согласен. Ведь древнейшие покрытосеменные имели раздельнополюе фруктификации, у ♂ карпели и, стало быть, цветка не было и по его критерию. А считать, что ♀ были цветками, а ♂ не были – коряво. Я в критерий цветка ввожу венчик (другое дело, что он может *вторично* редуцироваться, но я не верю, что все известные альбские и сеноманские фруктификации успели утратить венчики).

О гомеозисе я собираюсь писать специальную большую статью [130]. Думаю, что он проходит через всю эволюцию растений (на что правильно указывал в начале века Leavitt [98]), но просто не замечается людьми. Все это отчасти диктуется и современной генетикой (я имею в виду данные о соотношении регуляторных и структурных генов). Чем выше эволюционный уровень, тем больше роль регуляторных генов, а это автоматически ведет к массовому гомеозису. Работать путем перестановки блоков гораздо вы-

годнее при нарастающей интегрированности. Но это особая и долгая тема для разговора. Я довольно основательно вгрызся в эту часть генетики и в статье показал только крошечный кусочек, необходимый для пояснения некоторых преобразований.

С Cronquist'ом я уже имел дело в 1973 г., когда он печатал мою большую статью о номотетике в морфологии [106]. Я не заметил тогда (как и при последующем общении) его склонности к высмеиванию. Он был мной доволен.

Еще раз тебе спасибо за труд.

Всего тебе доброго.

Твой Сергей.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
25 декабря 1982 года

Дорогая Наташенька!

Грустные приходят от тебя письма. Да и Гоганова недавно написала мне, как была у тебя и как ты себя погано чувствуешь. Жуть какая-то. Вот и добрались серьезные хворости до нашего поколения. Может быть, нужны какие-нибудь редкие лекарства, которые существуют, но трудно достать. У меня порой случаются подобные каналы.

Спасибо тебе за оттиск про Археоптерис [71]. Внимательно я статью пока не читал, но из беглого прочтения не понял, следует ли сохранять роды Сидерелла и Каракубоксилон. Вроде бы теперь упраздняются их существенные отличия от Археоптерис.

В отличие от тебя я продолжаю придерживаться нейтрального названия для класса – Прогимноспермопсида, а не Археоптеридопсида. Все же с родом Археоптерис не все ясно с фруктификациями. Слишком вероятно, что семена Археосперма продуцировались растениями с листовой Археоптерис, причем в типовом местонахождении Археоспермы с этими семенами встречается как раз типовой вид Археоптерис и нет никаких других растений, с которыми можно подозревать прижизненную связь. Так что вполне может оказаться, что этот типовой вид – голосеменное. Тогда будет путаница¹. Вообще же, видимо, следовало бы уже давно разделить номенклатуру стерильных и фертильных экземпляров Археоптерис, введя разные роды для тех и других и оставив род Археоптерис только для стерильных экземпляров. Тогда они могут быть и прогимноспермами, и голосеменными, вроде Сфеноптерис и т.п.

По-моему, я тебе писал в последний раз еще до своей поездки в ГДР. Съездил я очень хорошо. Коллекции огромные и видел много интересного. Выяснилось, что Тюрингия – копролит, а не синангий *Каллиптерис конферта* [131, 132]. Подтвердилось мое подозрение, что Флорин неверно интерпретировал женские фруктификации *Эрнестиодендрон*. Они устроены почти так же, как и псевдовольция (в ее реконструкции, данной Швайцером, а до него Уолтоном). Есть и другие интересные вещи.

В этот раз собираюсь на ВПО на весь срок. Так что в Ленинграде буду долго. Хочется повидаться и как следует потрепаться.

С Новым Годом тебя! Пусть он будет к тебе более милостивым, чем предыдущие.

Твой Сергей.

¹ См. [73].

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской **11 марта 1984 года**

Дорогая Наташенька!

Получил твое письмо по поводу конгресса¹. Я довольно далек от его организации. С самого начала я взял курс держаться совершенно в стороне. Меня вписали в число организаторов двух симпозиумов, но фактически никакой организации не было. Стратиграфическими симпозиумами занимаются во ВСЕГЕИ, а тот симпозиум, который должны были вести мы с Биллом², я вообще предложил выбросить из циркуляра, так как иностранных палеоботаников на конгрессе практически не будет, так что нельзя будет выдержать пропорцию 1:3 (советские/иностранцы докладчики). Мое предложение было принято оргкомитетом, и я вообще устранился от конгрессных дел. Отбором докладов для зачитания и тезисов для публикации я не занимался вообще и не интересовался этим. Единственное, что я сделал, – это написал свой доклад, который был заказным от секции палеонтологии, и сдал его в печать [49]. Правда, когда собирался международный оргкомитет, то решили попробовать оставить флорогенетический симпозиум, против чего я не возражал. Вообще я отношусь к этому конгрессу как к делу для палеоботаников совершенно бесполезному, поскольку никто из интересных людей (из зарубежных коллег, свои в данном случае не в счет, так как мы можем видаться и на ВПО) не ожидается. Я не смотрел последних списков. В предварительных

списках были только Хьюз и Гавлена. Потом, как будто, собрался Швайцер. Может быть, приедут Хикки и Баттен. И даже эти немногие люди остаются под вопросом. Может быть, кто-нибудь появился в регистрации в последнее время, этого я уже не проверял.

Я могу узнать, как получилось, что твои тезисы не включили в сборник тезисов. Правда, сейчас это уже не имеет практического значения, так как все уже лежит в издательстве. Я к подбору тезисов не имел отношения и этим не интересовался. Меня призывали один раз смотреть тезисы по стратиграфии (по перми и карбону) и приносили на просмотр (беглый) пачку иностранных тезисов на предмет тематики по симпозиумам.

Я думаю, что к этому конгрессу не надо относиться всерьез. Это будет большое и очень бесплодное собрание людей, для нас неинтересных. Даже интересных стратиграфов не будет. Вообще иностранцев будет гораздо меньше, чем ожидалось, меньше 1500 (мне даже называли цифру 900, но я не уточнял, какая цифра правильная). Все палеоботаники будут ехать в Канаду³, а в два места при наших ценах трудно ожидать иное. Вообще ведь не существует традиции, чтобы палеоботаники принимали активное участие в геологических конгрессах. Последний раз их было порядочно на МГК в московском конгрессе 1937 г. Начиная с алжирского конгресса 1952 г. и далее на МГК попадали лишь отдельные случайные палеоботаники. Показательно, что на МГК в Париже в 1980 г. не было даже французских палеоботаников. Тогда В.А. Вахрамеев вернулся из Парижа совершенно обескураженным, что почти не видел коллег. Я сам буду ходить на конгресс только в день своего доклада, на те стратиграфические комиссии, в которых я состою, и все. Делать там будет нечего. Если приедет Швайцер, я его потащу в ГИН показать ему некоторые образцы и обсудить с ним некоторые вопросы.

Я наконец-то закончил иллюстрации к своей сводке-учебнику. Показывал эти картинки Серёже Жилину (может быть, он тебе говорил). Теперь буду начинать поиск подходящих издательств, одного у нас (Наука или Недра) и одного в Англии или США. Получается довольно большой объем – около 33 печатных листов. Так что проблем много.

Прошла верстка моей статьи о голосеменных, которая заняла весь первый номер «Botanical Review» за этот год [113]. На свою прошлую статью в том же журнале (1973 г.) [106] я полу-

чил более 200 запросов на оттиски. Интересно, что будет на этот раз.

Всего тебе доброго.

Твой Сергей.

¹ 27 Международный геологический конгресс (МГК), проходивший в Москве в августе 1984 года.

² У.Г. Чалонер.

³ II Конференция Международной организации палеоботаники, проводившаяся в августе 1984 года в Канаде.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской **25 мая 1984 года**

Дорогая Наташенька!

Мне следовало бы давно написать тебе, так как я получил от Билла¹ копию его письма и только теперь понял, что для тебя и доклад на МГК и публикация тезисов имели значение, видимо, не только формальное, а потому мне следовало проследить за тем и за другим. Я же вообще на все конгрессовские дела плюнул, после того как мне удалось добиться у Меннера отмены симпозиума (об отмене написано в третьем циркуляре). Я пробовал звонить в ПИН к людям Леши Розанова, чтобы понять, чем они руководствовались при отборе, но теперь уже никто ничего не помнит.

Впрочем, сейчас ничем уже не помочь, да и я не могу ничего делать. Лежу в больнице уже месяц, позади – тяжелая операция, и руки очень плохо служат, трудно писать. Разрезали меня почти точно поперек на половину поперечника.

До Конгресса я стану на ноги и думаю, что можно будет сделать так. Мы выберем день, когда можно будет всех палеоботаников собрать в ГИНе, может быть, с небольшим количеством полуофициальных докладов, в т<ом> ч<исле> твоим. А его текст, который со ссылкой на такое ad hoc заседание, можно опубликовать где угодно, напр<имер> в Cour. Naturforsch.-h.² (выпускает Шааршмидт (?)). Кроме Швайцера, так и не слышно о приезде интересных людей. Правда, объявился Foster, но он палинолог и тебе, наверное, не интересен.

Всего тебе доброго.

Твой Сергей.

¹ У.Г. Чалонер.

² Скорее всего, подразумевается журнал «Courier Forschungs-Institut Senckenberg».

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской **15 июня 1984 года**

Дорогая Наташенька!

Сегодня мне передали твое восторженное письмо. Был ему очень рад. На днях я выписался из больницы, где провел 49 дней. Была тяжелейшая операция, удалили правую почку. Как сказал мне один хирург, «а ведь был на грани». Сейчас еще чувствую слабость, потому предпочитаю печатать, а не писать, рука еще не вполне твердая для письма. Теперь все позади, слава Богу. Очень досталось Ритке¹. Когда я был в больнице, скончалась ее мама, были похороны и все такое.

В больнице я практически закончил работу со своей сводкой по палеоботанике (до операции). РИСО² издательства «Недра» приняли мою заявку, скоро буду заключать договор на издание. Объем – 33 печ<атных> листа. Скоро Рита начнет все перепечатывать. В конце концов, пришлось остановиться на заголовке «Основы палеоботаники», так как при таком заголовке можно рассчитывать на такой листаж (его дают только для справочников и руководств). Если все пойдет хорошо, то книга выйдет в начале 1986 г. [51]. Правда, есть небольшой шанс пролезть в план изданий следующего года, но я мало в это верю.

До Геологического конгресса я буду сначала на бюллетене, затем в отпуске. После конгресса снова уйду в отпуск. Наверное, я в этом году завалю плановую работу. У меня в плане кунгурские хвойные Приуралья. Они очень интересны, но и очень трудоемки. Обычно я делаю плановую работу в течение лета, когда институт пустой и никто не мешает трудиться. А это лето у меня пропадает. Трудно свыкаться с мыслью, что надо заботиться о здоровье, для меня это ненавистное занятие.

Книга Тейлора [122] мне понадобится примерно через две недели, когда Рита возьмется за машинопись. Я буду еще раз перечитывать все разделы до передачи ей, и, наверное, придется наводить всякие мелкие справки. Тогда важно будет иметь всю литературу под рукой. Может быть, к тому времени объявится какая-нибудь оказия?

Стюарт тоже выпустил свой учебник [121]. Я его прочитал и сильно разочарован. Главы совершенно не сбалансированы, литературу он знает плоховато, но иллюстрации в основном хорошие.

Всего тебе доброго.

Твой Сергей.

Наш телефон в ГИНе теперь без добавочного:
230 80 45.

¹ М.А. Мейен.

² Редакционно-издательский совет.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
23 сентября 1984 года

Дорогая Наташенька!

Меня сильно огорчило твое письмо. Ты совершенно не поняла его тона. Мне казалось, что я писал его в самом что ни на есть умиротворяющем тоне и уж никак не язвил, ничего желчного не испытывал. Оно огорчило меня и совершенно разным нашим мировосприятием. Оправдываться дальше я не собираюсь. Мне остается только принять твои обвинения, так как иначе вероятно последует разрыв, к чему я не стремлюсь. Конечно, я мог бы надавить на кого надо, чтобы тезисы были опубликованы, раз они для тебя были важны. Чтобы покончить со всем этим делом, мне надо тебя спросить только об одном. Ты пишешь, что я игнорирую твои работы. Эта фраза меня совершенно обескуражила. Упрек, что я игнорирую чужие работы, я получаю впервые. Я специально взял свою картотеку и перебрал все известные мне твои работы. Я мысленно перебрал и те свои работы, которые хоть как-то связаны с твоими по общей тематике. Я не нашел такого случая, где мне надо было бы сослаться на тебя, а я этого не сделал. Ведь у нас просто не было пересечений. Первое явилось в связи с «подлиствыми пузырями», но после твоей статьи о Тахтаджянодке я ничего не публиковал о лепидофитах. Об этих подлистных пузырях надо бы поговорить особо (судя по данным Мейер-Берто и описанной еще Залесским Тыргании, подлистные пузыри все же связаны с аэренхимой, а не глоссоподием), но это не сейчас. С Еврамерийской флорой Донбасса я соприкасался, когда писал сводку по Евразии, и ссылки на тебя делал. Про Калликсилон я ничего не писал, матониевых тоже не касался. Ума не приложу, что еще. Напиши, пожалуйста, и объясни, что ты имеешь в виду. Для меня это важно.

Я сейчас заканчиваю оформление «Основ палеоботаники». Рита уже перепечатала текст. Картинки готовы. Кайнозойский раздел для меня готовит Ахметьев, который немного затянул это, но обещает скоро все дать. Теперь буду заниматься английским вариантом этой же книги [114]. Получил объем 32–33 печатных

л<иста>. Это почти вдвое меньше Криштофовича [14]. Для уменьшения объема пришлось делать очень компактные иллюстрации и писать телеграфным стилем.

Всего доброго.

Твой Сергей.

С.В. Мейен – Н.С. Снигиревской
1 июля 1986 года

Дорогая Наташа!

Спасибо тебе за оттиски [74] и письмо. Плевромейя меня интересует давно. Я думаю, что резонно выделять не более чем семейство для плевромейи, томиостробус, скиллиостробус и тому подобных родов. Вообще в систематике лепидофитов есть некоторая инфляция надродовых таксонов. Она выразилась, например, в систематике Барри Томаса и Шейлы Брэк-Хэйнс [123]. В целом плауновидные во многом – многочисленные вариации на очень небольшое число основных тем. В этом отношении в своих «Основах палеоботаники» я придерживался максимального (в пределах допустимости) консерватизма и ранг надродовых таксонов, где было возможно, понижал.

К сожалению, русский вариант «Основ» выходит в очень куцом виде [51]. Мне не удалось получить больше листажа. Потом при подсчете объема рукописи обнаружился еще перебор и пришлось дальше сокращать целыми главами. В результате целиком выпали всякие принципы систематики ископаемых растений, пришлось убрать и главу по палеоэкологии. Параллельно идет английское издание и там будет все полностью, примерно на 10 листов больше, с полным списком литературы (800 названий, в русском издании по правилам «Недр» нельзя давать список более 50 названий, идиоты!). В «Недрах» заставили сокращать и подписи к рисункам (есть лимиты на их длину), были и иные проявления кретинизма, с которыми нельзя воевать, так как все это идет в особых инструкциях Госкомиздата (к счастью к «Науке» эти инструкции большей частью не относятся). В русском издании я с большим трудом пробил список авторов работ, из которых я брал иллюстрации, в подписях такие ссылки делать запретили. В предисловии мне не разрешили благодарить за некоторую помощь иностранцев. Рита много возилась с рукописью, но жен тоже нельзя благодарить и вообще родственников, если у них та же фамилия, что и у ав-

тора. Словом, была сплошная война, в которой я терпел больше поражений, чем одерживал побед. Единственное утешение, что английское издание (оно должно выйти в этом году, жду днями верстку) будет полноценным, без дурацких купюр [114].

Недавно Швайцер пригласил меня в редколлегию Палеонтографии. По новым правилам журнала члены редколлегии отвечают за регионы, в частности я – за СССР, так что представляемые из СССР статьи должны поступать мне. Ты не хочешь что-нибудь написать? Там принимают статьи объемом до 80 стр. типографского текста и до 15 фототаблиц (желательно меньшее количество таблиц). Теперь сильно упростилась процедура получения разрешений на отправку статей за границу. Для этого достаточно соответствующую рукопись депонировать в ВИНТИ. Для Главлита все равно надо было печатать русский вариант. Теперь надо его печатать только по правилам депонирования, собрать немногочисленные бумажки. Депонирование осуществляется очень быстро, но его можно не ждать и отправлять, как только депонируемый экземпляр залитован. На такое литование уходит 1–2 недели. Я уже дважды пользовался этим приемом. Таким способом послал большую статью о пермских хвойных Западной Ангариды в Палеонтографику¹ и статью об ангарских голосеменных в сборник по эволюции голосеменных Беку [115].

Всего тебе доброго.

Твой Серёжа.

¹ Статья вышла только через 10 лет после смерти С.В. Мейена и в другом журнале [116] (подробнее см. предисловие к переизданию этой статьи на русском языке [52]).

Н.С. Снигиревская – С.В. Мейену¹
17 марта 1987 года

Дорогой Серёженька,
спасибо за книги. Я пытаюсь как-то подготовить свои работы к публикации, предвидя «пен-

сион», который, увы, не за горами. У нас уже несколько женщин, едва достигших 55, вывели на пенсию. А ужас в том, что ощущение бесконечности будущего не уходит даже с годами. Мои последние предпенсионные статьи тороплю, чтобы успеть опубликовать сделанное. Пусть о них судят, их разбирают и ругают потомки.

Да, в твоей статье в Природе [50] ты написал, что в девоне «торчат пеньки», но дело в том, что они не торчат, а ед<инственный> пень – это из Донбасса, с корнями который, а смониторванный в Оклахоме – из кусков древесины, залегающей не *in situ*, – такой ситуации в девоне нет.

Как самочувствие? Напиши.

Да, у меня мальчик с 3-го курса пединститута от Иры Дроздовой начал изучать уг<ольные> п<очки> Кузбасса. Хотелось бы его подослать к тебе, хотя бы на одну консультацию. На днях он будет докладывать мне первые результаты – он делает пленки, шлифы и преп<араты> для SEM. Посмотрим, что получится. Конечно, важно, чтобы он съездил в экспедицию.

Привет Риточке, Генке² (как его дела с докторской?, что он тянет?!).

Наташа.

¹ Так получилось, что это письмо, скорее всего, оказалось последним в переписке С.В. Мейена и Н.С. Снигиревской. Спустя две недели Сергея Викторовича не стало: он далеко не достиг не только пенсионного, но и «предпенсионного» возраста. То, что не успел опубликовать он сам, сделали за него его научные дети и внучка – А.В. Гоманьков, И.А. Игнатъев и Ю.В. Мосейчик. Напротив, Наталия Сергеевна проработала ведущим научным сотрудником БИНа вплоть до дня своей смерти, 6 декабря 2015 года, то есть активно действуя на научном поприще еще более 28 лет после отправления этого письма. Странно и жутко в этом контексте звучит фраза, вынесенная в качестве эпиграфа к этой подборке: «А ужас в том, что ощущение бесконечности будущего не уходит даже с годами». Ощущал ли так же Сергей Викторович, прочитав это письмо?

² Г.Н. Садовников.

Письма С.В. Мейена А.Л. Тахтаджяну

С.В. Мейен – А.Л. Тахтаджяну¹
18 сентября 1969 года

Глубокоуважаемый Армен Леонович!

В соответствии с той договоренностью, которой мы с Вами достигли во время моего пребывания в Ленинграде прошлой зимой, посылаю Вам свою диссертацию с соответствующей сопроводительной бумагой. Как мне сообщили, Наташа сейчас в отпуске и ее нет в Ленинграде. Я писал ей с просьбой сообщить мне, когда я могу приехать в БИН с докладом по работе с тем, чтобы после этого получить отзыв. Ее ответа я не дождался и посылаю работу Вам с просьбой поручить кому-нибудь из Ваших сотрудников написать мне целесообразную дату моего приезда.

Наташа говорила мне, что по поводу некоторых положений моей работы среди палеоботаников БИНа возникла оппозиция. Я надеюсь, что в современном виде моя работа больше не будет вызывать нареканий.

Я не рассчитываю на то, что Вы прочтете всю мою рукопись, но мне очень бы хотелось, чтобы Вы ознакомились с разделом VI и последней главой раздела VII. Не мне судить, насколько верны высказанные там мысли, но некоторые из них новые и кажутся мне принципиальными.

С искренним уважением,

Ваш С. Мейен.

¹ В архиве Н.С. Снегиревской к тексту этого письма приложен отзыв ведущей организации (БИНа) за подписью директора – академика А.Л. Тахтаджяна; указано: «Основной текст писала Н.С. Снегиревская». Среди сопутствующих документов в архиве – «замечательное письмо Елютину» от Б.С. Соколова (см. письмо С.В. Мейена к Н.С. Снегиревской от 15 марта 1971 г.).

С.В. Мейен – А.Л. Тахтаджяну
20 апреля 1979 года

Директору Ботанического института
АН СССР им. В.Л. Комарова
академику А.Л. Тахтаджяну.

Глубокоуважаемый Армен Леонович!

Как Вы, наверное, знаете, французский ученый проф. И. Лемуань выступил с инициативой о проведении совместных советско-французских исследований. Эта инициатива была в принципе одобрена Президиумом АН СССР и мне было поручено согласовать с проф. И. Лемуанем направление и порядок проведения исследований. В марте с.г. я получил от проф. И. Лемуаня письмо с копией письма к нему от главы Национального центра научных исследований, в котором говорится, что Национальный центр подписал с Академией наук СССР соответствующее соглашение. Пока я не получил от АН СССР официального оповещения о таком соглашении, но, надо думать оно скоро поступит.

Тем временем в мае с.г. проф. И. Лемуань должен приехать в СССР и, судя по его письму ко мне, намерен уточнить план совместных исследований. Программа его поездки включает посещение Ботанического института АН СССР и встречу со старшим научным сотрудником института Н.С. Снегиревской. Поскольку предполагается участие Н.С. Снегиревской и, может быть, других сотрудников Вашего института в упомянутых совместных исследованиях, было бы важно во время пребывания проф. И. Лемуаня в Вашем институте согласовать с ним, кто и какие конкретные материалы будет изучать, выяснить какие коллекции буду передаваться для изучения, наметить совместные публикации и т.д.

Окончательная выработка всей программы совместных исследований будет проводиться в Москве после возвращения проф. И. Лемуаня из Ленинграда и Киева. К этому времени хорошо было бы иметь конкретные предложения Вашего института, которые следует учесть в программе. Буду Вам весьма признателен за содействие в организации упомянутых исследований.

С искренним уважением,

старший научный сотрудник
Геологического института АН СССР,
доктор геолого-минералогических наук

С.В. Мейен.

С.В. Мейен – А.Л. Тахтаджяну
22 ноября 1981 года

Дорогой Армен Леонович!

Вы, конечно, знаете от Наташи о коллоквиуме, который затеял Лемуань во Франции в следующем году и на который он пригласил Наташу. На меня возложено возглавлять это дело с советской стороны. Я имел беседы в Президиуме по этому поводу, в частности, с сотрудницей нашей секции наук о Земле. Эта сотрудница отвечает за распределение денег и состав делегаций. В принципе наша секция поддерживает это мероприятие и обещает послать по крайней мере

двух человек. Но поскольку БИН в другой секции, то эта сотрудница не может (или не хочет) заниматься вопросом о командировании Наташи. Я спросил ее, что бы она посоветовала. Она сказала, что хлопоты и мои, и самой Наташи здесь вряд ли помогут. Нужно более авторитетное участие в этом деле и, разумеется, Ваша помощь может быть решающей. Я знаю прошлые неудачи Наташи на этом поприще, и все же здесь случай несколько особый. Насколько я понял, сейчас академия радуется каждому приходящему из-за рубежа от капиталистов приглашению к сотрудничеству. (Слишком много было отказов от сотрудничества.) Я с своей стороны уже сделал много, чтобы убедить и УВС, и нашу секцию в интересе планируемого мероприятия. Как я понял, дело может упереться в деньги, которые распределяют на уровне секции. При Овчинникове¹ есть соответствующий сотрудник. На него, наверное, и можно воздействовать. А там уж я свяжу обе секции, чтобы делегация была совместной.

Если Вы будете в Москве и поедете в Президиум, в том числе и по этому делу, то я мог бы к Вам присоединиться как ответственный за советскую часть программы.

Всего Вам доброго.

Ваш С. Мейен.

¹ Вероятно, имеется в виду вице-президент АН СССР Ю.А. Овчинников.

Литература

1. Байковская Т.Н. В.А. Красилов. Меловые флоры Сахалина. – М., Наука, 1979, 182 с. // Бот. журн. – 1981. – Т. 66. – № 6. – С. 902–909.
2. Вахрамеев В.А., Добрускина И.А., Заклинская Е.Д., Мейен С.В. Палеозойские и мезозойские флоры Евразии и фитогеография этого времени. – М.: Наука, 1970. – 426 с. (Тр. ГИН АН СССР. Вып. 208).
3. Восьмой Международный конгресс по стратиграфии и геологии карбона. Труды. Т. 1–6. – М.: Наука, 1978–1980.
4. Глухова Л.В. Каменноугольные и раннепермские кордаиты Средней Сибири: автореф. дисс. ... канд. геол.-минер. наук. – М., 1971. – 23 с.
5. Глухова Л.В. Эпидермальное строение раннепермских и каменноугольных *Ruffloria* Кузбасса // Бот. журн. – 1971. – Т. 56. – № 2. – С. 185–192.
6. Гоманьков А.В., Мейен С.В. О представителях семейства *Peltaspermataceae* из пермских отложений Русской платформы // Палеонтол. журн. – 1979. – № 2. – С. 124–138.
7. Гоманьков А.В., Мейен С.В. Татаринская флора (состав и распространение в поздней перми Евразии). – М.: Наука, 1986. – 174 с. (Тр. ГИН АН СССР. Вып. 401).
8. Гомолицкий Н.П. Новые среднеюрские папоротники и гинкговые из Гиссарского хребта // Палеонтол. журн. – 1965. – № 1. – С. 125–132.
9. Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 8. – М.: Правда, 1952. – 542 с.
10. Жизнь растений. Т. 4. Мхи, плауны, хвощи, папоротники, голосеменные растения / Под ред. И.В. Грушевицкого, С.Г. Жилина. – М.: Просвещение, 1978. – 448 с.
11. Комарницкий Н.А., Кудряшов Л.В., Уранов А.А. Ботаника (систематика растений). Изд. 7-е, перераб. – М.: Просвещение, 1975. – 608 с.
12. Красилов В.А. О морфологии и систематике гинкговых и чекановскиеких // Палеонтол. журн. – 1972. – № 1. – С. 113–118.
13. Красилов В.А. Меловые флоры Сахалина. – М.: Наука, 1979. – 182 с.
14. Криштофович А.Н. Палеоботаника. 4-е испр. и доп. изд. – Л.: Гостоптехиздат, 1957. – 650 с.
15. Кронквист А.Г., Тахтаджян А.Л., Циммерман В. Высшие таксоны Embryobionta // Бот. журн. – 1966. – Т. 51. – № 5. – С. 629–634.
16. Лакшин В. «Мудрецы» Островского – в истории и на сцене // Новый мир. – 1969. – № 12. – С. 208–244.
17. Любичев А.А. О количественной оценке сходства // Применение математических методов в биологии. Сб. 2. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – С. 152–160.
18. Мейен С. В. Материалы к познанию морфологии вегетативного побега ангарских кордаитов // Палеонтол. журн. – 1962. – № 2. – С. 133–144.
19. Мейен С.В. Мария Фёдоровна Нейбург (1894–1962) // Палеонтол. журн. – 1963. – № 1. – С. 151–153.
20. Мейен С.В. Об анатомии и номенклатуре листьев ангарских кордаитов // Палеонтол. журн. – 1963. – № 3. – С. 96–107.
21. Мейен С.В. Ангарские кордаиты (методы исследования, принципы систематики и основные этапы эволюции) // Тез. докл. на 10-й сессии ВПО. – 1964. – С. 26–28.
22. Мейен С.В. О морфологии, анатомии и номенклатуре ангаро-гондванского рода *Noeggerathiopsis* // Гондвана. – М.: Наука, 1964б. – С. 87–100.
23. Мейен С.В. Кордаитовые верхнего палеозоя Северной Евразии (морфология, эпидермальное строение, систематика и стратиграфическое значение). – М.: Наука, 1966. – 184 с. (Тр. ГИН АН СССР. Вып. 150).
24. Мейен С.В. О палеофлористическом районировании территории СССР в карбоне // Палеонтол. журн. – 1966. – № 4. – С. 109–113.
25. Мейен С.В. О возрасте острогской свиты Кузбасса и об аналогах намюра в континентальных отложениях Северной Азии // Докл. АН СССР. – 1968. – Т. 180. – № 4. – С. 944–947.
26. Мейен С.В. О методике исследования и описания ископаемых растений // Палеонтол. журн. – 1968. – № 3. – С. 103–112.
27. Мейен С.В. О некоторых общих вопросах систематики и эволюции хвойных в связи с открытием семезачатков у *Buriadia* // Палеонтол. журн. – 1968. – № 4. – С. 28–31.
28. Мейен С.В. Карты палеофлористического районирования карбона СССР // Атлас литолого-палеогеографических карт СССР / Ред. В.М. Познер. – 1969. – 6 л.
29. Мейен С.В. Новые роды *Entsovia* и *Slivkovia* из пермских отложений Русской платформы и Приуралья // Палеонтол. журн. – 1969. – № 4. – С. 93–100.
30. Мейен С.В. Сравнительно-исторический анализ каменноугольных и пермских флор Евразии: автореф. дисс. ... докт. геол.-мин. наук. – М., 1969. – 50 с.
31. Мейен С.В. Явления параллелизма и их значение для систематики ископаемых растений (автореф. докл., прочитанного 23.5.69 г.) // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1969. – Т. 44. – № 6. – С. 152.
32. Мейен С.В. Когда перестает видеть глаз // Знание – сила. – 1970. – № 3. – С. 48.
33. Мейен С.В. Некоторые теоретические вопросы современной палеоботаники // Палеонтол. журн. – 1970. – № 4. – С. 3–15.
34. Мейен С.В. Отвратительная тайна раскрыта? // Природа. – 1970. – № 9. – С. 112–119.
35. Мейен С.В. Из истории растительных династий. – М.: Наука, 1971. – 224 с.

36. Мейен С.В. Концепция рода в палеоботанике // III Междунар. палинологич. конф. Пленарный доклад. – Новосибирск, 1971. – 10 с.
37. Мейен С.В. Пермские флоры Русской платформы и Приуралья // Тр. ПИН АН СССР. – 1971. – Т. 130. – С. 294–308.
38. Мейен С.В. Современная палеоботаника и эволюционная теория // Природа. – 1971. – № 2. – С. 48–57.
39. Мейен С.В. Эволюция растений в документах // Природа. – 1971. – № 8. – С. 111–114.
40. Мейен С.В. Введение в теорию стратиграфии. – М., 1974. – 186 с. (Деп. в ВИНТИ. № 1749–74). [Издано в сб.: С.В. Мейен. Введение в теорию стратиграфии. – М.: Наука, 1989. – С. 21–120.]
41. Мейен С.В. Морфология вегетативного побега ангарских каменноугольных лепидофитов // Палеонтол. журн. – 1974. – № 3. – С. 97–110.
42. Мейен С.В. Cardiolepidaceae – новое пермское семейство хвойных Северной Евразии // Палеонтол. журн. – 1977. – № 3. – С. 128–138.
43. Мейен С.В. Морфология проптеридофитов («псилофитов») // Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол. – 1978. – Т. 83. – Вып. 2. – С. 96–107.
44. Мейен С.В. Систематика, филогения и экология проптеридофитов // Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол. – 1978. – Т. 83. – Вып. 4. – С. 72–84.
45. Мейен С.В. Следы трав индейских. – М.: Мысль, 1981. – 159 с.
46. Мейен С.В. Гинкго – современный птеридосперм (положение гинкговых в системе голосеменных) // Филогения высших растений. – М.: Наука, 1982. – С. 93–96.
47. Мейен С.В. Органы размножения голосеменных и их эволюция (по палеоботаническим данным) // Журн. общ. биол. – 1982. – Т. XLIII. – № 3. – С. 303–323.
48. Мейен С.В. Рецензия на книгу: T.N. Taylor. «Paleobotany. Introduction to fossil plant biology». 1981 // Бот. журн. – 1982. – Т. 67. – № 12. – С. 1694–1696.
49. Мейен С.В. Филогения высших растений и флорогенез // 27-я сессия Междунар. геол. конгр. Палеонтология. Секция. С.02. Доклады. Т. 2. Москва. 4–14 августа 1984. – М.: Наука, 1984. – С. 75–80.
50. Мейен С.В. Флорогенез и эволюция растений // Природа. – 1986. – № 11. – С. 47–57.
51. Мейен С.В. Основы палеоботаники. – М.: Недра, 1987. – 403 с.
52. Мейен С.В. Пермские хвойные Западной Ангариды // Lethaea rossica. Рос. палеобот. журн. – 2010. – Т. 3. – С. 29–94.
53. Мейен С.В., Меньшикова Л.В. Систематика верхнепалеозойских членистостебельных семейства Tchernoviaceae // Бот. журн. – 1983. – Т. 68. – № 6. – С. 721–729.
54. Основы палеонтологии. Водоросли, мохообразные, псилофитовые, плауновидные, членистостебельные, папоротники / Под ред. В.А. Вахрамеева, Г.П. Радченко, А.Л. Тахтаджана. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 698 с.
55. Основы палеонтологии. Голосеменные и покрытосеменные / Под ред. А.Л. Тахтаджана, В.А. Вахрамеева, Г.П. Радченко. – М.: Госгеолтехиздат, 1963. – 743 с.
56. Принада В.Д. Ископаемая флора корвунчанской свиты. Бассейн реки Нижней Тунгуски. – М.: Наука, 1970. – 78 с.
57. Садовников Г.Н. Новое о строении, систематическом положении, составе и распространении рода *Tomiostrabus* // Палеонтол. журн. – 1982. – № 1. – С. 104–112.
58. Садовников Г.Н. Новые данные о морфологии и анатомии рода *Kirjamkenia Prunada* // Палеонтол. журн. – 1983. – № 4. – С. 76–81.
59. Самылина В.А. Гинкговые и чекановские (некоторые итоги и задачи исследований) // Палеонтол. журн. – 1970. – № 3. – С. 114–123.
60. Свешикова И.Н. О терминологии эпидермы современных и ископаемых хвойных // Бот. журн. – 1970. – Т. 55. – № 4. – С. 510–524.
61. Систематика и эволюция высших растений / Ред. С.Г. Жилин. – Л.: Наука, 1980. – 136 с.
62. Снигиревская Н.С. К морфологии и систематике рода *Botryopteris* // Палеонтол. журн. – 1962. – № 2. – С. 122–132.
63. Снигиревская Н.С. Анатомическое изучение растительных остатков из угольных почек Донбасса. Семейство *Lepidodendraceae* // Палеоботаника. – 1964. – С. 5–38. (Тр. БИН АН СССР. Сер. VIII. Вып. V).
64. Снигиревская Н.С. Анатомическое исследование остатков некоторых среднекаменноугольных растений из угольных почек Донецкого бассейна: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Л., 1964. – 19 с.
65. Снигиревская Н.С. О чем рассказывают угольные почки? // Природа. – 1974. – № 6. – С. 49–53.
66. Снигиревская Н.С. Новые направления в ботанике // Природа. – 1976. – № 8. – С. 136.
67. Снигиревская Н.С. К систематике древнейших папоротников // Тез. докл. VI делегатского съезда ВБО. – Л., 1978. – С. 361–362.
68. Снигиревская Н.С. Подкласс кордаитиды (*Cordaitidae*). Порядок кордаитовые (*Cordaitales*). Семейство кордаитовые (*Cordaitaceae*) // Жизнь растений. Т. 4. / Под ред. И.В. Грушевицкого, С.Г. Жилина. – 1978. – С. 315–317.
69. Снигиревская Н.С. Находка нового ископаемого рода изоэтовых в раннетриасовых отложениях Восточной Сибири // Бот. журн. – 1980а. – Т. 65. – № 1. – С. 95–96.
70. Снигиревская Н.С. *Takhtajanodoxa* Snig. – новое звено в эволюции плауновидных // Систематика и эволюция высших растений. – Л.: Наука, 1980. – С. 45–53.
71. Снигиревская Н.С. Побег *Archaeopteris archetypus* с сохранившейся анатомической структурой // Бот. журн. – 1982. – Т. 67. – № 9. – С. 1237–1243.

72. Снигиревская Н.С. О так называемой «лепидодендропсисовой флоре» Донбасса и ее геологическом возрасте // Бот. журн. – 1987. – Т. 72. – № 12. – С. 1561–1571.
73. Снигиревская Н.С. Новые отделы Archaeopteridophyta и Archaeospermatophyta и их отношения с некоторыми другими группами девонских растений // Бот. журн. – 2000. – Т. 85. – № 7. – С. 134–144.
74. Снигиревская Н.С., Сребродольская И.Н. Первая находка окаменелых стеблей *Pleuroteia* (Lycorodiophyta) с сохранившимся анатомическим строением // Бот. журн. – 1986. – Т. 71. – № 4. – С. 411–415.
75. Снигиревский С.М. Творческий путь Наталии Сергеевны Снигиревской (Заметки коллеги и сына) // Lethaea rossica. Рос. палеобот. журн. – 2016. – Т. 12. – С. 126–161.
76. Тахтаджян А.Л. Система и филогения цветковых растений. – М.; Л., 1966. – 611 с.
77. Тахтаджян А.Л. Происхождение и расселение цветковых растений. – Л.: Наука, 1970. – 147 с.
78. Трифонов Ю. Обмен, повесть // Новый мир. – 1969. – № 12. – С. 29–65.
79. Федоров А.Л., Кирпичников М.Э., Артюшенко З.Т. Атлас по описательной морфологии высших растений. Лист. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 303 с.
80. Хржановский В.Г. Курс общей ботаники. Систематика, элементы экологии и географии растений. – М.: Высшая школа, 1976. – 480 с.
81. Хржановский В.Г. Курс общей ботаники. Цитология, гистология, органография, размножение. – М.: Высшая школа, 1976. – 272 с.
82. Шмитхюзен И. Общая география растительности. – М.: Прогресс, 1966. – 310 с.
83. Эйхвальд Э.И. Палеонтология России. В 3-х т. – СПб.: Типография Я. Йонсона, 1850–1861.
84. A symposium presented at XI International Botanical Congress, Seattle, Washington, U.S.A. September 1969, under the chairmanship of Harlan P. Banks // Biol. Rev. – 1970. – Vol. 45. – Is. 3. – P. 317–454.
85. Banks H.P., Leclercq S., Hueber F.M. Anatomy and morphology of *Psilophyton dawsonii* sp. nov. from the late Lower Devonian of Québec (Gaspé), and Ontario, Canada // Palaeontographica Americana. – 1975. – Vol. 8. – № 48. – P. 77–125.
86. Bierhorst D.W. Morphology of vascular plants. – N.Y.: Macmillan Inc., 1971. – 560 p.
87. Boureau E. (ed.). Traité de paléobotanique. Т. 1–4. – Paris: Masson et Cie, 1964–1975.
88. Carluccio L.M., Hueber F.M., Banks H.P. *Archaeopteris macilenta*, anatomy and morphology of its frond // Amer. J. Bot. – 1966. – Vol. 53. – P. 719–730.
89. Chaloner W.G., Meyen S.V. Carboniferous and Permian floras of the Northern continents // Atlas of palaeobiogeography. – Amsterdam: Elsevier, 1973. – P. 169–186.
90. Cronquist A., Takhtajan A., Zimmerman W. On the higher taxa of Embryobionta // Taxon. – 1966. – Vol. 15. – P. 129–134.
91. Edwards D. Devonian floras // Atlas of palaeobiogeography. – Amsterdam: Elsevier, 1973. – P. 105–115.
92. Eichwald E.I. Lethaea rossica ou Paléontologie de la Russie. Vol. 1–3. – Stuttgart: Librairie et imprimerie de E. Schweizerbart, 1853–1868.
93. Gothan W., Weyland H. Lehrbuch der Paläobotanik. – Berlin: Akademie-Verlag, 1964. – 594 p.
94. Grand'Eury C. Flore carbonifère du département de la Loire et du Centre de la France // Mém. Acad. Sci. Inst. Nat. France. – 1877. – Vol. 24 (1). – P. 1–624.
95. Krassilov V.A. Approach to the classification of Mesozoic «Ginkgoalean» plants from Siberia // The Palaeobotanist. – 1969. – Vol. 18. – № 1. – P. 12–19.
96. Krassilov V.A. *Orestovia* and the origin of vascular plants // Lethaia. – 1981. – Bd. 14. – № 3. – S. 235–250.
97. Krassilov V.A., Burago V.I. New interpretation of *Gaussia* (Vojnovskyales) // Rev. Palaeobot. Palynol. – 1981. – Vol. 32. – Is. 2–3. – P. 227–237.
98. Leavitt R.G. A vegetative mutant, and the principle of homoeosis in plants // Bot. Gaz. – 1909. – № 47. – P. 30–68.
99. Lemoigne Y., Itschenko T. Deux lycophytes avec structures conservées du Dévonien supérieur d'Ukraine (URSS) // Geobios. – 1980. – Т. 13. – No. 5. – P. 671–681.
100. Lemoigne Y., Iurina A., Snigirevskaya N. Revision du genre *Callixylon* Zalesky, 1911 (*Archaeopteris*) du Dévonien // Palaeontographica. Abt. B. – 1983. – Bd. 186. – Lfg. 4/6. – S. 81–120.
101. Lubischew A.A. On the use of discriminant functions in taxonomy // Biometrics. – 1962. – Vol. 18. – № 4. – P. 455–477.
102. Lubischew A.A. On some contradictions in general taxonomy and evolution // Evolution. – 1963. – Vol. 17. – № 4. – P. 414–430.
103. Maheshwari H.K., Meyen S.V. *Cladostrobus* and the systematics of cordaitalean leaves // Lethaia. – 1975. – Vol. 8. – Is. 2. – P. 103–123.
104. Meyen S.V. *Phyllothea*-like plants from the Upper Palaeozoic flora of Angaraland // Palaeontographica. Abt. B. – 1971. – Bd. 133. – Lfg. 1–3. – S. 1–33.
105. Meyen S.V. Are the ligula and parichnos in Angara Carboniferous lepidophytes? // Rev. Palaeobot. Palynol. – 1972. – Vol. 14. – № 1–2. – P. 149–157.
106. Meyen S.V. Plant morphology in its nomothetical aspects // Bot. Rev. – 1973. – Vol. 39. – № 3. – P. 205–260.
107. Meyen S.V. Paleobotanical taxonomy and nomenclature: the need for a new approach // Taxon. – 1975. – Vol. 24. – № 1. – P. 251–254.
108. Meyen S.V. Carboniferous and Permian lepidophytes of Angaraland // Palaeontographica. Abt. B. – 1976. – Bd. 157. – Lfg. 5/6. – S. 97–157.
109. Meyen S.V. Permian predecessors of the Mesozoic pteridosperms in Western Angaraland, USSR // Rev. Palaeobot. Palynol. – 1979. – Vol. 28. – № 2. – P. 191–201.

110. *Meyen S.V.* Some true and alledged Permian conifers of Siberia and Russian platform and their alliance // *Palaeobotanist*. – 1981. – Vol. 28/29. – P. 161–176.
111. *Meyen S.V.* Systematics and evolution of higher plants. Ed. S.G. Zhilin. Nauka, Leningrad. 1980 // *IOP Newsletter*. – 1981. – № 14. – P. 17.
112. *Meyen S.V.* The Carboniferous and Permian floras of Angaraland (a synthesis) // *Biol. Mem.* – 1982. – Vol. 7. – № 1. – P. 1–109.
113. *Meyen S.V.* Basic features of gymnosperm systematics and phylogeny as evidenced by the fossil record // *Bot. Rev.* – 1984. – Vol. 50. – № 1. – P. 1–111.
114. *Meyen S.V.* Fundamentals of palaeobotany. – L.; N. Y.: Chapman and Hall, 1987. – 432 p.
115. *Meyen S.V.* Gymnosperms of the Angara flora // *Origin and evolution of Gymnosperms* / Ed. C.B. Beck. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1988. – P. 338–381.
116. *Meyen S.V.* Permian conifers of Western Angaraland // *Rev. Palaeobot. Palynol.* – 1997. – Vol. 96. – P. 351–447.
117. *Plumstead E.P.* The Late Palaeozoic *Glossopteris*-flora // *Atlas of palaeobiogeography*. – Amsterdam: Elsevier, 1973. – P. 187–205.
118. *Pratt L.M., Phillips T.L., Dennison J.M.* Evidence of non-vascular land plants from the Early Silurian (Llandoveryan) of Virginia, USA // *Rev. Paleobot. Palynol.* – 1978. – Vol. 25. – Is. 2. – P. 121–149.
119. *Snigirevskaya N.S.* Studies of coal balls of the Donets Basin // *Rev. Palaeobot. Palynol.* – 1972. – Vol. 14. – P. 197–204.
120. *Snigirevskaya N., Lemoigne I.* Nouveau gisement dévonien à *Callixylon* dans le centre de la Sibérie. Conséquences pour la phytogéographie, la climatologie et les relations continentales au Dévonien supérieur // *C. R. Acad. Sci. Paris. Ser. II.* – 1990. – T. 311. – P. 1557–1562.
121. *Stewart W.N., Rothwell G.W.* Paleobotany and the evolution of plants. – Cambridge: Univ. Press, 1983. – 405 p.
122. *Taylor T.N.* Paleobotany. An introduction to fossil plant biology. – N.Y.: McGraw-Hill, 1981. – 589 p.
123. *Thomas B.A., Brack-Hanes S.D.* A new approach to family groupings in the lycophytes // *Taxon*. – 1984. – Vol. 33 (2). – P. 247–255.
124. *Vakhrameev V.A., Dobruskina I.A., Meyen S.V., Zaklinskaja E.D.* Paläozoische und mesozoische Floren Eurasiens und die Phytogeographie dieser Zeit. – Jena: VEB Gustav Fischer Verlag, 1978. – 300 S.
125. *Залесский М.Д.* О *Noeggerathiopsis aequalis* Гоепп., листьях *Mesopitys tchihatcheffii* (Гоепп.) Зал. // *Изв. РАН*. 7 сер. – 1917. – Т. 11. – С. 1391–1400.
126. *Sporne K.R.* The morphology of gymnosperms: The structure and evolution of primitive seed-plants. – L.: Hutchinson, 1965. – 216 p.
127. *Нейбург М.Ф.* Пермская флора Печорского бассейна. Ч. II. Членистостебельные (Sphenopsida). – М.: Наука, 1964. – 139 с. (Тр. ГИН АН СССР. Вып. 3).
128. Международный кодекс ботанической номенклатуры, принятый Двенадцатым Международным ботаническим конгрессом. Ленинград, июль 1975 г. / Пер. с англ. – Л.: Наука, 1980. – 284 с.
129. *Chaloner W.G., Sheerin A.* Devonian macrofloras // *Special Papers in Palaeontology*. – 1979. – No. 23. P. 145–161.
130. *Мейен С.В.* Гипотеза происхождения покрытосеменных от беннеттитов путем гамогетеротопии (переноса признаков с одного пола на другой) // *Журн. общ. биол.* – Т. 47. – № 3. – С. 291–309.
131. *Мейен С.В.* *Thuringia* – копролит, а не синангий // *Докл. АН СССР*. – Т. 270. – № 2. – С. 431–432.
132. *Meyen S.V.* *Thuringia*: gymnosperm synangium or coprolite? // *IOP Newsletter*. – № 20. – P. 6–7.

Краткий словарь имен, упоминаемых в письмах С.В. Мейена и Н.С. Снигиревской

- Авастхи Нуламбер (Awasthi Nilamber)* – индийский палеоботаник, сотрудник Института палеоботаники им. Б. Сани (Лакнау).
- Агаше Шрипад Нараян (Agashe Shripad Narayan; р. 1939)* – индийский палинолог, сотрудник Бангалорского университета.
- Ананьев Анатолий Анатольевич (р. 1952)* – геолог, доцент Томского политехнического университета, младший сын А.Р. Ананьева.
- Ананьев Анатолий Романович (1911–1992)* – палеоботаник, профессор Томского университета.
- Ананьев Владимир Анатольевич (1945–2020)* – палеоботаник, доцент Томского университета, старший сын А.Р. Ананьева.
- Арбер Эдвард Александр Ньюэлл (Arber Edward Alexander Newell; 1870–1918)* – британский палеоботаник, профессор Кембриджского университета.
- Арун-Газыева Варвара Юрьевна (1906–1987)* – майор медицинской службы в отставке, ветеран Великой отечественной войны, троюродная тетка Н.С. Снигиревской, жила в Москве.
- Архангельский Сергей (Archangelsky Sergio; р. 1931)* – аргентинский палеоботаник русского происхождения, сотрудник Аргентинского музея естественных наук (Буэнос-Айрес).
- Ахметьев Михаил Алексеевич (1935–2020)* – палеоботаник, сотрудник Геологического института.
- Байковская Татьяна Николаевна (р. 1912)* – палеоботаник и ботаник, сотрудница Ботанического института.
- Баранова Маргарита Александровна (р. 1938)* – палеоботаник и ботаник, сотрудница Ботанического института.
- Баттен Дэвид Дж. (Batten David J.; 1943–2019)* – британский палинолог, профессор Абердинского университета.
- Бек Чарльз Беверли (Beck Charles Beverley)* – американский ботаник и палеоботаник, профессор Мичиганского университета.
- Бирхорст Дэвид Уильям (Bierhorst David William; 1924–1997)* – американский ботаник.
- Бобров Евгений Григорьевич (1902–1983)* – ботаник, сотрудник Ботанического института.
- Болховитина Наталия Андреевна (1915–1997)* – палинолог, сотрудница Геологического института.
- Боултер Майкл Чарльз (Boulter Michael Charles; р. 1942)* – британский палеоботаник и ботаник, профессор Университета Восточного Лондона, в 1977–2002 годах секретарь Международной организации палеоботаники (ИОР).
- Брэк-Хэйнс Шейла Д. (Brack-Hanes Sheila D.)* – американский палеоботаник, сотрудница Эккерд-Колледжа (Санкт-Петербург, штат Флорида).
- Бураго Валентина Ивановна (1934–2016)* – палеоботаник, сотрудница Приморского производственного геологического объединения (Владивосток).
- Буро Эдуард Леон Франсуа (Boureau Édouard Léon François; р. 1913–1999)* – французский палеоботаник и ботаник, член Парижской Академии наук, профессор Университета Пьера и Марии Кюри (Париж).
- Быховский Борис Евсеевич (1908–1974)* – зоолог и паразитолог, академик АН СССР, директор Зоологического института (Ленинград) в 1962–1974 годах.
- Бэнкс Харлан Паркер (Banks Harlan Parker; 1913–1998)* – американский палеоботаник, профессор Корнеллского университета (Итака, штат Нью-Йорк).
- Вахрамеев Всеволод Андреевич (1912–1986)* – палеоботаник, член-корреспондент АН СССР, в 1956–1986 годах заведующий отделом (лабораторией) палеофлористики и стратиграфии континентальных отложений Геологического института.
- Вейланд Герман Герхард (Weyland Hermann Gerhard; 1888–1974)* – немецкий палеоботаник, член немецкой академии наук «Леопольдина», профессор Кёльнского университета.
- Викулин Сергей Васильевич (1953–2015)* – палеоботаник, сотрудник Ботанического института.
- Владимирович Вера Петровна (1924–1990)* – палеоботаник, сотрудница ВСЕГЕИ (Ленинград).
- Волкова Нина Андреевна (р. 1922)* – палинолог, сотрудница Геологического института.
- Гавлена Вацлав (Havlena Václav; 1928–1984)* – чешский геолог и палеоботаник, профессор Карлова университета (Прага).
- Галтье Жан (Galtier Jean)* – французский палеоботаник, профессор университета Монпелье,

- почетный научный директор Национального центра исследований Франции.
- Гаррис (Харрис) Томас Максвелл (Harris Thomas Maxwell; 1903–1983)* – британский палеоботаник, вице-президент Лондонского королевского общества, профессор Ридингского университета.
- Гедэ Мишель (Guédès Michel; 1942–1985)* – французский ботаник, сотрудник Национального музея естественной истории (Париж).
- Гензель (Генсель) Патрисия Гэбби (Gensel Patricia Gabbey; р. 1944)* – американский ботаник и палеоботаник, профессор университета Северной Каролины.
- Глухова Людмила Васильевна (р. 1939)* – палеоботаник, доцент Института горного дела, геологии и геотехнологий СФУ (Красноярск).
- Гоганова Лидия Александровна* – палеоботаник, сотрудница Института геологических наук им. К.И. Сатпаева (Актюбинск, Казахстан).
- Гоманьков Алексей Владимирович (р. 1953)* – палеоботаник, с 1975 по 2003 год сотрудник Геологического института, с 2003 года работает в Ботаническом институте.
- Гомолицкий Николай Павлович (р. 1934)* – палеоботаник, сотрудник Института ботаники АН Узбекистана (Ташкент).
- Горелова Сусанна Георгиевна (1920–1994)* – палеоботаник, сотрудница СНИИГТиМС (Новосибирск).
- Готан Вальтер Ульрих Эдуард Фридрих (Gothan Walter Ulrich Eduard Friedrich; 1879–1954)* – немецкий палеоботаник, член Берлинской Академии наук, профессор Берлинского университета.
- Грамба Луи (Grambast Louis; 1927–1976)* – французский палеоботаник, профессор Университета Монпелье.
- Гранд’Эри Франсуа Сирилл (Grand’Eury François Cyrille; 1839–1917)* – французский геолог и палеоботаник, член-корреспондент Парижской Академии наук, профессор Горной школы Сент-Этьена.
- Делле Галина Васильевна (1931–2014)* – палеоботаник, сотрудница Ботанического института.
- Дилчер Дэвид Леонард (Dilcher David Leonard; р. 1936)* – американский ботаник и палеоботаник, профессор Индианского университета.
- Добрускина Инна Андреевна (1933–2014)* – палеоботаник, сотрудница Геологического института, в 1990–1999 годах работала в Иерусалимском университете (Израиль).
- Долуденко Майя Прокофьевна (1931–2020)* – палеоботаник, сотрудница Геологического института.
- Дроздова Ирина Николевна* – ботаник, сотрудница Педагогического института им. А.И. Герцена (Ленинград – Санкт-Петербург).
- Дубинина Наталья Михайловна (р. 1936)* – старший лаборант лаборатории палеофлористики Геологического института.
- Дуранте Марина Викторовна (1934–2014)* – палеоботаник, сотрудница Геологического института.
- Елютин Вячеслав Петрович (1907–1993)* – член-корреспондент АН СССР, в 1959–1985 годах министр высшего и среднего специального образования СССР.
- Железкова Елена Владимировна (р. 1955)* – лаборант лаборатории палеоботаники Ботанического института.
- Жилин Сергей Глебович (1932–2010)* – палеоботаник, сотрудник Ботанического института.
- Забинкова Нора Ноевна (1927–1999)* – филолог-латинист, переводчик на русский язык трудов Карла Линнея, заведующая кафедрой латинского языка Ленинградского педиатрического медицинского института.
- Заклинская Елена Дмитриевна (1910–1989)* – палинолог, сотрудница Геологического института.
- Залесский Дмитрий Михайлович (1910–1987)* – ботаник, директор Ботанического сада Ленинградского университета в 1946–1981 годах, сын М.Д. Залесского.
- Залесский Михаил Дмитриевич (1877–1946)* – палеоботаник, член-корреспондент АН СССР, работал в Геолкоме – ВСЕГЕИ (Санкт-Петербург – Ленинград).
- Занина Надежда Михайловна (р. 1945)* – сотрудница иностранного отдела Ботанического института.
- Зарицкий Петр Васильевич (1928–2017)* – геолог-угольщик, литолог, профессор Харьковского университета.
- Игнатов Михаил Станиславович (р. 1956)* – ботаник и палеоботаник, заведующий Гербарием Главного ботанического сада РАН.
- Игнатъев Игорь Анатольевич (р. 1959)* – палеоботаник, сотрудник Геологического института.
- Ильинская Ирина Алексеевна (1921–2011)* – палеоботаник, сотрудница Ботанического института.
- Ищенко Алла Антоновна (р. 1939)* – палеоботаник, сотрудница Института геологический наук (Киев).

- Иценко Тамара Анастасьевна* (р. 1915) – палеоботаник, сотрудница Института геологических наук (Киев).
- Керн Ханс* [*Kerp Hans (Johannes Henricus Franciscus)*; р. 1954] – немецкий палеоботаник голландского происхождения, профессор Вестфальского университета (Мюнстер, Германия).
- Козлов Матвей Зотович* (1909–1964) – шлифовальщик лаборатории палеоботаники Ботанического института.
- Красилов Валентин Абрамович* (1937–2015) – палеоботаник, с 1961 по 1989 был сотрудником сначала Дальневосточного геологического института, а затем Биолого-почвенного института ДВНЦ АН СССР (Владивосток). Позднее работал директором ВНИИ охраны природы и заповедного дела, заведующим лаборатории палеоботаники Палеонтологического института (Москва), а в последние годы – заведующим лаборатории палеоботаники Института эволюции Университета г. Хайфа (Израиль).
- Крёйзел Ричард Освальд Карл* (*Kräusel Richard Oswald Karl*; 1890–1966) – немецкий палеоботаник, профессор Франкфуртского университета.
- Криштофович Африкан Николаевич* (1885–1953) – палеоботаник, член-корреспондент АН СССР, в 1949–1953 годах заведующий сектором палеоботаники Ботанического института.
- Кронквист Артур Джон* (*Cronquist Arthur John*; 1919–1992) – американский ботаник-таксономист, сотрудник Нью-Йоркского ботанического сада.
- Кудряшов Леонид Васильевич* (1910–1976) – ботаник, заведующий кафедрой высших растений Московского университета в 1963–1970 годах.
- Кутузкина Елена Федоровна* (р. 1914) – палеоботаник, сотрудница Ботанического института.
- Лапкин Иосиф Юдович* (1908–1995) – палеонтолог, сотрудник УкрНИИГаз (Харьков).
- Леклерк Сюзанна Селин Мари Жюли Жозефина* (*Leclercq Suzanne Céline Marie Julie Joséphine*; 1901–1994) – бельгийский палеоботаник, профессор Льежского университета.
- Лемуань Ив* (*Lemoigne Yves*; р. 1933) – французский палеоботаник, профессор Лионского университета.
- Лепехина Вероника Георгиевна* (1931–2009) – палеоботаник, сотрудница ВСЕГЕИ (Ленинград – Санкт-Петербург).
- Ливитт Роберт Гринлиф* (*Leavitt Robert Greenleaf*; 1865–1942) – американский ботаник; имея докторскую степень Гарвардского университета, занимался преподаванием ботаники в средней школе.
- Линчевский Игорь Александрович* (1908–1997) – ботаник, сотрудник Ботанического института.
- Любищев Александр Александрович* (1890–1972) – энтомолог и эволюционист, профессор Ульяновского педагогического института.
- Магешвари Хари Кришна* (*Maheshwari Hari Krishna*) – индийский палеоботаник, сотрудник Института палеоботаники им. Б. Сани (Лакнау).
- Мамай Сергей Гарри* (*Mamay Sergius Harry*; 1920–2008) – американский палеоботаник русского происхождения, сотрудник Смитсоновского института (Вашингтон).
- Маслов Владимир Петрович* (1891–1968) – палеоальголог, сотрудник Геологического института.
- Масумов Александр Садыкович* (р. 1938) – узбекский палеонтолог, сотрудник Института геологии и геофизики АН Узбекистана (Ташкент).
- Мейен Софья Михайловна* (1903–1982) – мать С.В. Мейена.
- Мейен Маргарита Алексеевна* (1935–2004) – жена С.В. Мейена.
- Мейер-Берто Брижитт Мадлен* (*Meyer-Berthaud Brigitte Madelaine*) – французский палеоботаник, научный директор Национального центра исследований Франции (Монпелье).
- Меннер Владимир Васильевич* (1905–1989) – стратиграф и палеонтолог, академик АН СССР, в 1940–1989 годах возглавлял отдел (сектор) стратиграфии Геологического института, а с 1961 по 1974 год был также заместителем директора института по научным вопросам.
- Мигдисова Алевтина Викторовна* (р. 1942) – палеонтолог, сотрудница кафедры палеонтологии Московского университета.
- Миллей Майкл Э.* (*Millay Michael A.*) – американский палеоботаник, профессор Университета Огайо.
- Могучева Нина Кузьминична* (р. 1934) – палеоботаник, сотрудница СНИИГТиМС (Новосибирск).
- Нейбург Мария Фридриховна* (*Фёдоровна*) (1894–1962) – палеоботаник, сотрудница Геологического института.

- Новик Екатерина Иосифовна (Осиповна)* (1898–1984) – палеоботаник, член-корреспондент АН УССР, сотрудница Института геологических наук (Киев).
- Нухимовский Ефим Львович* (р. 1942) – ботаник, сотрудник Всесоюзного НИИ лекарственных и ароматических растений (Москва).
- Олесова* (ур. *Мейен*) *Екатерина Сергеевна* (р. 1956) – дочь С.В. Мейена.
- Овчинников Юрий Анатольевич* (1934–1988) – биохимик, директор Института биоорганической химии (Москва), вице-президент АН СССР в 1974–1988 годах.
- Ошуркова Майя Владимировна* (1932–2020) – палеоботаник и палинолог, сотрудница ВСЕГЕИ (Ленинград – Санкт-Петербург).
- Пант Дивия Даршан (Pant Divya Darshan; 1919–2001)* – индийский палеоботаник, профессор Аллахабадского университета.
- Паперный Зиновий Самойлович* (1919–1996) – литературный критик, литературовед, писатель. Также известен как литературный пародист.
- Пейве Александр Вольдемарович* (1909–1985) – геолог-тектонист, академик АН СССР, с 1960 по 1985 год директор Геологического института.
- Петросян Нина Михайловна* (1930–2001) – палеоботаник, сотрудница ВСЕГЕИ (Ленинград – Санкт-Петербург).
- Пламстед Эдна Паулина (Plumstead Edna Pauline; 1903–1989)* – южноафриканский палеоботаник, сотрудница Витватерсрандского университета.
- Познер Виктор Михайлович* (р. 1910) – палеонтолог, сотрудник ВНИГРИ (Ленинград).
- Потонье Анри (Potonié Henry; 1857–1913)* – немецкий ботаник и палеоботаник, член Немецкой академии наук «Леопольдина», профессор Берлинского университета.
- Принада Василий Дмитриевич* (1897–1950) – палеоботаник, сотрудник Геолкома – ВСЕГЕИ (Ленинград) и Иркутского геологического управления.
- Работнов Тихон Александрович* (1904–2000) – геоботаник, в 1968–1981 годах заведующий кафедрой геоботаники Московского университета.
- Радченко Георгий Павлович* (1909–1972) – геолог и палеоботаник, сотрудник ВСЕГЕИ (Ленинград).
- Расказова Елена Степановна* (1911–1969) – палеоботаник, сотрудница Геологического института.
- Реталляк Грегори Джон (Retallack Gregory John; р. 1951)* – австралийский палеоботаник и палеопедолог, профессор Орегонского университета (США).
- Розанов Алексей Юрьевич* (р. 1936) – палеонтолог, академик РАН, в 1977–1992 годах заместитель директора Палеонтологического института (Москва).
- Ротвелл Гар У. (Rothwell Gar W.; р. 1944)* – американский палеоботаник, профессор Университета Огайо.
- Садовников Геннадий Николаевич* (р. 1932) – геолог и палеоботаник, до середины 1960-х годов работал в Геологическом институте, затем во Всесоюзном аэрогеологическом тресте (ВАГТ) и в Геолого-разведочном институте – университете (Москва).
- Самылина Валентина Алексеевна* (1930–2000) – палеоботаник, сотрудница Ботанического института.
- Свешникова Ирина Николаевна* (1921–1991) – палеоботаник, сотрудница Ботанического института.
- Северцов Алексей Николаевич* (1866–1936) – биолог, академик АН СССР, основатель и первый директор Института эволюционной морфологии и палеозоологии (Москва).
- Серебряков Иван Григорьевич* (1914–1969) – ботаник, один из основателей биоморфологии растений, работал в Московском университете и Московском городском педагогическом институте.
- Сикстель Татьяна Алексеевна* (1910–1981) – палеоботаник, работала в учреждениях Министерства геологии Узбекской ССР (Ташкент).
- Смирнова Галина Михайловна* (1921–2005) – старший лаборант лаборатории палеофлористики Геологического института.
- Снигиревская Екатерина Михайловна* (1906–1984) – зоолог, сотрудница Зоологического института (Ленинград), мать Н.С. Снигиревской.
- Снигиревская Екатерина Сергеевна* (р. 1939) – цитолог, сотрудница Института цитологии (Санкт-Петербург), сестра Н.С. Снигиревской.
- Снигиревский Сергей Михайлович* (р. 1967) – палеоботаник, доцент Санкт-Петербургского университета и сотрудник Ботанического института, сын Н.С. Снигиревской.
- Соколов Борис Сергеевич* (1914–2013) – палеонтолог, академик АН СССР (РАН), с 1958 по 1979 год сотрудник Института геологии и геофизики (Новосибирск), а с 1977 по 2013

- год – Палеонтологического института (Москва).
- Спорн Кеннет Роберт (Sporne Kenneth Robert; р. 1915)* – британский ботаник и эволюционист, профессор Кембриджского университета.
- Стеббинс Джордж Ледьярд (Stebbins George Ledyard; 1906–2000)* – американский ботаник, генетик и эволюционист, член Национальной академии наук США, профессор Калифорнийского университета.
- Страхов Николай Михайлович (1900–1978)* – геолог и геохимик, академик АН СССР, с 1937 по 1959 год возглавлял отдел литологии Геологического института, затем был там же заведующим лабораторией геохимии осадочных пород.
- Стрельников Сергей Иванович (р. 1938)* – палеонтолог, сотрудник Северо-западного геологического управления, затем – ВСЕГЕИ (Ленинград – Санкт-Петербург).
- Стюарт Уилсон Николс (Stewart Wilson Nichols; 1917–2004)* – американский палеоботаник, профессор Альбертского университета (Канада).
- Суранге Кришна Раджарам (Surange Krishna Rajaram; 1920–2010)* – индийский палеоботаник, директор Института палеоботаники в Лакнау в 1959–1980 годах.
- Сух-Дев (Sukh-Dev)* – индийский палеоботаник, сотрудник Института палеоботаники им. Б. Сани (Лакнау).
- Сьюорд Альберт Чарльз (Seward Albert Charles; 1863–1941)* – британский ботаник и палеоботаник, член Лондонского королевского общества, профессор Кембриджского университета.
- Тахтаджян Армен Леонович (1910–2009)* – ботаник, академик АН СССР (РАН), с 1954 года возглавлял отдел палеоботаники Ботанического института, затем – отдел высших растений, с 1976 по 1986 годы был директором Ботанического института.
- Тейлор Томас Норвуд (Taylor Thomas Norwood; 1938–2016)* – американский палеоботаник, профессор Канзасского университета.
- Тесленко (Дукельский-Тесленко) Юрий Владимирович (1924–2006)* – палеоботаник, член-корреспондент НАНУ, сотрудник Института геологических наук (Киев).
- Тимофеев Петр Петрович (1918–2008)* – геолог, член-корреспондент АН СССР (РАН), с 1960 года заместитель директора и глава сектора литологии и геохимии Геологического института, в 1986–1989 годах – директор этого института.
- Тихомиров Вадим Николаевич (1932–1998)* – ботаник, член-корреспондент АН СССР (РАН), в 1976–1998 годах заведующий кафедрой высших растений Московского университета. Был членом редколлегии, а затем главным редактором журнала «Бюллетень МОИП. Отдел Биологический».
- Томас Барри (Thomas Barry A.)* – британский палеоботаник, профессор Университета Аберистуита.
- Турутанова-Кетова (Кетова-Турутанова) Антонина Ивановна (1896–1973)* – палеоботаник, сотрудница Ботанического института.
- Уоддингтон (Уэддингтон) Конрад Хэл (Waddington Konrad Hal; 1905–1975)* – британский эмбриолог, генетик и философ науки, член Лондонского королевского общества, профессор Эдинбургского университета.
- Урманцев Юний Абдулович (1931–2016)* – философ, биолог, математик, создатель собственного варианта общей теории систем (ОТС), сотрудник Института физиологии растений (Москва).
- Устрицкий Виталий Иванович (1923–2013)* – геолог и палеонтолог, сотрудник НИИГА – ВНИИОкеангеология (Ленинград – Санкт-Петербург).
- Утехин Юрий Александрович (р. 1930)* – врач-офтальмолог, основатель офтальмокибернетики.
- Фейстмантель Отокар Эдуард Франц Карел (Feistmantel Otokar Eduard Franz Karel; 1848–1891)* – чешский геолог и палеоботаник, работал в Пражском Национальном музее, Императорском Геологическом институте Вены, Вроцлавском университете, Геологической службе Индии.
- Фефилова Лидия Александровна (р. 1937)* – палеоботаник, сотрудница Института геологии (Сыктывкар), затем ВНИИОкеангеология (Санкт-Петербург).
- Филин Владимир Романович (р. 1937)* – ботаник, сотрудник кафедры высших растений Московского университета.
- Филлипс Том Ли (Phillips Tommy Lee; 1931–2018)* – американский палеоботаник, профессор Иллинойского университета.
- Флёров Константин Константинович (1904–1980)* – палеонтолог, художник-анималист, с 1938 по 1973 год сотрудник Палеонтологического института, затем Института эволюци-

- онной морфологии и экологии животных (Москва).
- Флорин Карл Рудольф* (*Florin Carl Rudolf*; 1894–1965) – шведский ботаник и палеоботаник, член Шведской Академии наук, директор Бергианского ботанического сада в Стокгольме.
- Фостер Клинтон Брюс* (*Foster Clinton Bruce*) – палинолог и геохимик, профессор Австралийского национального университета (Канберра).
- Харт Джордж Ф.* (*Hart George F.*) – американский палинолог и геохимик, профессор Луизианского университета.
- Хикки Лео* (*Hickey Leo J.*; 1940–2013) – американский палеоботаник, профессор Йельского университета (Нью-Хейвен, штат Коннектикут).
- Холмс Джон* (*Holmes John C.*; 1949–1989) – палеоботаник, сотрудник Национального центра исследований Франции (Монпелье).
- Хьюз Норман Френсис* (*Hughes Norman Francis*; 1918–1994) – британский палинолог и палеоботаник, профессор Кембриджского университета.
- Циммерман Вальтер Макс* (*Zimmermann Walter Max*; 1892–1980) – немецкий ботаник, палеоботаник и эволюционист, профессор Тюбингенского университета.
- Чалонер Уильям Гилберт* (*Chaloner William Gilbert*; 1928–2016) – британский палеоботаник, профессор Лондонского университета.
- Черепанов Сергей Кириллович* (1921–1995) – ботаник, сотрудник Ботанического института.
- Чиркова (Чиркова-Залесская) Елена Федоровна* (1894–1972) – палеоботаник, сотрудница Института геологии и разработки горючих ископаемых (Москва), вторая жена М.Д. Залесского.
- Шаршмидт Йоганнес Фридемманн* (*Schaarschmidt Johannes Friedemann*; 1934–2005) – немецкий палеоботаник и палинолог, сотрудник Зенкенбергского научно-исследовательского института (Франкфурт-на-Майне).
- Шах Сатииш Чандра Дас* (*Sah Satish Chandra Das*) – индийский палинолог, сотрудник Института палеоботаники им. Б. Сани (Лакнау).
- Швайцер Ганс-Йоахим* (*Schweitzer Hans-Joachim*; 1928–2007) – немецкий палеоботаник, профессор Боннского университета.
- Шеклер Стивен Е.* (*Schekler Stephen E.*) – американский палеоботаник, профессор Виргинского политехнического института и университета.
- Шилкина Инесса Алексеевна* (р. 1927) – палеоботаник, сотрудница Ботанического института.
- Штеренберг Лазарь Ефимович (Хаимович)* (р. 1913) – литолог и геохимик, сотрудник Геологического института.
- Щёголев Александр Константинович* (1931–2014) – палеоботаник, сотрудник Института геологических наук (Киев).
- Щербакова Анна Петровна* (1882–1982) – няня Е.М. Снигиревской, матери Н.С. Снигиревской.
- Эдвардс Диана* (*Edwards Dianne*; р. 1942) – британский палеоботаник, член Лондонского королевского общества, профессор Университета Уэльса Суонси.
- Эйхвальд Эдуард Иванович* (1795–1876) – естествоиспытатель, внесший свой вклад в различные отрасли естественных наук, в том числе и в палеоботанику, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, профессор Медико-хирургической академии (Санкт-Петербург).
- Эндрюс Генри Натаниэль* (*Andrews Henry Nathaniel*; 1910–2002) – американский палеоботаник, профессор Коннектикутского университета.
- Янишин Александр Леонидович* (1911–1999) – геолог, академик АН СССР (РАН), с 1958 года заместитель директора Института геологии и геофизики (Новосибирск), а с 1982 года вице-президент АН СССР и директор Института литосферы окраинных и внутренних морей (Москва).
- Яценко-Хмелевский Андрей Алексеевич* (1909–1987) – ботаник, профессор Лесотехнической академии (Ленинград).